



БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

HUMAN IN THE SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Издается с февраля 2020 г.

Выходит один раз в полугодие

1-2

2025

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **КОРОЛЬ А. Д.** – доктор педагогических наук, профессор; ректор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rector@bsu.by
- Заместитель
главного редактора** **БУРАЧОНОК А. В.** – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: burachonak@bsu.by
- Ответственный
секретарь** **ФРОЛОВА Н. Ю.** – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: frolovanu@bsu.by
- Арташкина Т. А.** Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
- Бабосов Е. М.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Баженова О. Д.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Будучев В. А.** Университет Лотарингии, Мец, Франция.
- Важник С. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Воронович И. Н.** Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Гафаров Х. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Глейтер Й.** Берлинский технический университет, Берлин, Германия.
- Джохадзе Г. А.** Государственный университет им. Ильи, Тбилиси, Грузия.
- Духан И. Н.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Зверева Г. И.** Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
- Котович Т. В.** Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
- Лаврентьев А. Н.** Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, Москва, Россия.
- Локотко А. И.** Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Мартынов В. Ф.** Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
- Павильч А. А.** Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
- Печенева Т. А.** Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Прохоренко О. Г.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Свидерская М. И.** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
- Симян Т. С.** Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
- Снапковская С. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Сухоцкая Т. Ф.** Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь.
- Филипп К. Я.** Штутгартский университет, Штутгарт, Германия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **KAROL A. D.**, doctor of science (pedagogy), full professor; rector of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rector@bsu.by

Deputy editor-in-chief **BURACHONAK A. V.**, PhD (history), docent; dean of the faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: burachonak@bsu.by

Executive secretary **FROLOVA N. U.**, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of communication design, faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: frolovanu@bsu.by

- Artashkina T. A.** Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
Babosov E. M. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bazhenova O. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Buduchev V. A. Université de Lorraine, Metz, France.
Dukhan I. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gafarov H. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gleiter J. Berlin Technical University, Berlin, Germany.
Jokhadze G. A. Ilia State University, Tbilisi, Georgia.
Kotovitch T. V. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
Lavrentiev A. N. Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts, Moscow, Russia.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Martynov V. F. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Pavilch A. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Pechenyova T. A. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Philip K. Ya. University of Stuttgart, Stuttgart, Germany.
Prakharenko A. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sviderskaya M. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Simyan T. S. Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Snapkovskaya S. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sukhotskaya T. F. Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voronovich I. N. Sports and Tourism Ministry of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Zvereva G. I. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

УДК 7.01 + 793.3

РИТОРИКО-ФИГУРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ИСТОРИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖЕСТА

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрывается роль античной риторики в формировании языка современной культуры жеста. Выделяются отличительные черты художественного жеста в различных историко-культурных контекстах, а также проясняется специфика эволюции специализированного научного языка, позволяющего подвергнуть социально-культурную динамику художественного жеста критическому анализу. Демонстрируются особенности диалога философии и современной хореографии.

Ключевые слова: художественный жест; риторика; ораторское искусство; фигуры речи и мысли; танец; пантомима; хореография; культура жеста.

Образец цитирования:

Мацевич-Духан ИЯ. Риторико-фигуративный подход к истории художественного жеста. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:4–9.
EDN: UCLBVD

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. The rhetoric-figurative approach to the history of artistic gesture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:4–9. Russian.
EDN: UCLBVD

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – доктор философских наук, доцент; заведующий кафедрой культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, doctor of science (philosophy), docent; head of the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications.
matsevichdukhan@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5263-2371>

THE RHETORIC-FIGURATIVE APPROACH TO THE HISTORY OF ARTISTIC GESTURE

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article explicates the role of ancient rhetoric in the formation of contemporary gesture culture. The author outlines distinguishing features of the artistic gesture in different historical and cultural contexts, reveals the specifics of the evolving special scientific language which allows subjecting the socio-cultural dynamics of artistic gesture to critical analysis. The particular character of the dialogue between philosophy and contemporary choreography is demonstrated.

Keywords: artistic gesture; rhetoric; eloquence; figures of speech and thought; dance; pantomime; choreography; gesture culture.

Введение

История конфигурирования художественного жеста как предмета научного исследования начинается с разработки теории ораторского искусства. Формирование классического риторического канона предполагало систематизацию выразительных жестов, способных транслировать смысл человеческой коммуникации и наделять его определенными чувственными и ценностными характеристиками. Исследование истории европейского танца в контексте риторики помогает выявить взаимоотношения жеста, слова, образа и мысли в процессе осознания утраты и возрождения духа античной пантомимы. Стремление раскрыть загадку античного танца содействует возвращению к истокам и одновременно обновлению современных форм художественного выражения на сцене через призму молчаливого сказывания греко-римской пантомимы. В данной статье рассматриваются различные исторические вехи эволюции художественного жеста, позволяющие выделить по-

этапную смену акцентов в движении от слова к образу и далее – к поиску инструментов выражения мысли. Последовательная реконструкция процесса развития художественного жеста от ритуальной пляски к мысли, проявляющейся в диалоге танца и философии, позволяет прояснить особенности преодоления кризиса культуры жеста в современном мире.

Использование риторико-фигуративного подхода [1–3] предполагает раскрытие постепенной трансформации фигуры речи в телесный жест посредством терминологического анализа античной и новоевропейской драмматики танца, а также историко-культурной реконструкции эстетических идеалов в искусстве классического и модернистского танца [4–6]. Проецирование языка риторики на искусство хореографии позволяет выделить ключевые смысловые доминанты в раскрытии сущности художественного жеста в различные исторические периоды развития европейской культуры.

Античный художественный жест

Одним из первых античных мыслителей, посвятивших научный трактат исследованию художественного жеста, является древнегреческий писатель Лукиан. В его работе «О пляске» («Περὶ Ὀρχήσεως», 160–180 гг.) раскрывается сущность танца «пантомима» (от др.-греч. «всеподражатель»): «Искусство это – ты сам убедишься – не из легких и быстро преодолимых, но требует подъема на высочайшие ступени всех наук: ни одной только музыки, но и ритмики, геометрии и особенно излюбленной твоей философии, как естественной, так и нравственной, – только диалектику пляска признает для себя занятием праздным и неуместным» [2, с. 590–591]. Лукиан поочередно перечисляет все науки и искусства, которыми должен овладеть танцор, чтобы стать подлинным пантомимом. Этот фрагмент примечателен в силу попытки Лукиана возвысить танец до уровня научного познания с элементами художественной интуиции и преодолеть скептический взгляд на ре-

месло, призванное преимущественно развлекать и воспитывать. Подобным образом Платон в диалоге «Федр» [3] описывает, чем должен овладеть оратор, чтобы выйти за рамки ремесла мира теней и выразить саму суть прекрасного в мире идей. Лукиан уподобляет танцора оратору, «хранящему молчанье» [2, с. 595]. Молчание пантомима «вносит лад и меру в душу смотрящего» [2, с. 582] и приучает зрителя, созерцающего пляску, внимать ее язык жестов.

Пантомима сменяет древнегреческий драматический танец тогда, когда он отделяется от риторического и социально-политического контекста. Исполнитель все в большей мере демонстрирует «эмоциональную и эстетическую власть индивидуального тела»¹ [7, р. 245]. Не случайно понятие стиля как отличное от понятия стиля-жеста зарождается и оформляется в эпоху Августа. Именно в это время пантомима выделяется из театрального пространства,

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

превращаясь в немой танец на драматическую тему [8]. Если у греков танец дополнял, украшал и прояснял сказанное в трагедии, то у римлян в пантомиме танец становится самодостаточным феноменом.

В Древнем Риме намечается переход от фигуры речи и мысли как проявления сущностного характера и этоса оратора к учению о фигурах как орнаментике. Цицерон и Квинтилиан уподобляют речь телу, наделяя ее все большей степенью наглядности и заставляя зрителей узреть ее. Такое развитие реализуется не только в риторике, но и параллельно в архитектуре (переход от сложной объемно-пространственной формы к орнаментированной поверхности). Стиль римского оратора, как и стиль римского архитектора, опознается по линии контура фигур, складывающихся в общую геометрическую форму, визуально прочитываемую на поверхности сказываемого. Не случайно именно римские мимы способствовали выделению автономного пространства жестов как самодостаточной художественной сферы. Они выходили за рамки допустимого религией и законом, поэтому выступления мимов часто казались провокационными и осуждались. Мимов изгоняли, но они возвращались.

Историю жеста можно рассматривать как постепенное превращение античной драмы в зрелищно-

развлекательную пантомиму, где древнегреческий жест (др.-греч. *σχῆμα*) замещается древнеримским жестом (лат. *gestus*). Для греков термин «σχῆμα» означает прежде всего собирание формы, но еще не саму форму. Древнегреческий жест – всегда подготовка к сказыванию, не сводимому к аподиктическому высказыванию. Подобным образом древнеримский жест являет и выносит на себе суть исторического движения, но не может длиться, обрывая сказанное в таинственном предчувствии фатума.

В контексте древнегреческой трагедии жест является частью органичного целого, он проясняет значения слов, визуализирует их на сцене. Подобный жест не может быть вырван из контекста драматического повествования. Если древнегреческий трагический жест глубоко укоренен в единстве свершаемого действия, то древнеримский жест пантомимы, напротив, позволяет вывести зрителя за рамки повествования, обрывая его в предчувствии непредсказуемого. В то же время древнеримская риторика критикует театральный жест, так как подлинно древнеримский оратор – это продукт стиля жизни в целом и каждый жест данного оратора – это модус проживаемого им этоса. И в данном отношении между древнегреческой и древнеримской культурой жеста сохранялась преемственность.

Новоевропейская культура жеста

Немецкий философ Х.-Г. Гадамер [9] выявляет победу самого процесса формирования над его результатом в виде готовой формы в эпоху позднего Ренессанса. В это время зарождается идея динамичной формы (лат. *formatio*, нем. *Bildung*), выражающейся в процессе формирования с помощью риторического образования особого рода чувствительности человека к окружающей действительности и самому себе. Оформление такой чувствительности отражается в способности суждения вкуса.

В XVII в. зарождается «пространство салонной культуры», где на первый план выходит «способность быть приятным обществу» [10, с. 9]. Историк культуры М. С. Неклюдова показывает ее формирование на примере эстетики «голубой комнаты» госпожи де Рамбуйе [10, с. 10]. Развитие данного салона дало повод Ж.-Л. Г. де Бальзаку воссоздать его особую атмосферу в работе «Продолжение живого разговора, или О беседе римлян» (1639). Образованность человека, искусство общения, культура речи, умение держать и подавать себя становятся одними из основных условий вхождения в данное пространство.

В XVIII в. труд «Очерк истории танца» (1712) английского балетмейстера Дж. Уивера возрождает и популяризирует искусство греко-римской пантомимы как «науку подражательную и демонстративную» [11, р. 22]. В 1714 г. во Франции была реализована первая попытка реконструкции античной пантомимы на сцене (по заказу А. Л. де Бурбон-Конде): Ф. Прево и К. Баллон исполнили четвертый акт трагедии П. Корнеля «Гораций» под музыку французского композитора Ж.-Ж. Муре. Французский аббат Ж. Б. Дюбо полагал, что именно прочтение эссе о пантомиме навело А. Л. де Бурбон-Конде на мысль о возрождении античного танца на придворной сцене [11, р. 22].

В процессе замещения жеста словом рождается балет как воспоминание о предельном жесте в риторике танца, венчающей классические искусства Нового времени. Если ранее танец рассматривался как молчаливое ораторское искусство, то в эпоху Просвещения он обретает свой собственный язык, во многом благодаря великим реформаторам балетного театра Дж. Уиверу и Ж.-Ж. Новерру, и постепенно становится центральным элементом театрального произведения.

Возрождение искусства пантомимы в эпоху модерна

Тема воплощения живописных образов античных жестов на сцене актуализируется с особой остротой в XIX в., когда появляется фотоаппарат и реализуются научные эксперименты с использованием техни-

ки реконструкции античного танца по произведениям вазописи [12]. Танец того времени – во многом продукт осмысления античной живописи и скульптуры на сцене, отражающий стремление исполни-

телей вернуться к подлинной пантомиме, которая просуществовала лишь с III в. до н. э. по VII в. н. э. [11, p. 19–20].

Балет эпохи модерна, выходя за рамки слова, попытался возродить искусство античной пантомимы. У русского хореографа М. Фокина танец не говорил, а изображал, предельно отдаляя свой мир от оперы: «...действия и чувства были выражены позами и движением. Никто не говорил руками» [6, с. 132]. Уже в его первых одноактных драмах и лирических миниатюрах переосмысливался классический танец XIX в., но без отказа от его основ, тем самым подготавливалась почва «для триумфа неоклассицизма середины XX столетия» [4, с. 19]. Очевидно, что М. Фокин находился под влиянием американской танцовщицы А. Дункан, исследовавшей античное искусство и воплощавшей его образы на сцене. Хотя балетный критик А. Я. Левинсон [5] полагал, что в танце А. Дункан проявился не столько древнегреческий жест, сколько интерес к здоровому телу. Если развить эту мысль, то можно рассматривать современный танец как попытку возрождения пантомимы, превратившейся в итоге в культуру здорового тела.

К античной пантомиме обращался также русский артист балета и хореограф В. Нижинский. М. Фокин называл танец «Фавн» В. Нижинского «не балетом, а пантомимой» [6, с. 166], подвергая его тем самым

неодобрительной критике. Специфика трактовки пантомимы В. Нижинского во многом обусловлена его интересом к античному танцу и физическими данными: «Нижинский был слабават в музыкальном отношении, и счет ему давался с трудом, но зато он улавливал жест, его сокровенный смысл, и работа с ним всегда шла приятно именно по этой причине» [6, с. 154]. О постановке «Дафнис и Хлоя» М. Фокин отзывался так же критично, как и о «передаче романа Лонгуса в формах античной пластики» и «движений, основанных на изучении греческой скульптуры, живописи» [6, с. 170]. В отличие от В. Нижинского М. Фокин построил свой балет «на греческой пластике периода расцвета» [6, с. 170]. Несмотря на стремление хореографов приблизиться к античному танцу, великие мастера эпохи модерна оказываются невольными заложниками собственной интерпретации архаической улыбки и шага курсы.

Античная пантомима для современного театра все еще остается лишь миражом [11]. Чем больше исполнитель пытается приблизиться к подлинно античному художественному жесту, раскрыть его загадку и воспроизвести его, тем более смелым и недоступным для понимания современников оказывается данное движение. Оно увлекает танцовщика в мистический поиск истока бытия, где он в итоге теряет рассудок.

Кризис культуры жеста

В начале XX в. вместе с развитием экспериментальной психологии и антропологии начинает существенно меняться природа художественного жеста на сцене и в повседневной жизни. Экспансия фото- и киноискусства во многом способствует радикальному переосмыслению и преобразению его природы. В это время на смену жесту приходит нервное телодвижение, не всегда поддающееся интерпретации [13, p. 49–52]. Кризис культуры жеста проявляется с особой остротой в конце XIX в., когда психологи выявляли отклонения от нормы в природе публичного жеста. Врачи описывали движения больных как «вовлеченных в некий танец (chorea) независимо от какой-либо временной цели» [13, p. 51].

Подтверждением кризиса культуры жеста в первой половине XX в. является специфика развития авторского права в отношении художественного жеста. Американский философ Дж. ван Камп [14] обращает внимание на эволюцию определений хореографического произведения и его первоосновных элементов в американской судебной-законодательной системе XX в. Особый интерес представляет дело о нарушении авторских прав Фонда Баланчина издательством *MacMillan* при публикации в книге «Щелкунчик» снимков танцовщиков, исполняющих балет «Щелкунчик» Дж. Баланчина. В судебной документации по этому делу присутствуют важные определения того, что именно рассматривается в качестве призна-

ваемой судом ценности в структуре танца. Фотография репрезентирует «жест или композицию из тел танцоров» [14]. Суд подчеркивает значимость жеста как первоэлемента танца и отмечает, что по этому жесту «типичный зритель может “воспринять даже больше” по одной фотографии» [14], то есть зритель интуитивно считывает серию картинок, исходя из «законов гравитации» [14]. Сам факт рассмотрения жеста в качестве первоэлемента хореографического произведения становится прецедентом. Прослеживая развитие закона авторских прав в сфере хореографии, Дж. ван Камп отмечает, что еще в начале XX в. не только танцевальный жест не мог рассматриваться в качестве предмета защиты, но и даже серия жестов вне сюжетной линии повествования не обладала ценностью, так как само танцевальное движение в США до 1976 г. защищалось авторским правом только как элемент музыкально-драматического произведения.

Может ли жест в своем единстве и единственности рассматриваться как танец? Ответ самой хореографии оказывается положительным: «Всего несколько жестов. Так поставлена вся “Шехеразада”. Жесты только те, которые понятно выражают данный момент действия. В этом балете есть и любовь, и страсть, и плутовство, и гнев, и горе, и отчаяние и нет никакой жестикуляции. В балете есть жесты рук, но это те жизненные жесты, которыми мы сопровождаем

свою речь» [6, с. 133]. В то время как правоведы сомневаются в автономном и суверенном существовании танца-жеста, философ права Дж. ван Камп дает утвердительный ответ на этот вопрос: «Если танец есть жест, а это действительно так, то скорее потому, что он есть не более чем длительность и выражение медиального характера телесных движений. Жест есть проявление медиальности: это процесс визуализации средства как такового» [14].

Сегодня хореография уже не является ни повествовательной, ни изобразительной. Она конструируется в парадигме, которая выходит за рамки вер-

бального и визуального мышления. В связи с этим философам и правоведам все сложнее найти адекватные определения того, что представляет собой предмет защиты авторского права в современной хореографии. Причина данной проблемы скрывается в природе жеста: «...жест по существу своему – есть всегда жест непостижимого в языке; это всегда заглушка в собственном смысле слова, обозначающая прежде всего нечто, что препятствует речи» [13, р. 59]. Исходя из такой трактовки жеста, итальянский философ Дж. Агамбен выявляет природное родство между жестом и философией.

Философия жеста в современной хореографии

В процессе разработки ряда новаторских хореографических постановок американский хореограф У. Форсайт на протяжении многих лет сотрудничал с американским философом А. Ноэ, исследовавшим видение как способность не только мозга, но и всей совокупности опыта воспринимающего субъекта, занимающего определенное место в окружающем мире [15]. Размышления американского философа о том, что мы воспринимаем пространство тактильным образом [16], а сам воспринимающий субъект представляет собой совокупность телесных способностей, приводит У. Форсайта к демонстрации способов конструирования знания о воспринимаемом движении на сцене посредством «инактивного или сенсомоторного подхода» [15, р. 1]. В танце У. Форсайта на смену эфемерному человеческому телу приходит материально осязаемый объект, с которым зритель взаимодействует тактильно. Свой радикальный отказ от жестов человеческих тел и переход к танцу «без тела» [17, р. 90–92] У. Форсайт выражает не только на сцене, но и в вербально артикулированном манифесте «Хореографические объекты» [17]. Таким образом создается новый язык движения по ту сторону телесного.

Философия все чаще привлекается хореографами для реализации своих идей на сцене, заставляя мыслителей задуматься о том, кто в этой ситуации оказывается ведомым, а кто – ведущим. Так, американский танцовщик К. Кинг рассматривает свою хореографию как феноменологию. Под влиянием М. Мерло-Понти он определяет жест как «акцентирование невидимого» [18, р. 111]. Современный танец не столько выражает, сколько вовлекает зрителя в событийность вещей, не сводимую к репрезентации повествования. Ярким примером является формалистский танец американского хореографа М. Каннинггема, фокусирующегося на движении объектов и «сознании вещей в себе» [18, р. 111]. В этом контексте жест замыкается на самом себе, движение существует ради самого движения и порождает чистый танец, т. е. нерепрезентативный жест. Каждое движение в своей самодостаточности превращается в вещь в себе, которая оказывается для

зрителя жестом мысли, невыразимой ни в словах, ни в картинках.

Чистая жестуальность является воспроизведением повторяющихся и размножающихся хореографических объектов в пространстве становления мысли тела и телесности мысли. Французский философ и культуролог М. де Серто в работе «Практика повседневной жизни» конструирует «риторику прогулки» [19, р. 100], выстраивает различные модальности выступлений пешеходов в публичном пространстве, выявляя «фигуры прогулки» и сравнивая их с «вербальными фигурами»: «Прогулки прохожих демонстрируют серии поворотов (туров) и разворотов, которые могут быть сопоставлены с “фразеологическими оборотами” или “стилистическими фигурами»» [19, р. 100]. Человек прокладывает свой собственный путь, в котором проговаривается стиль его личной жизни. Прогулка выражается в совокупности фраз, складывающихся в риторическое произведение. М. де Серто исследует фигуративную природу искусства *tourner un parcours* (фр. прокладывать маршрут): «Как и повседневный язык, это искусство предполагает комбинирование различных стилей, способов их использования» [19, р. 100].

Риторика М. де Серто помогает современному жителю мегаполиса стать чувствительнее к поэтике городского ландшафта. Эта чувствительность пробуждается с помощью языка классической риторики, используемой философом для исследования повседневных практик современного горожанина и создания соответствующего междисциплинарного языка. Результаты подобных исследований хореографии повседневных практик активно используются в дизайн-проектировании.

В современном мире консьюмеризма, где все больше проявляется диктатура власти вещей, человек оказывается беспомощным без философии жеста, раскрывающей глубинные смыслы того, что нас задевает и не дает пройти мимо, обращаясь к нам в качестве ценности. Французский философ Ж.-Л. Нанси утверждает, что пространство вещей, произведенное современной культурой, – это пространство при-

сутствия, в котором мы «испытываем потребность в вещи, так как она трогает нас» [20, р. 143]. Но вещь (лат. *res*), как было отмечено ранее, становится частью истории (лат. *res gestae*) благодаря жесту (лат. *gestus*), который способен свершить приговор и вырвать вещь из контекста сюжетного повествования [13, р. 59].

В свою очередь жесту нужна вещь, так как он не может длиться без вещи, о которой сказывается. Жест связывает слово и бытие в историю, и он же нарушает сложившийся ход вещей, на мгновение приостанавливая его своим оценочным суждением, выносимым на обозрение зрителя.

Заключение

История художественного жеста уходит своими корнями в античное учение о драматическом и ораторском искусстве. Системная разработка классического риторического канона позволила создать язык для последовательного раскрытия природы художественного жеста. В то же время язык новоевропейского танца Дж. Уивера и Ж.-Ж. Новерра, как и европейская культура жеста в целом, на протяжении всей своей истории, вплоть до эпохи модерна, был в плену слова. В начале XX в. была реализована попытка возродить античный танец (А. Дункан) и искусство греко-римской пантомимы (М. Фокин, В. Нижинский). Вместе с тем в культуре эпохи модерна все более явно отражался кризис художественного жеста, редуцированного к системе нормированных движений, которая была разработана психологией, медициной и физикой тела светского человека. Различные способы преодоления данного кризиса представлены в ба-

лете второй половины XX – первой четверти XXI в. Хореографические постановки П. Бауш, М. Каннингема, К. Кинга и У. Форсайта демонстрируют их глубокую вовлеченность в диалог философии и танца, позволяющий существенно переосмыслить природу художественного жеста как телесно воплощенной мысли, которая возрождает истоки античной пантомимы, собирающей мир воедино. В этом контексте философия танца открывает новые грани развития современной теории культуры и может предложить свои объяснительные модели социокультурной динамики, аккумулирующие достижения искусствоведения, культурологии и философии культуры. В ситуации кризиса метафизической мысли философия обращается к языку художественного жеста, чтобы обрести утраченные культурные универсалии для возобновления диалога между различными научными школами и методологическими традициями.

Библиографические ссылки

1. Аристотель. *Сочинения. Том 4. Доватур* АИ, переводчик; Доватур АИ, редактор. Москва: Мысль; 1983. 830 с.
2. Лукиан. *Избранная проза*. Нахов И, составитель. Москва: Правда; 1991. 720 с.
3. Платон. *Федр*. Егунов АН, переводчик. Москва: Прогресс; 1989. 131 с.
4. Гарафоло Л. *Русский балет Дягилева*. Ивонина М, Левенков О, переводчики. Москва: Колибри; 2021. 656 с.
5. Левинсон АЯ. *Старый и новый балет. Мастера балета*. Санкт-Петербург: Лань; 2008. 560 с. Совместно с издательством «Планета музыки».
6. Фокин М. *Против течения. Воспоминания балетмейстера. Сценарии и замыслы балетов. Статьи, интервью и письма*. Ленинград: Искусство; 1981. 510 с.
7. Zarifi Y. Chorus and dance in the ancient world. In: McDonald M, Walton JM, editors. *The Cambridge companion to Greek and Roman theatre*. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. p. 227–246.
8. Jory EJ. The literary evidence for the beginnings of imperial pantomime. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1981;28:147–161.
9. Gadamer HG. *Truth and method*. Weinsheimer J, Marshall DG, translators. London: Continuum; 2006. 640 p.
10. Неклюдова МС. *Искусство частной жизни. Век Людовика XIV*. Москва: Объединенное гуманитарное издательство; 2008. 440 с.
11. Lada-Richards I. Dead but not extinct: on reinventing pantomime dancing in eighteenth-century England and France. In: Macintosh F, editor. *The ancient dancer in the modern world responses to Greek and Roman dance*. Oxford: Oxford University Press; 2010. p. 19–38.
12. Emmanuel M. *Essai sur l'orchestrique grecque. Étude de ses mouvements d'après les monuments figurés* [Internet]. 1895 [cited 2025 June 1]. Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9775679f.texteImage>.
13. Agamben G. *Means without end: notes on politics*. Binetti V, Casarino C, translators. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2000. 152 p.
14. van Camp J. Copyright of choreographic works. In: Breimer SF, Thorne R, Viera JD, editors. *Entertainment, publishing and the arts handbook*. New York: Clark, Boardman, and Callaghan [Internet]. 1994 [cited 2025 June 1]. Available from: <https://home.csulb.edu/~jvancamp/copyrigh.html>.
15. Noë A. Is the visual world a grand illusion? *Journal of Consciousness Studies*. 2002;9(5–6):1–12.
16. Noë A. Précis of action in perception. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2006;76(3):660–665. DOI: 10.1111/j.1933-1592.2008.00161.x.
17. Forsythe W. Choreographic objects. In: Spier S, editor. *William Forsythe and the practice of choreography: it starts from any point*. London: Routledge; 2016. p. 90–92.
18. Fraleigh SH. *Dance and the lived body*. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 1996. 284 p.
19. de Certeau M. *The practice of everyday life*. Rendall S, translator. Berkeley: University of California Press; 2011. 256 p.
20. Nancy J-L. The two secrets of the fetish. *Journal of Visual Art Practice*. 2004;3(2):139–147. DOI: 10.1386/jvap.3.2.139/0.

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ю. Л. БАНЬКОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Обосновано, что сетевая культура является адаптивной стратегией, позволяющей странам эффективно противостоять угрозам и вызовам XXI в., сохраняя безопасность развития личности и государства. Указано, что сетевая культура не просто дополняет ценностно-нормативные стандарты, функционирующие в офлайн-реальности, а создает принципиально новую форму взаимодействия людей, формируя актуальные возможности для межкультурного диалога. Определены факторы цифровых взаимосвязей и взаимодействий пользователей. Обозначены политико-правовые аспекты национальной безопасности. Указаны специфические черты государственной культурной политики в сфере сетевых технологий.

Ключевые слова: сетевая культура; национальная безопасность; ценности; право; угрозы; стабильность.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (научно-исследовательская работа «Сетевая война как современный вызов национальной безопасности», № гос. регистрации Г24-072).

NETWORK CULTURE AS THE FOUNDATION OF NATIONAL SECURITY AND SOCIAL DEVELOPMENT

Yu. L. BANKOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. It is substantiated that network culture is an adaptive strategy that allows states to effectively counter threats and challenges of the 21st century, maintaining the security of the development of the individual and the state. It is indicated that network culture does not simply complement the value-normative standards operating in offline reality, but creates a fundamentally new form of interaction between people, forming relevant opportunities for intercultural dialogue. The factors of digital interconnections and interactions of users are determined. The political and legal aspects of national security are outlined. The specific features of the state cultural policy in the field of network technologies are indicated.

Keywords: network culture; national security; values; law; threats; stability.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (research work «Network warfare as a modern challenge to national security», state registration No. G24-072).

Образец цитирования:

Баньковская Ю.Л. Сетевая культура как основание национальной безопасности социального развития. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:10–14. EDN: ZLHRFN

For citation:

Bankovskaya YuL. Network culture as the foundation of national security and social development. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:10–14. Russian. EDN: ZLHRFN

Автор:

Юлия Леонидовна Баньковская – доктор философских наук, доцент; профессор кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Yuliya L. Bankovskaya, doctor of science (philosophy), docent; professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications.

ulia_bank@tut.by

<https://orcid.org/0000-0001-9287-7261>

Введение

Современный мир характеризуется стремительными технологическими, культурными, социальными, политическими и экономическими трансформациями. Следовательно, возрастает необходимость в сохранении безопасности цивилизационного развития государств. Кибербезопасность, социальная стабильность, защита общества от новых глобальных угроз становятся одними из главных задач, требующих решения в условиях неустойчивого развития государств. Киберугрозы, геополитическая нестабильность и кибертерроризм требуют переосмысления традиционных подходов к защите на-

ционального суверенитета. По этой причине особую значимость приобретает формирование у людей сетевой культуры.

Методологическим основанием исследования является сетевой подход. Выбор данного подхода обусловлен направленностью работы на выявление и раскрытие взаимосвязей и взаимоотношений между людьми в информационном пространстве сети, предопределяющей культурные детерминанты социального развития. Прояснение ценностных ориентаций людей является необходимым условием для обеспечения социальной стабильности.

Основная часть

Развитие информационно-коммуникационных технологий сопровождается увеличением числа кибератак, направленных на критическую инфраструктуру. Киберпространство становится новой реальностью, в рамках которой государства, корпорации и преступные группировки осуществляют непрерывную борьбу за информацию, ресурсы и влияние. Хакерские атаки, дестабилизация финансовой системы, организация и проведение кампаний по дезинформации людей, манипуляция общественным мнением становятся действенными инструментами ведения сетевых войн. Современная цивилизация сталкивается с беспрецедентными вызовами, угрожающими стабильности ее развития. Как отмечает белорусский ученый А. И. Левко, «сегодня это основное направление в подрыве национальной безопасности одних стран другими на основе дестабилизации политической ситуации и нравственно-психологического климата в стране с помощью слухов, призывов к неправомерным действиям, высказываний в адрес руководителей страны и действий, порождающих недовольство существующей властью» [1, с. 191]. Социальные трансформации и геополитическая нестабильность обуславливают возникновение необходимости в глубоком анализе существующих проблем и противоречий, решение которых позволит выявить основные направления обеспечения безопасности цивилизационного развития. Таким образом, кибератаки, утечка данных и дезинформация содействуют развитию международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью. Обеспечение безопасности цивилизационного развития являет собой комплексный многофакторный процесс, предполагающий координацию действий разных стран на глобальном уровне.

В современном мире информация становится одним из наиболее значимых символических ресурсов, предопределяющим экономическое и технологическое развитие государства, а также являющимся источником его безопасности. Таким образом, национальная безопасность обеспечивается не только

наличием боеспособной армии и вооружения, гарантирующих территориальную целостность и обороноспособность страны. Сегодня национальная безопасность становится все более зависимой от способности государства защищать имеющиеся у него информационные ресурсы, противостоять кибератакам, дезинформации граждан и манипуляциям общественным мнением.

Дезинформация и пропаганда становятся значимыми инструментами манипуляции общественным сознанием. Создание паники и раскола в обществе, целенаправленное влияние на население посредством социальных сетей нередко являются причиной социального кризиса. Как отмечают Н. Р. Красовская и А. А. Гуляев, «спамеры способны внедрять в ленту новостей пользователей недобросовестную рекламу, заниматься распространением нелегального контента, внедрением в компьютеры пользователей вредоносных программ, а также получать доступ к личной информации пользователя» [2, с. 97].

Достоверность данных является основанием для дальнейшего стратегического управления социальными процессами. Решения, принимаемые в различных сферах общественной жизни, выносятся на основании соответствующих сведений. По этой причине искажение и недостоверность информации неизбежно приводят к заблуждениям, результатом которых может стать возникновение угрозы для стабильного развития общества.

Повышается значимость осуществления контроля со стороны государства над критической инфраструктурой, управляемой при помощи цифровых технологий. Взлом этой инфраструктуры создает угрозу социальному развитию, нарушая функционирование различных сфер общественной жизни.

Информационная безопасность предполагает защиту данных и является гарантом национального суверенитета. Принимаются следующие меры по сохранению информационной безопасности: совершенствование законодательной базы, направленное на разработку системы мероприятий по борьбе

с фейками и экстремизмом; блокировка деструктивного контента; ужесточение законов о защите данных; введение санкций за совершение киберпреступлений; создание образовательных программ и центров, осуществляющих мониторинг угроз; развитие международного сотрудничества.

Современное общество существует в условиях глобальной цифровизации, для которой присуще мгновенное распространение информации. Сетевая культура становится значимым фактором обеспечения национальной безопасности и гарантом стабильного развития общества. В данном контексте сетевая культура представляет собой систему ценностей, этических норм, моделей поведения и практик, регулирующих взаимодействия людей в рамках цифрового пространства.

Следует отметить, что феномен сетевой культуры включает в себя правила поведения пользователей в сети Интернет и является целостной системой цифровых взаимосвязей и взаимодействий, основанных на совокупности факторов. Первым фактором цифровых взаимосвязей и взаимодействий пользователей является наличие цифровой грамотности, предполагающей существование у современного человека навыков критически оценивать предоставляемую ему информацию, отличать подлинные факты от фейков, проверять источники поступивших сведений, защищать персональные данные, используя надежные пароли и двухфакторную систему аутентификации, понимать алгоритмы функционирования сети и модель формирования новостной ленты. Исследователь Э. Паризер обращает внимание на специфику предоставления информации в сети Интернет и на так называемый искусственно созданный пузырь фильтров, особенность которого состоит в исключении из информационных сетей данных, которые не соответствуют потребностям пользователя, его представлениям и убеждениям, хранящимся в операционной памяти компьютера. Следовательно, человек начинает видеть лишь те сведения, которые в наибольшей степени отвечают его представлениям, подкрепляя тем самым уже сформировавшееся у него мнение о существующей проблемной ситуации [3].

Вторым фактором цифровых взаимосвязей и взаимодействий пользователей выступает наличие сетевой этики, ориентированной на создание безопасного и комфортного для человека сетевого пространства. Ее формирование является одним из наиболее актуальных вопросов развития современной цивилизации, поскольку особую значимость приобретает становление сетевой культуры, базирующейся на универсальных ценностях и нормах, алгоритмах деятельности сети и правилах, которые учитывают особенности взаимосвязей и взаимодействий сетевых элементов. Так, В. Л. Измагурова отмечает: «Сложившиеся в современном обществе

противоречия в сфере применения ИКТ обусловили возникновение норм новой этики, которая имеет разные направления: информационная этика (исследует моральные проблемы, появляющиеся в связи с развитием и применением информационных технологий); компьютерная этика (вопрос о правильном и неправильном использовании информации в информационном обществе); киберэтика (философская область этики, относящаяся к компьютерам, охватывающая поведение пользователей, то, на что запрограммированы компьютеры, и каким образом это влияет на отдельных людей и общество в целом)» [4, с. 65]. Сетевая этика предполагает отказ от кибербуллинга, проявляющегося в травле, троллинге и хейте (англ. *hate* – ненависть), уважение мнения всех сетевых пользователей, наличие ответственности за предоставляемую в сети Интернет информацию и опубликованный в ее пространстве контент, отсутствие манипуляции общественным мнением.

Третьим фактором цифровых взаимосвязей и взаимодействий пользователей служит коллаборативность, состоящая в возможности осуществления совместной работы в цифровом пространстве. Она подразумевает наличие образовательных платформ, ориентированных на формирование у людей навыков коммуникации в сети Интернет; борьбу с дезинформацией; прояснение специфики предоставления сетевых данных; краудсорсинг, предполагающий привлечение внимания множества пользователей к существующей проблеме и совместное урегулирование конфликтной ситуации. Следует отметить, что сущность сообщения, его смысловое содержание и значимость для потребителя определяются «сетевой информационной коммуникационной активностью, которую осуществляют киберсимулякры при взаимодействии с другими пользователями в интернете, осуществляя при этом совместную выработку коллективных смыслов и мнений» [5, с. 19].

Четвертым фактором цифровых взаимосвязей и взаимодействий пользователей являются осознанное потребление контента, понимание человеком последствий своих действий в сети, отказ от манипуляций и предоставление только качественной информации. Несмотря на то что «социально-сетевая структура интернет-пространства способствует постоянному порождению и умножению, трансляции и “расширению” информации независимо от ее качества и истинности» [6, с. 308], необходимо прививать сетевым пользователям осознание личной ответственности за осуществляемые действия и влияние этих действий на дальнейшее развитие общества.

Пятым фактором сетевых взаимосвязей и взаимодействий пользователей выступает противодействие дезинформации, заключающееся в понимании

того, что любые фейковые новости могут дестабилизировать общественные процессы, спродуцировать конфликты и подорвать доверие к институту власти. Сетевая культура, основанная на медиаграмотности, позволяет пользователям анализировать источники поступаемых сведений, проверять факты и избегать манипуляций. Она представляет собой не только совокупность правил и норм поведения, но и новую социальную парадигму, от которой зависит стабильное развитие общества в будущем. Сетевая культура создает новые возможности для проявления гражданской активности (публичные дискуссии, выражение мнений и др.).

Национальная безопасность является значимым условием для сохранения стабильности любого государства и его суверенитета. В современном мире, характеризующемся глобальными вызовами и транснациональными угрозами, ее обеспечение предполагает осуществление совокупности политических, правовых и экономических мер. В то же время особое значение приобретают политико-правовые аспекты применения информационно-коммуникационных технологий, поскольку эти аспекты влияют на формирование институциональных оснований развития государства, ориентированных на защиту национальных интересов, которые реализуются благодаря высокому уровню сетевой культуры пользователей.

Обеспечение национальной безопасности представляет собой не статичную систему действий, а динамичный процесс, требующий постоянного изменения и адаптации к новым условиям реальности. Политическая составляющая национальной безопасности выражается в разработке стратегических приоритетов развития государства, ориентированных на его защиту от внешних и внутренних угроз. Ее ключевыми аспектами выступают государственный суверенитет, проявляющийся в возможностях страны самостоятельно ввести свою внутреннюю и внешнюю политику; легитимность власти, обеспечивающая стабильность политической системы и общественное доверие к ее институтам; международное сотрудничество, ориентированное на совместное противодействие государствам основным глобальным угрозам современности.

К правовой составляющей национальной безопасности относятся конституционные нормы, законы, доктрины, в которых предложены меры по противодействию внешним угрозам и санкции за совершение киберпреступлений. Нормативное регулирование взаимодействия людей в сети Интернет осуществляется посредством Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Указа Президента Республики Беларусь от 25 октября 2011 г. № 486 «О некоторых мерах по обеспечению безопасности критически важных объектов информатизации», Указа Президента Республики Беларусь от 16 декабря 2019 г. № 460 «Об общегосударствен-

ной автоматизированной информационной системе». Применение ряда санкций за осуществление незаконного доступа к информации, несоблюдение правил ее использования, хранения и трансляции, совершение киберпреступлений предусмотрено гл. 31 Уголовного Кодекса Республики Беларусь «Преступления против информационной безопасности». Более того, в соответствии с Указом Президента от 9 ноября 2010 г. № 575 была принята Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, дополненная Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь. По мнению академика НАН Беларуси Е. М. Бабосова, «...обостряющееся противостояние на глобальном уровне предопределило корректировку подходов к обеспечению национальной безопасности. Это выразилось в трех взаимосвязанных нововведениях. Во-первых, стало необходимым принимать во внимание и воплощать в доктринальных документах смещение вызовов и угроз с преимущественно внешних к внутренним... Во-вторых, настоятельным требованием стал конкретный учет изменений, происходящих не только в собственной стране и в сопредельных странах, но и по дальней от Беларуси геополитической дуге. В-третьих, в новой Военной доктрине впервые изложена активная позиция по отношению к предотвращению военных конфликтов, в том числе внутренних, путем принятия превентивных мер всеми компонентами военной организации страны» [7, с. 233]. Одновременно следует отметить, что сегодня существуют множество трудностей, связанных с политико-правовыми аспектами национальной безопасности: гибридные войны, проблема применимости законодательных норм на практике, конфликт между безопасностью общественного развития и ценностью индивидуальной свободы (усиление мер по контролю над информацией, циркулирующей в сети Интернет, приводит к ограничению гражданских прав).

Государственной культурной политике в сфере сетевых технологий характерны следующие специфические черты:

- ориентация на индивидуальное общение человека с сетевыми пользователями, которое позволяет им в процессе коммуникации создавать новые смыслы, осуществлять рефлексию проблемной ситуации, предвосхищать реакцию людей на реализацию определенного рода действий;
- адаптация к социальным изменениям и новой модели ведения межкультурного диалога. Культурная политика должна способствовать включению представителей разных этнических групп в сетевое взаимодействие и поддержанию культурного разнообразия;
- осознание значимости культуры не только как очень важного фактора, влияющего на динамику экономического развития, но и как существенного

эпистемологического конструкта, приводящего к возникновению культурного поворота во многих сферах общественной жизни;

- решение масштабных глобальных проблем современного общества. Культурная практика является плодотворной средой для возникновения новых идей и инициатив, способных точно улавливать и формулировать основные тенденции и закономерности социального развития;

- создание новых возможностей для широкого доступа пользователей к культурному наследию представителей разных этнических групп и общностей (инициативы по цифровизации культурного наследия и разработке онлайн-платформ для его распространения, которые позволят различным социальным группам активно участвовать в создании и потреблении продуктов культуры);

- защита интеллектуальной собственности, предполагающая сохранение баланса между авторским правом и широким доступом сетевых пользователей к продуктам культуры;

- внедрение цифровых технологий в образовательные программы для развития креативного мышления людей и повышения их цифровой грамотности, позволяющей осуществлять межкультурные проекты посредством онлайн-платформ;

- формирование новых возможностей для развития креативных индустрий в различных областях духовной жизни общества;

- учет как глобальных трендов, так и локальных особенностей, позволяющих создавать неповторимые культурные продукты, которые отражают уникальные традиции и ценности народов, выдвигать новые идеи для реализации данного замысла.

Заключение

В современном мире культурная политика является основанием национальной безопасности. Государства, способные эффективно защищать свои данные, осуществлять контроль над созданием и распространением информации, противостоять цифровым угрозам, имеют в сравнении с другими странами стратегическое преимущество. По этой причине особую значимость приобретает привлечение инвестиций в создание эффективных систем киберзащиты и систему образования. Реализация данной инициативы является обязательным условием для сохранения стабильности социального развития. Соответственно, необходимыми становятся формирование и повышение уровня сетевой культуры, которая представляет собой не просто совокупность правил, ценностей и норм, а основание существования и развития цифровой цивилизации. Сетевая культура является значимым и эффективным инструментом, изменяющим все сферы общественной

жизни, формирующим новую модель коммуникации между людьми, создающим возможности для реализации кросс-культурного диалога, а также получения образования и работы. Посредством сетевого взаимодействия перед человеком открываются безграничные возможности, а деструктивное применение информационно-коммуникационных технологий может стать причиной гибридных войн и революций, в связи с чем важно формировать цифровую грамотность личности. Для сохранения национальной безопасности необходимо совершенствовать сетевую культуру пользователей, поскольку она создает как новые вызовы, так и возможности для существования и развития сфер политики и права. Задачей государства становится поиск баланса между индивидуальной свободой и контролем над деятельностью человека в сети Интернет, между защитой прав пользователей и обеспечением безопасности своего функционирования и развития.

Библиографические ссылки

1. Левко АИ. *Социокультурные предпосылки инновационного развития общества: философско-методологический анализ*. Минск: Беларуская навука; 2019. 508 с.
2. Красовская НР, Гуляев АА. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в интернете. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Социология. Политология. Международные отношения*. 2021;5(1):96–99. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-1-96-99.
3. Паризер Э. *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* Шириков А, переводчик. Москва: Альпина бизнес бук; 2012. 304 с.
4. Измагурова ВЛ. Этические аспекты влияния интернет-общения на развитие сознания. *Коммуникология*. 2017;5(4): 59–70. EDN: ZGIJIX.
5. Володенков СВ. Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации. *Информационные войны*. 2014;4:18–21. EDN: TABLFN.
6. Новицкая ТЕ. Человек в пространстве новых медиа: риски и пути их преодоления. В: Адуло ТИ, редактор. *Беларусь в условиях глобальной социодинамики: философский анализ*. Минск: Беларуская навука; 2022. с. 273–319.
7. Бабосов ЕМ. *Роль креативности личности в развитии сетевого общества*. Минск: Беларуская навука; 2019. 300 с.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025.
Received by the editorial board 02.06.2025.

КУЛЬТУРНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ: ПЕРСАНАЛЬНЫ ВЫБАР ЦІ САЦЫЯЛЬНАЯ НОРМА

А. Д. КРЫВАЛАП^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў,
вул. Рабкараўская, 17, 220007, г. Мінск, Беларусь

Анотацыя. Асэнсоўваецца феномен ідэнтычнасці як сканструяваная сацыяльная норма. Разглядаецца пошук ўласнай культурнай ідэнтычнасці як сацыяльна-культурны абавязак, а не як індывідуальны выбар. Падаецца перспектыўным аналіз пытання наяўнасці ідэнтычнасці па-за межамі псіхалогіі. Паказваюцца змены ў сучасным філасофска-культуралагічным разуменні культурнай ідэнтычнасці ў кантэксце кагнітыўных здольнасцей асобы. Вызначаюцца сувязі паміж магчымымі інтэрпрэтацыямі разумення культурнай ідэнтычнасці па-за межамі псіхалогіі. Адзначаецца, што канструяванне культурнай ідэнтычнасці спрыяе пошуку адказаў на пытанні адносна магчымасцей для перасэнсавання чалавечага існавання ў межах культуры.

Ключавыя словы: культурная ідэнтычнасць; памяць; практыка; рэчаіснасць.

КУЛЬТУРНАЯ ІДЕНТИЧНОСТЬ: ПЕРСОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ НОРМА

А. Д. КРИВОЛАП¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабковская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Осмысливается феномен идентичности как сконструированная социальная норма. Рассматривается поиск собственной культурной идентичности как социокультурная обязанность, а не как индивидуальный выбор. Представляется перспективным анализ вопроса наличия идентичности вне границ психологии. Показываются изменения в современном философско-культурологическом понимании культурной идентичности в контексте когнитивных возможностей личности. Определяются связи между возможными интерпретациями понимания культурной идентичности вне границ психологии. Отмечается, что конструирование культурной идентичности способствует поиску ответов на вопросы, касающиеся возможностей переосмысления человеческого существования в рамках культуры.

Ключевые слова: культурная идентичность; память; практика; реальность.

Образец цитирования:

Кривалап АД. Культурная ідэнтычнасць: персанальны выбар ці сацыяльная норма. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:15–19.
EDN: GOIKWB

For citation:

Krivolap AD. Cultural identity: personal choice or social norm. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2: 15–19. Belarusian.
EDN: GOIKWB

Автор:

Алексей Дмитриевич Криволоп – кандидат культурологии; профессор кафедры культурологии и психолого-педагогических дисциплин Института повышения квалификации и переподготовки кадров.

Author:

Alexei D. Krivolap, PhD (cultural studies); professor at the department of cultural studies, psychology, and pedagogy, Institute of Professional Development and Retraining of Human Resources.
email2krivolap@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4478-4930>

CULTURAL IDENTITY: PERSONAL CHOICE OR SOCIAL NORM

A. D. KRIVOLAP^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkarawskaya Street, Minsk 220007, Belarus

Abstract. The phenomenon of identity is understood as a constructed social norm. The search for one's own cultural identity is considered as a socio-cultural obligation, not as an individual choice. A prospective analysis of the issue of the existence of identity outside the boundaries of psychology is presented. Changes in the modern philosophical and cultural understanding of cultural identity in the context of the cognitive abilities of the individual are shown. Connections between possible interpretations of the understanding of cultural identity outside the boundaries of psychology are determined. It is noted that the construction of cultural identity contributes to the search for answers to questions regarding the possibilities for rethinking human existence within the framework of culture.

Keywords: cultural identity; memory; practice; reality.

Уводзіны

Што можа пераканаць нас у тым, што чалавек мае ідэнтычнасць? Усё, што звязана з нашай свядомасцю, так ці інакш адносіцца да кагнітыўнай дзейнасці нашага розуму. Аніякія іншыя органы чалавечага цела не могуць адказваць за наяўнасць ідэнтычнасці. Толькі ў стане свядомасці чалавек можа адказаць на пытанне, кім ён сябе лічыць. Дадзены адказ непазбежна не будзе супадаць з тым, кім гэтага чалавека могуць лічыць іншыя людзі, асабліва калі размова ідзе не пра глабальнае несупадзенне ацэнак, а пра дробязі і суб'ектыўныя меркаванні.

Аднак наяўнасць ідэнтычнасці – гэта індывідуальны выбар ці сацыяльная норма? Калі размова ідзе пра асобу, якая ствараецца падчас сацыялізацыі індывіда, то гэта хутчэй сацыяльна-прымальная норма, што прадпісвае і патрабуе адпаведнасці калектыўным уяўленням. У такім выпадку пошукі ўласнай культурнай ідэнтычнасці могуць разглядацца як сацыяльна-культурны абавязак, а не індывідуальны выбар. Падаецца перспектыўным разгляд пытання ідэнтычнасці па-за межамі псіхалогіі, не адмаўляючы псіхалагічны падыход, але спрабуючы не абмяжоўвацца ім. Магчыма, што для культуралагаў будзе цікавым звярнуцца да філасофскіх спроб пераасэнсавання феномена ідэнтычнасці, бо калі нас цікавіць ідэнтычнасць як суадносіны часткі і цэлага, то гэта пытанне да нашых кагнітыўных здольнасцей.

Мэтай артыкула з'яўляецца паказ змен у сучасным філасофска-культуралагічным разуменні культурнай ідэнтычнасці ў кантэксце кагнітыўных здольнасцей асобы. Актуальнасць праблемы крызіса цэла-

снай ідэнтычнасці і яе наяўнага фрагментарнага ці пластычнага характару ва ўмовах постсучаснасці ўжо практычна не выклікае здзіўлення. Тое, што мы робім сёння, мае патэнцыйны ўплыў на ідэнтычнасць наступных пакаленняў праз стварэнне гісторыі. Адапаведным чынам, культурныя практыкі, скіраваныя як на захаванне, так і на стварэнне рытуалаў, абрадаў, цырымоній, з'яўляюцца працай з вобразам будучыні, пра якую зараз варта думаць. Сёння людзі вызначаюцца не толькі праз класічныя маркеры ідэнтычнасці (месца нараджэння, этнічнасць, паходжанне, рэлігія). У сувязі з гэтым мае сэнс звярнуцца да першакрыніц, з якіх узнікла цікаўнасць да асобы і яе тоеснасці. Як так склалася, што наяўнасць ідэнтычнасці ўспрымаецца як сацыяльна-культурная норма, а кожны чалавек павінен ведаць ці быць здольным вербалізаваць думкі адносна наяўнасці ўласнай ідэнтычнасці.

Калі за мысленне адказвае розум, які з'яўляецца адносна невялікай часткай нашага цела, то як мы можам разумець сябе адзіным цэлым? Толькі частка нашага цела здольна да мыслення – гэта розум. Аднак розум – гэта далёка не ўсё цела. Большая частка нашай жыццядзейнасці (дыханне, цыркуляцыя крыві, функцыянаванне страўніка і інш.) адбываецца ў фонавым рэжыме. Шмат якія працэсы не заўсёды і далёка не цалкам знаходзяцца пад кантролем свядомасці. Так, імі кіруе розум, але не свядомасць. Спроба філасофскай рэфлексіі феномена наяўнасці персанальнай ідэнтычнасці распачалася яшчэ ў XVII ст. з прац Дж. Лока і працягваецца ў розных варыянтах да сённяшняга дня.

Цяжкасці пераклада

У першую чаргу варта адзначыць, што Дж. Лок ужывае менавіта словазлучэнне *personal identity*, што можа быць перакладзена як «персанальная ідэнтычнасць», як «асабістая ідэнтычнасць», а таксама як «то-

еснасць асобы». Аднак паміж тэрмінамі «персанальная ідэнтычнасць» і «тоеснасць асобы» існуе пэўны дыскурсіўны разрыў, яны маюць розныя філасофска-культуралагічныя традыцыі інтэрпрэтацыі. Праблем

з інтэрпрэтацый пання *personal identity* няма, але гэтая шматсэнсоўнасць з'яўляецца тэмай, вартай асобнага даследавання. Адзначым, што пераклады, зробленыя ў часы СССР, ўключаюць менавіта тэрмін «тоеснасць асобы» («тождество личности»), што стварае дадатковыя магчымасці для альтэрнатыўных інтэрпрэтацый і тлумачэнняў феномена ідэнтычнасці. Імаверна, у часы Дж. Лока цэнтральным пытаннем пошукаў персанальнай ідэнтычнасці была менавіта магчымасць захавання адпаведнасці самому сабе ў мінулым. У XX ст. распрацоўкі сацыяльнага канструктывізму дазволілі пераасэнсаваць пытанне ідэнтычнасці. Ідэнтычнасць стала разглядацца як паслядоўнасць адказаў на разнастайныя пытанні і практычныя дзеянні на працягу ўсяго жыцця, а не як вызначаны набор адметнасцей, атрыманых падчас нараджэння. Гэты артыкул не мае мэты стварыць правільную канцэпцыю разумення філасофскай спадчыны Дж. Лока, ён хутчэй з'яўляецца спробай пашырыць магчымасць для інтэрпрэтацыі добра вядомага падыходу да ідэнтычнасці. У дадзеным артыкуле ў якасці перакладу будзе выкарыстоўвацца «персанальная ідэнтычнасць». Слядам за Дж. Локам заўважым, што «цяжкасць паходзіць з няправільнага ўжывання назваў»¹ [1, с. 401].

Згодна з вызначэннем Дж. Лока асоба – «разумная думачая істота, якая мае розум і рэфлексію і можа разглядаць сябе як сябе, як тая самая думачая істота, у розны час і ў розных месцах» [1, с. 387]. Гэта азначэнне – тэзіс пра тое, што, з аднаго боку,

атрыбутам чалавечага быцця з'яўляецца мысленне як працяг картэзіянскага сцвярджэння *cogito, ergo sum*, а з іншага боку, як паспяхова даказвае штодзённая практыка грамадства спажывання, чалавек можа існаваць з «выключаным» крытычным мысленнем і не пакутаваць ад цяжкасцей уласнага існавання. Для Дж. Лока «адну і тую ж асобу ўтварае не адна і тая ж субстанцыя, а адна і тая ж бесперапынная свядомасць, з якой могуць злучацца і зноў распадацца розныя субстанцыі, якія раней складалі частку гэтай самай асобы ўвесь час, пакуль яны заставаліся ў жыццёвым яднанні з тым, у чым тады існавала гэтая прытомнасць» [1, с. 399]. Непасрэдна кагнітыўныя здольнасці чалавечай свядомасці ўтвараюць асобу, калі «бесперапыннае існаванне стварае ідэнтычнасць» [1, с. 401].

Менавіта з бесперапыннасцю ці адсутнасцю лакун у разуменні мінулага і ўзнікаюць пытанні. Калі асоба выпадае на некаторы час са звыклага сацыяльнага жыцця, то вяртанне да яго можа быць траўматычным і складаным. Як заўважае сам Дж. Лок, «калі для каго-небудзь ідэя чалавека ўяўляе сабой толькі жыццёвае злучэнне часціц у цэле вызначанай формы, то, пакуль будзе заставацца гэтак жа жыццёвае яднанне і форма ў злучэнні, тоесным толькі ў бесперапыннай паслядоўнасці зменлівых часціц, яно і будзе тым жа самым чалавекам» [1, с. 402]. Для Дж. Лока асоба як сума уласных уяўленняў пра сябе не з'яўляецца праблемнай. Яна разглядаецца самадастатковай і цэльнай.

Канцэптуалізацыі персанальнай ідэнтычнасці

У XX ст., пасля з'яўлення тэорыі псіхааналізу, ідэнтычнасць надоўга патрапіла ў залежнасць ад псіхалогіі і псіхалагічных канцэпцый. Асабліва садзейнічаў гэтаму Э. Эрыксан. Толькі ў другой палове XX ст. у межах філасофіі пачалі распрацоўвацца канцэптуальныя падыходы да пераасэнсавання і разумення ідэнтычнасці, якія прэтэндавалі на выхад за межы псіхалагічнага тлумачэння ідэнтычнасці. У 1970-я гг. Д. Парфіт звяртаецца да пытання тоеснасці як непарыўнасці ідэнтычнасці і прыходзіць да правакацыйнай высновы пра тое, што памяць не гарантуе наяўнасць ідэнтычнасці, таму што ўспаміны могуць быць дапоўнены, заменены вивучанымі ўспамінамі ці пераасэнсаваны ў штодзёнай практыцы.

Крытыкуючы празмернае тлумачэнне важнасці псіхалагічнага разумення ідэнтычнасці, Д. Парфіт прапанаваў два палажэнні: 1) «...уяўленне грунтуецца на прызнанні таго, што пытанне пра персанальную ідэнтычнасць абавязкова павінна мець адказ» [2, р. 3]; 2) «...некаторыя важныя пытанні сапраўды закранаюць сітуацыю з персанальнай ідэнтычнасцю, але нават яны могуць быць вольнымі ад гэтых спекуляцый» [2, р. 4]. Сучасная культура знаходзіцца ў за-

кладніках памяці, сувязі паміж тым, што мы памятаем, з'яўляюцца самымі галоўнымі. Д. Парфіт адзначае, што «...мы з лёгкасцю верым, што сведчанні памяці павінны непасрэдным чынам закранаць нашу ідэнтычнасць. Сляпая вера ў нашу памяць з'яўляецца найважнейшым чыннікам узнікнення ўяўленняў пра адмысловую прыроду персанальнай ідэнтычнасці. <...> Мы здольны памятаць толькі свае ўласныя перажыванні, і, цалкам магчыма, гэтае сцвярджэнне служыць нам адной з лагічных ісцін. Аднак мы маглі б паспрабаваць прапанаваць іншае паняцце памяці, для якога падобнае сцвярджэнне апынецца ілжывым. Давайце назавём такое паняцце «q-памяць»» [2, р. 14]. Прапанаваны тэрмін «q-памяць» з'яўляецца скарачэннем. Цікава, што на яго звычайна не звяртаюць належнай увагі. Паняцце «q-памяць» (англ. *quasi-memory* – квазіпамяць) азначае, што частку нашай памяці займаюць вивучаныя ўспаміны, а не тое, што мы перажылі асабіста. Такія ўспаміны ствараюцца з дапамогай трох паслядоўных дзеянняў. Спачатку ствараецца ўяўленне адносна некаторых падзей мінулага, затым знаходзяцца сведкі, якія перажывалі гэтыя падзеі і маюць ўспаміны пра іх, і ў выніку

¹Тут і далей пераклад наш. – А. К.

нашы індывідуальныя ўяўленні дапаўняюцца, па-шыраюцца і трансфармуюцца ва ўспаміны пра тое, што мы ў рэальнасці не перажывалі.

Гэты від памяці мае непасрэднае стаўленне да мінулага і працы з ім, асабліва калі гаворка ідзе пра ўспаміны, што даступны нашай памяці, але не звязаны з нашым індывідуальным вопытам. Медыя ў шырокім сэнсе ствараюць агульны парадак дня і задаюць магчымыя прыклады ўспамінаў пра мінулае ці яго ацэнак. Гэтыя ўспаміны і ацэнкі падобныя на альбом з дзіцячымі фотаздымкамі, на якіх мы адначасова пазнаем і не пазнаем сябе. Дакладней, сваякі навучылі нас пазнаваць сябе на іх, але нам не абавязкова памятаць, дзе былі зроблены гэтыя фотаздымкі. У такім выпадку няма адрозненняў паміж q-памяццю і сапраўднай памяццю.

Калі ідэнтычнасць асобы можа быць абмежавана тым, што яна памятае пра ўласнае мінулае, то хто

ці што кантралюе памяць? Псіхалагічны падыход да вызначэння ідэнтычнасці праз стан свядомасці з'яўляецца вельмі непастаянным. Ён дазваляе пабачыць толькі прабліскі свядомасці, калі імгненні сучаснасці ператвараюцца ва ўспаміны. Д. Парфіт прапануе ідэю вызначэння ідэнтычнасці і памяці без выкарыстання Я. Замест індывідуальнай памяці ён заклікае арыентавацца на тое, што здарылася з чалавекам ці з яго цэлам. Згодна з гэтым падыходам памяць выступае прычынай таго, што цела належыць чалавеку як асобе незалежна ад таго, памятае ён гэта ці не. Іншымі словамі, Д. Парфіт не дапускае таго, каб персанальная ідэнтычнасць базіравалася на здольнасцях кагнітыўных функцый нашага розуму, таму што «большасць нашых бед грунтуецца на ілжывых уяўленнях» [2, р. 27], тады як цялеснасць ці біялагічныя асаблівасці чалавека не настолькі прыдатныя для маніпуляцыі.

Чалавечая жывёла

Д. Парфіт прапанаваў падыход да крытычнага разумення нашых магчымасцей у пабудове персанальнай ідэнтычнасці без вызначальнай ролі псіхалогіі, а Э. Олсан развіў яго. На думку Э. Олсана, біялагічны падыход грунтуецца на наступных сцвярджэннях: «Па-першае, мы з вамі – жывёлы: калі быць дакладным, прадстаўнікі віду *homo sapiens*. <...> Але ўсе людзі – гэта жывёлы. Мы – тое, што Дж. Лок назваў “людзьмі”. Вы не проста цесна звязаны нейкім чынам з чалавекам-жывёлай. Сцвярджэнне не ў тым, што ваша цела – гэта чалавек-жывёла, ці што вы “складзены” з жывёлы. Гэты жывы прымат, які сядзіць зараз у вашым крэсле, – гэта вы. Другое сцвярджэнне больш спрэчнае: псіхалагічная бесперапыннасць не з'яўляецца ні неабходнай, ні дастатковай для таго, каб чалавек-жывёла існаваў у часе» [3, р. 30]. Розум, як частка нашага цела, думае ад імя цэлага, хаця ім не з'яўляецца. Асоба, як носьбіт культуры, выступае яе часткай і можа дзейнічаць ад яе імя. Культурныя практыкі будуюцца на фізіялагічных абмежаваннях цела. Чалавек не можа лётаць ці дыхаць пад вадой. Узнікае пытанне: гэта з'яўляецца нашым індывідуальным выбарам ці аб'ектыўным абмежаваннем цела? Не ўсё цела ўдзельнічае ў ментальнай актыўнасці, але мы адчуваем усё цела. Нават у маўленні прадстаўлены ўстойлівыя выразы, у якіх падкрэс-

ліваецца нерацыянальны характар культуры (напрыклад, каханне і сэрца, смак і густ).

Якая частка нашага цела ўключана ў працэс стварэння культуры? Возьмем у якасці прыкладу тэкст. Калі аўтар піша тэкст, якія часткі яго цела задзейнічаны? Рукі аўтара? Пусты страўнік, калі мы верым, што мастак мусіць быць галодны? Вочы і наша ранейшая нагледжанасць – усё тое, што мы бачылі раней як візуальныя цытаты. Пісьмо не з'яўляецца натуральнай дзейнасцю, і таму ў школе нас навучылі прымаць адпаведную позу за партай. Там шмат часу надавалася развіццю дробнай маторыцы пальцаў рук, звярталася увага на пастанову ўсяго корпуса. Але ці зручна нам сядзець? Як мы пішам – ад рукі ці набіраем тэкст на клавіятуры? Ці ёсць нейкія знешнія чыннікі, што раздражняюць нас і адцягваюць нашу ўвагу? Усе гэтыя пытанні сведчаць аб тым, што не толькі вышэйшая псіхічная дзейнасць розума звязана са стварэннем культуры. Усё цела чалавека можа быць уключана ў гэты працэс. Як законы фізікі не працуюць у сацыяльна-культурнай сферы, так і няма залежнасці паміж выкарыстаннем кагнітыўных здольнасцей і наяўнасцю ідэнтычнасці. «Ідэнтычнасць мае канцэптуальна-адносны характар і залежыць ад існавання часовых частак» [2, р. 214].

Працэсуальнасць мыслення, а не яго наяўны стан

З аднаго боку, кожная асоба павінна мець адказ на пытанне пра ўласную ідэнтычнасць. З іншага боку, адкуль чалавек можа ведаць, хто ён? Калі гэта залежыць ад ацэначных выказванняў іншых людзей, а калі ад таго, кім чалавек сам сябе можа ўявіць? Мець ідэнтычнасць азначае не простую адпаведнасць ідэалу, а актыўны кагнітыўны працэс у свядомасці асобы. Ідэнтычнасць ствараецца ў працэсе сацыяльнага

канструавання, а не перадаецца ў спадчыну. Яна не існуе сама па сабе, а ствараецца (ажыццяўляецца, рэалізуецца, пражываецца, думаецца і інш.) ў працэсе практычнай дзейнасці асобы. Гэтыя тэзісы можна прымяніць і да культурнай ідэнтычнасці, дакладней да працэсаў яе канструавання і ажыццяўлення.

Чалавек не заўсёды дзейнічае рацыянальна і выбірае найбольш выгадны варыянт. «Часам лічыцца,

што вельмі рацыянальным было б дзейнічаць у най- лепшых для сябе інтарэсах. Але я мяркую, што прын- цып асабістай цікавасці не мае сілы. Такі прынцып мае толькі два сапраўдныя канкурэнты. Адным з іх з'яўляецца прынцып староннасці: рабі тое, што лепш за ўсё дазволіць дасягнуць сапраўды жаданага та- бой. Іншы – прынцып бесстароннасці: рабі тое, што адпавядае інтарэсам кожнага» [2, р. 26]. На чалаве- ка аказваюць ўплыў эмацыйны складнік, традыцыі і гісторыя (напрыклад, новыя сацыяльныя нормы здаровага харчавання можа супярэчаць нацыяналь- ным традыцыям і кулінарным практыкам).

Калі асоба – гэта вынік дзейнасці толькі розуму і таго, кім мы здольны сябе ўявіць, то што рабіць з тымі, хто існуе без падобнага ўяўлення і кіруюцца патрэбамі цела ці досведам продкаў? Ці лічацца яны жывымі? Ці лічацца яны людзьмі?

Заклучэнне

Культурная ідэнтычнасць як сацыяльнае станаў- ленне – гэта працэс, што актуалізуе практыкі прына- лежнасці да адпаведнай культуры, якія сквярджаюць яе каштоўнасць. Як кропля вады не можа існаваць ў Сусветным акіяне адасоблена, так і чалавек, даклад- ней асоба, не можа быць аўтаномным і ізаляваным ад грамадства (сацыяльнага мора). Персанальная ідэн- тычнасць можа не абмяжоўвацца фізіялогіяй і межа- мі ўласнага цела. Культура дазваляе нам працягнуць наша існаванне праз творчасць, заставіць пасля сябе артэфакты, што будуць сведчыць пра нас больш, чым мы можам распавесці. Сацыяльная норма прадпісвае асобе калі не дакладна ведаць, то як мінімум быць здольным адказаць на пытанне, хто ты гэткі.

У ходзе развіцця ідэнтычнасці знакамітае шэк- спіраўскае пытанне «быць ці не быць?» падаецца магчымым трансфармаваць у пытанне «быць са- бой ці застацца сабой?». У гэтым кантэксце застацца сабой для чалавека як часткі жывёльнага свету зна- чыць быць верным ўласнай прыродзе (рыгідная на- яўная форма ідэнтычнасці). Менавіта пераадоленне прыродных (натуральных) абмежаванняў дазваляе

Культурная ідэнтычнасць не мае ўніверсальнага характару на глабальным узроўні, а лакалізавана на розных ступенях штодзённай культурнай практыкі індывідаў. Яна трактуецца як частка працэсу рэпрэ- зентацыі і носіць перфарматыўны характар. Культур- ная ідэнтычнасць ствараецца не як статычны вары- ант падабенства да якога-небудзь ідэальнага аб'екта, а з'яўляецца дынамічнай часткай працэсу асэнса- вання і канструявання чалавекам самога сябе ў пра- цэсе рэпрэзентацыі. Можна сказаць, што і ў межах філасофіі адбываецца паварот ад наяўнай да працэ- суальнай ідэнтычнасці. Працэсуальная ідэнтычнасць не з'яўляецца па факце нараджэння, а паступова ства- раецца на працягу ўсяго жыцця. Яна выступае не сту- пенню адпаведнасці самому сябе ці нейкім нарма- тыўным узорам з мінулага, а паслядоўнай серыяй адказаў на шырокі спектр пытанняў.

нам праз стварэнне культуры як другой натуры быць людзьмі, быць у сэнсе існавання як актыўнай дзей- насці. Мы не падпарадкоўваемся таму, што было да- дзена ад нараджэння, а імкнёмся жыць у адпаведна- сці з уяўленымі нормамі і каштоўнасцямі. Быць сабой у гэтым выпадку значыць актыўна жыць і разумець саміх сябе. Захаванне памяці без адмаўлення міну- лага – гэта праява пражывання ідэнтычнасці.

Функцыянальны розум з'яўляецца толькі часткай нашага розуму. Наша свядомасць як вынік рэфлексіі і асэнсавання больш не абмяжоўваюцца пошукамі адказаў на пытанні функцыянальнага кшталту. Асоба ўвесь час трансфармуецца як на ўзроўні біялогіі, так і на ўзроўні псіхалогіі, але пры гэтым у яе захоўваец- ца ўсведамленне сябе. Мы памятаем мінулае ці саміх сябе ў мінулым? Гэта не адно і тое ж. Чалавечае быц- цё – гэта ўсвядомленае і асэнсаванае існаванне асо- бы, што суправаджаецца перманентнымі спробамі трансфармацыі і захавання памяці. Ідэнтычнасць можна разглядаць як вынік і доказ існавання асо- бы. Аднак наяўнасць асобы не гарантавана чалавеку ад нараджэння.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Локк Дж. *Сочинения. Том 1.* Москва: Мысль, 1985. Опыт о человеческом разумении; с. 78–620.
2. Parfit D. Personal identity. *Philosophical Review*. 1971;80(1):3–27.
3. Olson E. *The human animal: personal identity without psychology*. Oxford: Oxford University Press; 1999. 196 p.

Артыкул паступіў у рэдкалегію 13.06.2025.
Received by the editorial board 13.06.2025.

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

WORLD AND NATIONAL CULTURE

УДК 780.63:781.66

ЭВОЛЮЦИЯ УДАРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В МИРОВОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

ВАН ЦЗЯЦЗИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрена эволюция трактовки ударных инструментов в музыкальной культуре Европы, основанная на кардинальной смене отношения композиторов к ударным инструментам и их роли в построении драматургии музыкального произведения. Отмечено, что становление исполнительства на ударных инструментах относится к древним векам, когда перкуссия освободилась от своих функциональных задач и перешла в эстетическое пространство, став ведущей и самой доступной группой аккомпанирующих инструментов и сыграв заметную роль в формировании классического симфонического оркестра. Указано, что обмен культурными ценностями, поиск новых средств выразительности, наравне с новаторской деятельностью композиторов, привели к появлению нового направления – сольной мультиперкуссии. Определено, что трактовка ударных инструментов как сольных способствовала созданию шоу ударных инструментов.

Ключевые слова: ударные инструменты; история перкуссии; трактовка ударных инструментов; шоу ударных инструментов.

Образец цитирования:

Ван Цзяцзин. Эволюция ударных инструментов в мировой музыкальной культуре. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:20–26.
EDN: CPWCCU

For citation:

Wang Jiajing. The evolution of percussion instruments in world music culture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:20–26. Russian.
EDN: CPWCCU

Автор:

Ван Цзяцзин – аспирантка кафедры истории и теории искусства факультета художественной культуры. Научный руководитель – кандидат искусствоведения, доцент В. В. Старикова.

Author:

Wang Jiajing, postgraduate student at the department of history and theory of art, faculty of artistic culture.
707926710@qq.com

THE EVOLUTION OF PERCUSSION INSTRUMENTS IN WORLD MUSIC CULTURE

WANG JIAJING^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkarawskaya Street, Minsk 220007, Belarus

Abstract. The evolution of the interpretation of percussion instruments in the musical culture of Europe is considered, based on a fundamental change in the attitude of composers to percussion instruments and their role in the construction of the dramaturgy of a musical work. It is noted that the formation of percussion performance dates back to ancient times when percussion was freed from its functional tasks and moved into the aesthetic space, becoming the leading and most accessible group of accompanying instruments and playing a significant role in the formation of the classical symphony orchestra. It is indicated that the exchange of cultural values, the search for new means of expression along with the innovative activities of composers led to the emergence of a new direction – solo multipercussion. It is determined that the interpretation of percussion instruments as solo contributed to the creation of a percussion show.

Keywords: percussion instruments; percussion history; percussion interpretation; percussion show.

Введение

Ударные инструменты являются самыми древними музыкальными инструментами в мире. За свою длинную историю перкуссия претерпела множество изменений, которые невозможно отследить без изучения истории культуры человечества. Развитие общества, его духовно-нравственной сферы, смена культурных парадигм, социальные изменения и научные открытия – все это повлияло на музыкальную культуру в целом и трактовку ударных инструментов в частности.

Сегодня трансформация музыкальных инструментов чаще всего рассматривается исследователями (Э. В. Денисов, А. Н. Рало, В. Л. Филатов и др.) во взаимосвязи с симфоническим оркестром, а именно с той ролью, которую играет тот или иной инструмент в нем в определенную историческую эпоху. Г. П. Дмитриев характеризовал основные тенденции в трактовке ударных инструментов в партитурах симфонических произведений композиторов и выделил три актуальные для XX в. определения: 1) интерпретация

ударных инструментов как носителей ритма и динамики; 2) трактовка перкуссии как производителя музыкального шума – самостоятельного музыкального элемента; 3) толкование ударных инструментов как «звукорасочного начала» [1, с. 17]. Однако в условиях стремительного техногенного развития коммуникаций данная концепция не является исчерпывающей.

Кроме эволюции оркестра и композиторского письма, на развитие ударных инструментов повлияло множество других факторов (исторический контекст, интерес музыкантов к народной культуре, активные межкультурные взаимосвязи). Эти факторы повлекли перемещение перкуссии в среду сольных инструментов, а также поиск новых актуальных средств ее презентации. Ударные инструменты из практической сферы (коммуникатор у древних людей) перешли в сферу музыки, чтобы занять в современном мире лидирующие позиции и значительно повлиять на развитие нового жанра, находящегося на перекрестке нескольких видов искусств, – жанра шоу.

Ударные инструменты в первобытный период

Исследователи полагают, что именно примитивные ударные инструменты стали вторым после голоса звуком, которым научился оперировать древний человек. Г. фон Бюлов отмечал: «Вначале был ритм. Организация ритма появилась задолго до того, как люди, подобно птицам, придали веселью и скорби мелодическую форму»¹ [2, р. 35]. Хлопки в ладоши, топот, бой в грудь были простейшими действиями, в основе которых лежал удар, призванный привлечь внимание. Зарубежные исследователи иногда применяют по отношению к ним понятие «перкуссия тела». Следующим шагом в становлении ударных инструментов выступило использование для извлечения звука примитивных подручных средств. Звук

от удара одного предмета о другой был более ярким, чем звук от удара человека о свое тело.

Первые ударные инструменты выполняли сигнальную и коммуникативную функции (предупредить об опасности, привлечь внимание во время охоты, собрать племя и др.). На территории Нигерии и Гвинеи даже был разработан специальный язык ударов, который позволял через барабан не только передавать короткие сообщения, но и вести содержательные беседы².

В последующем древний человек оценил ритмические возможности примитивной перкуссии и стал использовать ее в качестве аккомпанемента к танцам и обрядам. Яркое свидетельство компиляции

¹Здесь и далее перевод наш. – В. Л.

²Percussion history [Electronic resource]. URL: https://tekpercussion.com/index.php?title=Percussion_History https://tekpercussion.com/index.php?title=Percussion_History (date of access: 15.04.2024).

практической и развлекательной функций ударных инструментов можно найти в обычаях зулусов. Во время охоты удар луком о щит выступал сигналом другим соплеменникам, заменяя таким образом перкуссию тела, а после удачной охоты древний человек располагал лук тетивой к себе и ударял по ней, чтобы поддерживать ритм победного танца [2, р. 40]. Об использовании ударных инструментов в танцах свидетельствует и наскальная живопись (изображения бытовых сцен, найденные А. Лотэ в 1956 г. на плато Тассилин-Адджер в Алжире (6–4 тыс. лет до н. э.), а также рисунок, обнаруженный в пещере Труа-Фрер на юге Франции (17–11 тыс. лет до н. э.)) [3, р. 5].

Самым значимым достижением древних людей (поздний палеолит, 40,0–11,0 тыс. лет до н. э.) в сфере перкуссии стало изобретение барабана, который получил распространение в бронзовом веке (3,3–1,6 тыс. лет до н. э.). Одним из самых известных «пионеров» перкуссии являлись небольшие барабаны в форме цилиндров, найденные в Месопотамии (6,0 тыс. лет до н. э.); барабаны из Китая (эпоха неолита, 7,0–4,0 тыс. лет до н. э.); кубкообразные глиняные барабаны, обнаруженные на территории Чехии и Германии (3,6 тыс. лет до н. э.), и т. д. Форма, конструкция и материал, из которого изготавливались ударные инструменты, во многом определялись тер-

риторией проживания, ее климатом и культурными особенностями народов. Так, индейские племена для изготовления первых барабанов использовали тыкву или дерево, инки – кожу ламы, майя – кожу обезьяны³.

В это время фактически каждый ударный инструмент был изобретен для выполнения практической (сигнальной, коммуникативной) функции. Однако за короткий период из практического поля перкуссии переместилась в эстетическое пространство и стала использоваться для музыкального сопровождения танцев, религиозных обрядов, погребальных церемоний, победных праздников и др.

Многие древние африканские инструменты (каленго, бабба ганг, сакара и др.) до сих пор сохранили свою актуальность. В современном мире они используются в музыке оригинальным образом. Также существуют отдельные музыкальные жанры, в рамках которых произведения исполняются только на этих инструментах. Дж. Блэйдс отмечает, что «сегодня концерты африканских ударных инструментов в европейских городах, например в Лондоне, позволяют получить некоторое представление о музыкальной культуре древности, оценить ритмический язык, исполнительские особенности» [2, р. 56]. Такие выступления пользуются большой популярностью, и, несомненно, их можно отнести к жанру шоу.

Период становления ударных инструментов

Период становления ударных инструментов связан с внедрением их в профессиональную музыкальную среду. Наиболее ранние свидетельства об этом сохранила культура Египта. Во времена Среднего царства (2040–1783 гг. до н. э.) появляются профессиональные музыканты, на что указывают фрески и росписи, которые сохранились до наших дней. Роспись времен фараона Осоркона II (872–837 гг. до н. э.) содержит рисунок музыкантов, играющих на рамочных барабанах.

Подтверждения появления тамбурина и тарелок ученые находят на территории Древней Греции. Маленькие плоские тарелки с выпуклыми камерами в центре – кимбалы широко применялись на праздниках, посвященных Дионисию, Кибеле и др. Двухголовый рамочный барабан, хлопушки, купольные барабаны, металлические гонги и другие ударные инструменты активно использовались на религиозных праздниках и светских танцах в Древнем Риме⁴.

Не менее интересными являются свидетельства из ветхозаветных книг: «Они видели твои действия, о Боже, даже действия моего Бога, моего царя во святилище. Певцы шли впереди, музыканты, игравшие на инструментах, следовали за ними; среди них были девушки, игравшие на тимпанах»⁵; «Для чего

ты убежал тайно и украл меня, и не сказал мне, чтобы я отпустил тебя с весельем и песнями, с табретом и гуслями» [4, с. 31].

В Средние века (V–XV вв.), характеризующиеся распадом культуры на деревенскую и городскую, произошло четкое разделение музыки на светскую и духовную. Некоторые ударные инструменты могли бытовать только на деревенских праздниках, в то время как духовенство признавало только перкуссию с чистым тоном (колокола, колокольчики, треугольник). Иной набор ударных инструментов мог звучать только при дворе правителей, что исключало использование их на городских ярмарках простолюдинов.

Значимым толчком для развития ударных инструментов выступили Крестовые походы, первый из которых состоялся в XI в. Серия Крестовых походов, которые продлились вплоть до XV в., ввиду взаимопроникновения культур Востока и Запада, привела к глобальным изменениям в политике, общественной жизни и науке.

Как отмечает историк М. Заборов, «арабский Восток и его культура оказали огромное влияние на самые различные стороны материальной и духовной жизни западноевропейского феодального общества»

³Percussion history [Electronic resource]. URL: https://tekpercussion.com/index.php?title=Percussion_History (date of access: 15.04.2024)

⁴Ibid.

⁵Псалтырь // Библия онлайн : сайт. URL: <https://bible.by/verse/19/67/26/> (дата обращения: 01.04.2024).

[5, с. 18]. Архитектура, литература, музыка, медицина, астрономия – сложно найти область, которая не претерпела бы изменений по истечении религиозных военных походов.

Интерес к музыке других народов, в том числе и к национальной перкуссии, стал одним из главных факторов развития и популяризации шоу. Взаимопроникновение культур, которое повлекли Крестовые походы, создание новых торговых путей и политических альянсов выступили источником обогащения музыкального языка и инструментария, почвой для экспериментов, а также поиска национальных особенностей мелодики, ритмики той или иной страны либо региона.

Во время Крестовых походов в Европе стала распространяться восточная музыка. Ударные инструменты накер и табор были заимствованы у мусульманских народов и фактически играли роль военных барабанов на полях сражений, направляя движение боевых отрядов. Уже в XIV в. табор начал использоваться придворным оркестром короля Англии Эдуарда III и активно внедряться в светскую музыку. В это же время накер стал своеобразным неофициальным символом аристократии. На этом инструменте играли на рыцарских турнирах, праздниках и во время театральных представлений (в частности, при дворах правителей России, Польши и Франции)⁶.

Еще одним примером популяризации восточного инструментария служат выступления янычар (начало XVIII в.). Музыканты особого корпуса королевских телохранителей (янычары) снискали славу в Европе благодаря своим ярким представлениям, на которых использовались в основном ударные и духовые инструменты. В 1720 г. на службе у польского короля Августа II появляется корпус турецких янычар, музыка которых поразила европейцев своим колоритом. Необычное звучание барабанов, тарелок, треугольников, колокольчиков и другой перкуссии являлось значительной частью военных представлений, которые могут служить примером первых шоу ударных инструментов [6].

Своеобразным началом становления перкуссии является ее внедрение в партитуру симфонического оркестра, традиционный состав которого окончательно сформировался в XVIII в. в творчестве венских классиков. Начиная уже с XVI в. в итальянской опере используются литавры, а среди английских музыкантов появляется отдельная должность – литаврист Его Величества. Вплоть до эпохи барокко исполнение на литаврах и других видах перкуссии

носило импровизационный характер. Именно композиторы барокко Ж.-Б. Люлли и И. С. Бах ввели литавры в свои партитуры. Примером могут служить сочинения И. С. Баха «Месса си минор» (1749) и «Святой в ре мажоре» (1723).

Еще одним значимым инструментом оркестра выступает ксилофон, упомянутый впервые в 1511 г. в документах органиста А. Шлика. В 1791 г. французский композитор Ф.-Ж. Госсек впервые в партитуру сочинения включил гонг.

Во второй половине XVII в. из Индонезии в Европу привезли металлофон, который активно распространялся карильонерами. Реконструированные металлофоны быстро завоевали популярность и уже спустя несколько десятилетий использовались в сочинениях Г. Ф. Генделя («Ацис и Галатея» (1718), «Саул» (1738)) и В. А. Моцарта («Волшебная флейта» (1791)).

К концу XVIII в. симфонический оркестр стал своеобразной вершиной светского музицирования. Перкуссия в симфоническом оркестре заняла свою нишу, представляя собой «сам по себе оркестр» [1, с. 16]. Трактовка ударного инструмента напрямую зависела от концепции автора: «Роль, которая отводится ударным инструментам тем или иным композитором, находится в прямой зависимости от его взгляда на колористический оркестр. <...> В творчестве мастеров оркестрового колорита ударные инструменты всегда играли заметную роль» [1, с. 9].

Ключевым событием стал выход работы Г. Берлиоза «Большой трактат о современной инструментовке и оркестровке» (1844), в которой объясняется значение инструментов, в частности перкуссии, в оркестре. Хотя автор считает важными для оркестра только звуковысотные ударные инструменты, а шумовым инструментам отводит лишь эпизодическую роль (создание спецэффектов), этот труд оказал большое влияние на трактовку перкуссии в музыкальной культуре XIX в.

Ударные инструменты играли значимую роль в городской и деревенской культуре. Здесь ввиду компактности и простоты изготовления главенствовали ударные идиофоны (бубны, трещотки, барабаны, кастаньеты и др.). Их разновидности варьировались в зависимости от региона, однако функциональное назначение было идентичным – аккомпанемент к танцу или песне. Вскоре композиторы обратили внимание на народную перкуссию и стали активно включать ее в свои произведения для создания соответствующего настроения и акцентирования национальной уникальности.

Перкуссия в период экспериментов

Начиная с эпохи барокко композиторы искали новое звучание и интересные решения. Однако наибольшую интенсивность эта тенденция набрала в эпоху романтизма и последующий за ним период.

Так, Г. Берлиоз ввел в мессу «Реквием» (1837) сразу десять тарелок, по которым надо бить разными палочками, Ф. Лист использовал треугольник в качестве солирующего инструмента в композиции

⁶Janissary music // Britannica : encyclopedia. URL: <https://www.britannica.com/art/Janissary-music> (date of access: 15.04.2025).

«Концерт № 1 для фортепиано с оркестром» (1849), Дж. Россини дал сольную партию малому барабану в опере «Сорока-воровка» (1817), К. Сен-Санс для подражания стуку костей включил соло ксилофона в симфоническую поэму «Пляска смерти» (1874), а Ж.-Ж. Кастнер применил хлыст в композиции «Крики Парижа» (1857) [10, р. 45]. Постепенно данная тенденция только усиливалась, а роль ударных инструментов возрастала.

В начале XX в., ознаменовавшегося переходом к модернизму, композиторское творчество характеризовалось безграничным поиском новых звучаний и способов оригинального использования ударных инструментов, что проявилось в первую очередь в выходе за пределы академического звучания, интересе к жанрам народной музыки, а также смелом использовании экзотических и национальных инструментов. Так, Р. Шедрин в концерт «Озорные частушки» (1970) ввел ложки, а Г. Свиридов в композиции «Поэма памяти Есенина» (1955) использовал молоток и цепь (сельскохозяйственное орудие труда). С целью подчеркнуть национальный колорит А. Хачатурян в балете «Гаянэ» (1942) ввел дайру (разновидность бубна), К. Штокхаузен в партитуру произведения «Контакты» (1960) включил деревянные африканские барабаны и японские бамбуки, а в композицию «Квадрат» (1960) – четыре связки индийских бубенцов.

Кроме того, композиторы все чаще обращались к собственной фантазии, придумывали ударные инструменты и способы исполнения произведений на них. Сформировалась устойчивая идея «относиться к различным предметам как к возможным источникам характерных звучаний, трактовать разнообразное звучание и шумы как потенциальные музыкальные элементы» [1, с. 6]. К. Штокхаузен в композиции «Моменты» (1972) использовал картонные трубки с крышками и коробки из пластмассы с дробью внутри, а Р. Шедрин включил в партитуру сочинения «Симфония № 2» расческу-гребешок и деревянный брусок.

Обогащалась исполнительская техника. Разнообразие исполнительских приемов можно оценить по авторским пометам в партитурах («в самый край», «по ободу», «удар палочкой по середине другой палочки, лежащей на коже барабана», «ударить по тарелке мягкой литавровой палочкой и вслед за тем прикоснуться перпендикулярно к ее краю палочкой от треугольника», «водить ногтем по тарелке» и др.) [1, с. 16–17].

В 1920–30-х гг. появились сочинения, в которых перкуссия выступала в новом качестве – как «ненормативный состав оркестра» [1, с. 12]. Ударные инструменты, в том числе самозвучащие, выступают здесь как «полноправные, имеющие самостоятельное значение носители музыкального склада» [1, с. 12].

От сольной мультиперкуссии к шоу

В 1937 г. произошло важнейшее событие, обозначившее новую трактовку ударных инструментов как сольных. В концертном зале «Карнеги-Холл» оркестр под управлением Н. Слонимского представил премьеру произведения Э. Варезе «Ионизация» (1931). Ей предшествовало исполнение ряда других знаковых сочинений с нарочито расширенной ролью перкуссии и большим количеством сольных фрагментов (Д. Мийо «Концерт для ударных и малого оркестра» (1930), А. Черепнин «Симфония № 1» (1927)). Однако композиция «Ионизация» стала первым крупным сочинением, созданным исключительно для ударных инструментов.

Ошеломляющий эффект работы Э. Варезе нашел отклик у множества музыкантов, таких как Н. Кейдж, Л. Харрисон, Г. Кауэлл и Й. Бейер. Всего за несколько лет после премьеры было написано более сорока произведений для солирующей перкуссии. Трактовка ударных инструментов как сольных значительно поменяла представление о них. Фактически с этого периода берет свое развитие сольная мультиперкуссия⁷. Первые сольные произведения были созданы для конкретных исполнителей (Г. Нейхауз, С. Гуальд, Ж.-П. Друз, С. Йошихар и др.), «которые

помогли продвинуть этот художественный стиль вперед»⁸.

Американский исследователь В. Паркер разделил начальный период развития сольной мультиперкуссии на два этапа:

1) этап, на котором композиторы сочиняли музыкальные произведения для конкретных исполнителей;

2) этап, на котором исполнители заказывали музыкальные произведения у композиторов.

На втором этапе появляются определенные ограничения для композиторов. Авторы были вынуждены сочинять произведения, отталкиваясь не столько от своей идеи, сколько от состава инструментария исполнителей. Набор инструментов был обусловлен умениями и предпочтениями музыкантов, а также их гастрольным графиком, потребностью в мобильности (громоздкие инструменты в большом количестве было сложно перевозить из одного концертного зала в другой).

Несмотря на то что с середины 1950-х гг. ударные инструменты получили развитие как сольные, выступления исполнителей-мультиударников нельзя назвать шоу. Их можно охарактеризовать как кон-

⁷Beck J. Encyclopedia of percussion. New York : Routledge, 2013. P. 18.

⁸Ibid.

церты для поклонников и ценителей данного направления в музыке.

Вместе с сольными исполнителями постепенно обретали популярность ансамбли, исполняющие произведения исключительно на ударных инструментах. Ансамбли и оркестры ударных инструментов получили широкое развитие в Америке. Именно в штате Орлеан в начале XX в. началось становление джаза, который значительно повлиял на исполнительство на ударных инструментах.

Смешение различных культур и активное внедрение музыкальных традиций африканских народностей создали уникальный стиль, построенный на особой гармонии, ритмах и импровизации. На раннем этапе становления ударным инструментам отводилась лишь традиционная ритмическая роль, однако выдающийся барабанщик Уоррен (Бэби) Доддс изменил эту трактовку. В 1910-х гг. он впервые стал заполнять промежутки между соло инструментов ударными вставками, которые позже получили название «брейк»⁹.

Данное нововведение подхватили другие ударники-джазмены (Дж. Веттлинг, Д. Таф, Дж. Крупа и Дж. Джонс). Первые исполнители-перкуSSIONисты сформировали традиции исполнительства, выступили создателями особого стиля, обогатили исполнительскую технику, сделали яркие сольные вставки ударных инструментов составляющей джазовых импровизаций. Развивающаяся индустрия звукозаписи позволила популяризовать новое течение на других континентах, а появление кинофильмов и телевидения дало возможность оценить эффективность данного музыкального направления.

Появились яркие виртуозные исполнительские приемы, визуально усиливающие эмоциональное воздействие на зрителя, а экранная культура стала активным создателем и распространителем форм презентации ансамблей ударных инструментов, не имеющих отношения к джазу. Ансамбль исполнителей на маримбе под руководством К. О. Мюссера получил большую известность благодаря фото- и видеосъемке, а также СМИ. Его шоу являлись первыми шоу ударных инструментов и соответствовали всем их признакам (наличие большого количества исполнителей (до 300 человек), акцент на зрелищность, масштабность медиапроектов (мероприятия компании *Paramount Pictures*, международные выставки и т. д.))¹⁰.

Активное развитие киноиндустрии и телевидения во второй половине XX в. привело к культурной глобализации. Новаторские идеи были подхвачены исполнителями во всем мире. Для того чтобы быть востребованными и рентабельными, музыканты стремились поддерживать интерес широкого круга слушателей и зрителей. Шоу, как воплощение доступного, яркого и зрелищного музыкального

материала, стало логичным продолжением длительного процесса трансформации трактовки ударных инструментов на сцене, а впоследствии и в рамках экранной культуры.

В поисках новых средств выразительности и способа демонстрации национальной самоидентичности музыканты разных стран активно обращались к народной музыке. По всему миру обрели второе дыхание народные ударные инструменты (нагара, уди, дарбука из Турции; бань, банцзы и сянцияогу из Китая; табла и мриданга из Индии; джаг, джембе, бога с Африканского континента и др.). Сегодня индийские, японские, китайские, африканские фолк-шоу имеют плотный гастрольный график по всему миру и пользуются огромной популярностью.

Академические ударные инструменты также подверглись влиянию шоу. Ставка на эффективность, зрелищность, технические новшества дала возможность привлечь широкую аудиторию. Исполнители «Drum Ecstasy» (Беларусь), «Blast» (Германия), «Vasiliev Groove», «Drummatica», «Чувства ритма» (Россия) используют классические ударные инструменты, предлагая зрителю блистательные шоу-программы. Новый жанр породил целое культурное течение, вызвал создание фестивалей и конкурсов перкуссии («Drum Wave», «Парад ударных», «По барабану», «PercaRus», «Fest Drummers United» и др.).

Стоит отметить, что разнообразие шоу ударных инструментов, их различие по составу инструментария и технических средств, внедрение других жанров (танец, театр) и использование самых разных средств выразительности делает фактически невозможной их четкую классификацию. Особый интерес представляют шоу, в которых главенствующая роль отводится содержанию, т. е. исполнение номера шоу имеет конкретное либретто. Яркими примерами могут служить шоу китайских, японских и индийских ударных инструментов, которые часто построены на народном эпосе, легендах и сказаниях. Смысловое наполнение шоу этих стран объясняется историческим контекстом и главенствующей ролью ударных инструментов в их музыкальной культуре.

Сегодня шоу ударных инструментов выделилось в отдельное направление, которое существует параллельно с академическим направлением и часто становится цитируемым им (например, традиционные симфонические оркестры включают в свои выступления оригинальные номера с элементами шоу). Доступность музыкального контента, эффективность подачи, внедрение современных технических средств, наличие широкого поля для импровизации делают шоу ударных инструментов привлекательными и финансово успешными, а их демонстрация на экране служит отличным способом популяризации.

⁹Janissary music // Britannica : encyclopedia. URL: <https://www.britannica.com/art/Janissary-music> (date of access: 15.04.2025).

¹⁰Ibid.

Заключение

Ударные инструменты, развиваясь под влиянием социально-культурных процессов, прошли длинный путь трансформаций. Опираясь на особенности трактовки ударных инструментов в ту или иную эпоху, можно условно разделить историю их становления на несколько периодов:

1) первобытный период, в течение которого перкуссия интерпретировалась как средство коммуникации. Однако это не помешало ударным инструментам перейти в эстетическое пространство, чтобы сопровождать самые важные события в жизни древнего человека (праздники, обряды и религиозные ритуалы);

2) период становления, в ходе которого произошло не только закрепление ударных инструментов в культурной жизни общества, но и выдвижение их в профессиональную сферу (музыканты в Древнем Египте, Греции и Риме составляли отдельное сословие). В Средние века, несмотря на некоторую стагнацию светской музыки, происходил обмен культурными ценностями, начавшийся благодаря Крестовым походам, который способствовал становлению перкуссии;

3) период экспериментов, который характеризуется обогащением перкуссии посредством заимствования инструментария из других культур, формированием исполнительской культуры, раскрытием не только динамического потенциала ударных инструментов, но и их тембральной составляющей;

4) период сольной мультиперкуссии, начавшийся с постановки композиции Э. Варезе «Ионизация». Он был подготовлен композиторами-экспериментаторами прошлого, вдохновлен джазом и выступлениями первых солистов-перкуSSIONистов. В данный период возникли ударные ансамбли и оркестры. Опора на манеру исполнения, тембр, ритм как главные источники повествования, а также стремление быть востребованными у широких масс слушателей и зрителей привели к созданию шоу ударных инструментов.

Сегодня данный вид музицирования развивается, активно используя самый эффективный способ популяризации – демонстрацию на экране. Интерес к народным инструментам разных национальностей, поиск новых идей и внедрение технических средств делают шоу интереснее и разнообразнее.

Библиографические ссылки

1. Дмитриев ГП. *Ударные инструменты. Трактовка и современное состояние*. Москва: Советский композитор; 1991. 145 с.
2. Parker WB. *The history and development of the percussion orchestra*. Florida: State University College of Music; 2010. 95 p.
3. Blades J. *Percussion instruments and their history*. Westport: Bold Strummer; 2005. 437 p.
4. Библия. *Бытие*. Москва: Im Werden Verlag; 2005. 51 с.
5. Заборов МА. *Крестовые походы на Востоке*. Москва: Наука; 1980. 320 с.
6. Dean M. *The dream: a history*. Lanham: Scarecrow Press; 2012. 463 p.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2025.
Received by the editorial board 30.04.2025.

УДК 930:615.89(476)

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ БЕЛОРУСОВ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Т. Д. РАБЕЦ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Проведен объективный и всесторонний анализ результатов и перспектив исследования народной медицины белорусов XIX – первой половины XX в. Выделены основные направления развития научных представлений по рассматриваемой проблеме. Отмечен вклад отдельных этнографов в сбор, систематизацию и научное осмысление сведений о традиционных средствах и методах народного врачевания. Сделан вывод о необходимости уточнения сущности народной медицины как значимого элемента культуры белорусов и создания программы системного исследования данного культурного феномена.

Ключевые слова: историография; народная медицина белорусов; знахарство; средства лечения болезней; лечебная магия; заговоры; лекарственные растения; религиозно-мифологические представления белорусов.

HISTORIOGRAPHY OF ETHNOLOGICAL STUDY OF BELARUSIANS FOLK MEDICINE OF THE 19th – THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

T. D. RABETZ^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article carried out an objective and comprehensive analysis of the results and prospects of the study of folk medicine of Belarusians in the 19th – the first half of the 20th century. The main directions of development of scientific ideas on the problem in question are highlighted. The contribution of some ethnographers to the collection, systematisation and scientific understanding of into about on traditional means and methods of folk medicine was noted. It was concluded that it is necessary to clarify the essence of folk medicine as a significant element of Belarusian culture and to create a programme of systematic research of this cultural phenomenon.

Keywords: historiography; folk medicine of Belarusians; witchcraft; means of curing diseases; healing magic; incantations; medicinal plants; religious and mythological representations of Belarusians.

Введение

Народная медицина является неотъемлемой частью традиционной культуры каждого этноса. Под термином «народная медицина» следует пони-

мать комплекс медицинских знаний и практических приемов оздоровления, профилактики, диагностики и лечения заболеваний человека, который включает

Образец цитирования:

Рабец Т.Д. Историография этнологического изучения народной медицины белорусов XIX – первой половины XX в. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:27–34. EDN: ASCWTR

For citation:

Rabetz TD. Historiography of ethnological study of Belarusians folk medicine of the 19th – the first half of the 20th century. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:27–34. Russian. EDN: ASCWTR

Автор:

Татьяна Дмитриевна Рабец – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета.

Author:

Tatyana D. Rabetz, PhD (philology), docent; doctoral student of the department of ethnology, museology and art history, faculty of history. rabez72@mail.ru

как рациональные, так и иррациональные элементы, основанные на использовании лечебных средств естественной окружающей среды, а также физических и психических ресурсов человеческого организма. Стремление к сохранению и приобретению здоровья закреплено в культуре каждого народа, в связи с чем сфера народной медицины является уникальным источником информации, в котором отражаются представления о верованиях, религиозных взглядах, обычаях и обрядах определенного народа, содержатся его знания о способах адаптации к изменениям окружающей природной среды, поддержания здоровья и лечения болезней. В этом контексте особый исследовательский интерес вызывает изучение народной медицины в этногенетическом аспекте, включающем выявление причин и факторов возникновения и развития народных медицинских знаний, определение

механизмов и моделей формирования национальной системы жизнеобеспечивающих технологий, которые позволили этносу на протяжении тысячелетий выживать и приспосабливаться к изменениям природных и социальных условий жизни, а также установление этнокультурных связей в традиционной системе сохранения здоровья и лечения человека. Успешное решение данных вопросов возможно только при более глубоком и всестороннем изучении материалов о традиционных медицинских знаниях белорусского народа. Исследование народной медицины белорусов должно опираться на широкий круг источников: древние письменные памятники, фольклорные материалы, этнографические записки путешественников, этнографов, краеведов и медиков, музейные, литературные и архивные сведения, а также многочисленные публикации в периодической печати.

Методология исследования

Несмотря на огромное количество фольклорно-этнографических материалов, накопленных на протяжении XIX – первой половины XX в., этнологическая составляющая белорусской народной медицины в полном историографическом контексте до настоящего времени еще не была изучена. В качестве основных методов исследования народных медицинских

знаний белорусов были использованы как общенаучные методы (анализ и наблюдение, системный и проблемно-хронологический методы, ретроспективный метод, метод научного описания и др.), так и традиционные специальные исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный и историко-типологический методы).

Результаты и их обсуждение

Несмотря на наличие единичных трудов крупных белорусских просветителей XII–XVII вв. (например, Кирилла Туровского (XII в.), Симона Будного (XVI в.), Лаврентия Зизания (XVI в.), Франциска Скорины (XVI в.), Симеона Полоцкого (XVII в.) и др.), в которых были высказаны идеи о сущности человека, а также передовые для того времени взгляды на его физический и духовный склад, и нескольких рукописных книг, посвященных народной медицине (например, трактат Евпраксии Мстиславовны (Добродеи) «Мази» (XII в.), книга основателя Гродненской врачебной школы профессора Ж. Э. Жилибера «Флора Литвы» (1781 г.)), которыми пользовались народные врачеватели на протяжении долгих столетий, целенаправленное научное исследование народной медицинской практики белорусов, традиционных методов и средств лечения заболеваний человека началось лишь в XIX в. Анализ литературы по вопросу истории развития народной медицины белорусов показывает, что выбранный для исследования временной отрезок (XIX – первая половина XX в.) целесообразно разделить на два периода, которые отличаются между собой магистральными направлениями исследовательской деятельности: 1) дореволюционный период; 2) ранний советский период.

В первых этнографических и историко-культурных работах наряду с описанием быта, хозяйственной деятельности, верований и обычаев белорус-

ского народа большое внимание уделялось анализу санитарно-гигиенических условий проживания людей и особенностей функционирования народного врачевания на разных этапах исторического развития этноса. Кроме того, огромное количество работ было посвящено изучению лечебной магии, лежащей в основе знахарской практики белорусов.

Белорусская народная медицина стала предметом изучения таких этнографов XIX в., как Е. П. Тышкевич, П. М. Шпилевский, А. Г. Киркор, Ю. Ф. Крачковский, П. В. Шейн, А. А. Антонов, П. П. Демидович, В. Н. Добровольский, А. Е. Богданович, Ф. Л. Веренько, Е. А. Ляцкий, М. А. Федоровский, Н. Я. Никифоровский, А. А. Сицинский и др. В частности, в книгу Е. П. Тышкевича «Описание Борисовского уезда» (1847) вошли материалы о народной медицине, лечебной магии и колдовстве, собранные уездным лекарем И. Белицким. Исследователь Е. П. Тышкевич отмечал, что вера в колдовство и заговоры возникла на основе непонимания причин болезней и происходящих в природе явлений, а также в связи с недостатком квалифицированной медицинской помощи и бессилием врачей при лечении многих заболеваний. В книге описано более 100 растений и других лекарственных средств, которые использовались при лечении различных болезней. Большое внимание уделено описанию средств лечения колтуна и лихорадки.

Путешествуя по Полесью (1853), П. М. Шпилевский зафиксировал сведения о некоторых наиболее

распространенных в данном регионе болезнях человека. В частности, он обратил внимание на такую болезнь, как колтун, причинами которой считались сильные психические потрясения, переживания человека и особенности климата – болотистая местность и повышенная влажность воздуха. Основными симптомами болезни являлись сбитые и склеенные волосы, головные боли, ломота в костях, различные раны и наросты на коже, а также нервные припадки, спазмы, тахикардия. Кроме того, исследователем было зафиксировано объяснение другой не менее распространенной на территории Беларуси болезни – золотухи. Она могла возникнуть у детей в результате кормления их тяжелой и твердой едой, непригодной для нежного детского организма [1, с. 114].

В середине XIX в. были опубликованы этнографические материалы А. Г. Киркора, собранные на территории Виленской губернии, в которых автор пытался объяснить происхождение народных верований белорусов с позиций мифологической школы. В разделе «Лекарства и лечение», размещенном в очерке «Этнографический взгляд на Виленскую губернию» (1858), автор дает характеристику народным лечебным средствам от таких болезней, как тошнота, колики, волосник, огник и др.

Ю. Ф. Крачковский в своей работе «Быт западно-русского селянина» (1874), кроме описания обрядов, примет и суеверий белорусов, дает подробную характеристику как магическим приемам врачевания знахарей (например, диагностике болезни с помощью выливания в воду расплавленного воска или свинца, лечению «уроков» (сглаза), «переполоха» (испуга) и др.), так и рациональным методам лечения. Исследователь отдельно описывает эпидемические заболевания и приводит целый ряд рациональных и магических медицинских манипуляций, направленных на борьбу с повальными болезнями. Кроме того, в его сборник включены народные советы по лечению колик, болезней глаз, лихорадки и др.

В 1887–1902 гг. было опубликовано трехтомное издание П. В. Шейна «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края», в котором в контексте описания бытовой и семейной жизни белорусов приводятся данные о чародействе, колдовстве, знахарстве, средствах «от напастей» и даются советы по применению лекарств растительного, животного и минерального происхождения. Объясняя народные способы лечения ломоты, желтухи, боли в груди и животе, бородавок, сглаза и испуга, автор более подробно описывает способы лечения эпидемических и детских болезней. Показательно, что фактический материал рациональной медицины подкрепляется историческими комментариями, ссылками на реальные события, происходившие в жизни народа, что придает описанным средствам лечения болезней еще большую убедитель-

ность. В разделе, посвященном детским болезням, материал систематизирован по названиям болезней: родимец, огник (герпес), криксы, сухотка, судороги, «суроцы» и др., а также приводятся данные о средствах лечения каждой из них.

Огромную научную ценность представляет собой книга А. А. Антонова «О врачебных растениях, дикорастущих в Витебской губернии и употребляемых населением ее в домашней и народной медицине» (1888), в которой представлено 112 лекарственных растений и даны рекомендации по их применению в народной медицине. Примечательно, что растения имеют латинские ботанические названия, что выгодно отличает данное исследование от большинства работ XIX в., которые, как правило, имели описательный характер.

В работе П. П. Демидовича «Из области верований и сказаний белорусов» (1896) были опубликованы материалы о народных способах избавления от лихорадки, огника, детинца (падучая болезнь, эпилепсия), при этом основное внимание сосредоточено на описании эпидемических заболеваний, в частности холеры. Многие медицинские рекомендации подкрепляются устойчивыми выражениями, поговорками и текстами быличек, в которых в роли демона выступает персонифицированная Холера. Автор отмечает, что для мировоззрения белорусов характерно деление мира на добро и зло, при этом все добрые существа, помогающие человеку, были представлены образами бога и божьих помощников, а злые существа, приносящие вред человеку, – образами нечистой силы.

Несколько десятков народных средств лечения заболеваний человека приводятся в трудах белорусского этнографа В. Н. Добровольского. В его работе «Смоленский этнографический сборник. Часть 1» (1891) включены народные названия многих заболеваний человека и приведены способы их лечения. В первый том сборника также вошли записи заговоров, многие из которых сопровождаются развернутыми описаниями ритуальных действий знахаря. В. Н. Добровольский также дает описание образа знахаря и способа получения знахарских знаний. Несмотря на огромную ценность представленных в сборнике материалов, к сожалению, большинство из них подаются в сжатой форме, а ботанические названия лекарственных трав отсутствуют.

Место народно-медицинским знаниям находится и в книге А. Е. Богдановича «Пережитки древнего миросозерцания у белорусов» (1895). В нее включены записи о лекарственных средствах растительного и животного происхождения от таких болезней, как лихорадка, ломота, золотуха и др. Кроме того, в отдельном разделе «Способы лечения, основанные на суеверных представлениях, и колдовство» А. Е. Богданович попытался не только систематизировать

собранные материалы, но и выявить их мировоззренческую основу. Автор отмечает, что в основе представлений о причинах болезней лежат анимистические воззрения. Причины болезней исследователь главным образом связывает с проникновением в тело человека злого духа либо с «парушэньем души»: «...болезнь представляется белорусу как невидимая, но материальная сущность, которая может входить в человеческое тело или обволакивать собою его и тем причинять боль; или же болезнь – это злой дух, вошедший в тело во время сна или испуга. Точно так же причиной болезни может быть “порушэнье души”, при котором душа, хотя и находится в теле, но не на своем настоящем месте» [2, с. 133–134]. Более подробно он останавливается на вопросе фетишизма. Исследователь высказал мнение о том, что само слово человека является фетишем, а наделение слова магической силой повлекло возникновение множества верований и суеверий, заговоров и молитв. Кроме того, автор отмечает, что все средства лечения болезней основываются на принципе уподобления, суть которого заключается в том, что можно произвести любые желаемые действия путем подражания ему: «Ниже мы еще встретимся с разными суевериями, которые показывают, какое значение в воззрениях белоруса имеют уподобления (например, лечение “ячменя”, нарыва на глазном веке, ячменными зернами и многое другое); теперь же, для полноты картины, напомним читателю, что большинство белорусских заговоров построены на фигурах уподобления, например: “водзяные ключи закрывались, Юрдан-река становилась: закройцися, жилы кровавыя! стань, не цячи, кроў чирвоная!” или же: “река стала – и кроў стань” и т. д. Подобные обороты так часто встречаются, что дают основание заключить, что именно в уподоблении, по мнению белоруса, и полагается главная сила заговора» [2, с. 133].

Настоящей энциклопедией народного врачевания белорусов XIX в. является этнографический сборник Ф. Л. Веренько «К вопросу о народной медицине» (1896). По количеству уникального материала, собранного на родине исследователя – в окрестностях деревни Путилкивичи (Витебская область), данное издание не имело равных. Материалы для сборника Ф. Л. Веренько «О народных лекарствах» были собраны в северной части Борисовского и западной части Лепельского уездов. В сборник вошло около 1000 описаний суеверий, примет, заговоров и средств народной медицины, а также 86 описаний приемов лечения животных. Здесь автор подробно охарактеризовал отношение крестьян к колдовству и знахарству. В частности, он отмечал, что, по представлению крестьян, многие болезни вызывались воздействием на человека живых существ, что обусловило специфику методов лечения (выгнать, вытоптать болезнь). Сборник состоит из восьми раз-

делов. В первом разделе характеризуются взгляды крестьян на природу болезни и на знахарей, описываются причины, знаки-предсказания болезни и смерти, их зависимость от времени возникновения и даже качеств личности больного. Второй раздел включает в себя как бытовые советы беременным женщинам, так и описания средств сохранения плода, лечение подрыва и выпадения матки и др. Третий раздел логически продолжает предыдущий и посвящается вопросам лечения детских болезней. Здесь приводятся гигиенические советы по присмотру за ребенком, ритуальные предписания и запреты, направленные на сохранение и укрепление здоровья детей. В следующих пяти разделах содержатся описания болезней (болезни мозга, нервов, дыхательных путей, органов пищеварения и живота, мочеполовой системы, кожных заболеваний, а также хирургических болей) и средств их лечения у взрослых людей. Завершают сборник описания бессонницы, ночниц, испуга и сглаза.

В серии статей, опубликованных в журнале «Этнографическом обозрении», Е. А. Ляцкий характеризует представления белорусов о нечистой силе, болезнях и смерти. В частности, он отмечает, что болезни могут представляться в образе женщины, животного или даже ребенка. Автор обращает внимание на речевые обороты (например, «болезнь пришла», «прицепилась», «влезла», «села на плечи», «прилетела», «вышла» и т. д.), которые позволяют сделать вывод о том, что болезнь – это не что-то внутреннее, что зарождается в теле, а то, что приходит извне, живет своей материальной жизнью [3, с. 28]. В отдельной статье исследователь более подробно характеризует заговоры от трясавиц [4].

Интересные сведения о суевериях, народной медицине и лечебной магии белорусов, проживающих в окрестностях Волковыска, Новогрудка, Лиды и Соколки, можно найти в работе М. А. Федоровского «Люд белорусский на Руси Литовской» (1897). В контексте описаний жизни человека приводятся сведения о представлениях народа о болезнях (параграф «Представления о болезнях» первого тома «Вера») и средствах сохранения физического и духовного здоровья человека. В третьей книге «Культура» в раздел «Трудности» включено два параграфа – «Болезни» и «Лекарства». Болезни рассматриваются в алфавитном порядке. Вслед за заголовком приводятся местные, диалектные названия болезней и дается характеристика народным средствам их терапии как автором, так и информаторами (на местном диалекте). Кроме того, здесь имеются сведения о знахарях, чародеях и др. Лекарства разделяются на минеральные и растительные, а затем приводятся описания тех трав, ягод, цветов, которые используются при лечении заболеваний человека. Важным является также то, что наряду с диалектными названиями растений даются их латинские эквиваленты [5].

Труды Н. Я. Никифоровского представляют собой богатый материал для изучения древнейших верований и суеверий, а также примет, обрядов и обычаев белорусов, которые, несмотря на их магический характер, содержат информацию о вполне рациональных правилах санитарии и гигиены XIX в. В книге «Простонародные приметы и поверья, суеверия и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (1897) [6] автор представил 2307 единиц материала, среди которых находятся описания приемов лечения с помощью магических действий и заклинаний. Большое количество народных медицинских текстов связано с беременностью женщины, рождением и первыми годами жизни ребенка. В сборнике материалов описываются многие детские болезни и способы их лечения, даются рекомендации о том, как женщине обезопасить себя во время беременности и что необходимо делать во время родов. В разделе «К вечеру – не рано» изложены сведения о народных профилактических действиях, направленных на предупреждение кожных болезней, лихорадки, сглаза, испуга, рожи, колтуна, родимца и др.

В своей докторской диссертации «Акушерская помощь в Минской губернии 1880–1889 гг.» (1893) А. А. Сицинский проанализировал народные обычаи и магические действия, связанные с беременностью, рождением и первыми днями жизни ребенка, которые демонстрируют тесную связь роженицы и новорожденного с потусторонним миром. Кроме того, в данном труде автор объяснял причины большой смертности детей тяжелым положением женщины в обществе и отсутствием медицинской помощи в сельской местности.

Интересные данные о народной медицине Могилёвской губернии имеются в статье доктора С. Человского «Растения Могилёвской губернии», которая вошла в одну из книг трехтомника А. С. Дембовецкого «Опыт описания Могилёвской губернии» (1882). Автор охарактеризовал более 200 растений и грибов, а также указал способы их употребления в народной медицине. Несмотря на описательный характер данного материала, работа имеет большую ценность для белорусской этнографии.

Отдельные краткие сведения о народных суевериях и предрассудках, которые лежат в основе народных медицинских ритуалов, направленных на борьбу с болезнями человека, появлялись и на страницах периодических изданий Русского географического общества, Императорского общества любителей естествознания, антропологии, этнографии («Минские губернские ведомости» (1838–1917), «Этнографическое обозрение» (1889–1916), «Виленский вестник» (1864–1915) и др.). Так, большой интерес вызывает работа члена Русского географического общества С. В. Максимова «Обитель и житель (из очерков Беларуси)» (1876), в которой автор объясняет возникновение обрядов поклонения воде, огню и деревьям

господством стихийных сил природы над человеком. В отчете о результатах путешествия по Минской губернии [7] на примере процесса возникновения «прощ» в Беларуси и использования их духовенством в корыстных целях Н. А. Янчук показывает социальную сущность религиозных верований и суеверий белорусского народа и приводит описания профилактических действий белорусов, которые проводились в Чистый четверг и на Рождество. Кроме того, при описании эпидемических болезней, таких как лихорадка, холера, и способов их лечения этнограф выявляет комплекс верований, подчеркивающих антропоморфную природу болезней и возможность «договориться» с ними, как с человеком, что и объясняет сущность медицинских ритуалов, направленных на борьбу с данными болезнями.

Многие фольклорно-этнографические работы XIX в. были посвящены вопросам заговорно-заклинательной традиции восточнославянских народов. Как известно, ввиду того что рациональный опыт лечения болезней был тесно связан с религиозно-магическими действиями и обрядами, использование лекарств растительного и животного происхождения, как правило, сопровождалось выполнением определенных магических ритуалов и произнесением молитв или заговоров. Дореволюционные исследователи предложили несколько определений заговоров, в которых подчеркивается прагматика текста, единство вербального текста и ритуального действия, а также вера в действенность магического слова. Некоторые работы также были посвящены проблемам происхождения непосредственно заговоров, эволюции заговоров, их языка, поэтики, композиции, сюжетики и т. д., связи заговорных формул с магическим обрядом, мифом, древнеязыческими молитвами и заклинаниями и др.

Первая в восточнославянской фольклористике монография, посвященная заговорам, принадлежит М. В. Крушевскому (1876). Заговор, по мнению автора, представляет собой «выраженное словами пожелание, которое должно обязательно исполниться» [8, с. 40]. Кроме того, он дает мифологическую и психологическую интерпретацию некоторых образов заговоров (ветра, солнца, зори, девицы и др.). Несмотря на то что выводы М. В. Крушевского не были им обобщены и оставались на уровне отдельных наблюдений, его труд стал большим импульсом для дальнейшего сбора и изучения заговорно-заклинательных текстов.

Среди работ общетеоретического направления выделяется исследование А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (1865). Рассматривая генезис и значение отдельных образов (святых, нечистой силы, лихорадки, острова Буяна, камня Алатыря,

огня, ветра и др.), автор приходит к выводу о том, что они имеют языческое происхождение и являются элементами древней славянской мифологии; даже абсолютно христианские на первый взгляд образы заговоров получают язычницкую окраску.

Несмотря на исторические события начала XX в. (Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война, военная интервенция в Беларуси (1918–1920-е гг.) и др.), которые на время приостановили работу по изучению быта и фольклорно-этнографического наследия белорусов, этот период все же ознаменовался выходом в свет ряда основательных исследований народных верований, суеверий и знахарства белорусского народа Е. Э. Сно (1904), А. Сержпутовского (1907, 1908, 1909, 1911, 1925), М. Довнар-Запольского (1890, 1909), И. А. Сербова (1914, 1915), Е. Романова (1912) и др.

Е. Э. Сно в своей книге «В болотах Полесья. Белорусы» (1904) происхождение многих болезней полешуков связывает с особенностями ландшафта и поселений, в первую очередь с вредным воздействием болотных испарений и отсутствием квалифицированной медицинской помощи. Некоторые материалы о народных верованиях белорусов были опубликованы в трудах белорусского этнографа И. А. Сербова «Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг.» (1914) и «Белорусы-сакуны» (1915).

Отдельные статьи А. К. Сержпутовского о знахарстве и чародействе (например, статьи «О завитках в Белоруссии» (1907), «Каўтун. Запасанне гаўяда» (1908)) были опубликованы в журнале «Живая старина». Описывая различные обряды и обычаи белорусского народа (сборники «Сказки и рассказы белорусов-полешуков», «Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павету»), А. К. Сержпутовский приходит к выводу о том, что главную роль в сохранении суеверий и предрассудков играет церковь. Кроме того, исследователь приводит множество примеров того, как церковнослужители и знахари в личных интересах распространяли среди народа различные суеверия. Большинство сведений сборника А. К. Сержпутовского «Прымхі і забабоны беларусаў-полешукоў», материал для которого этнограф собирал на протяжении сорока лет в южной части Слуцкого повета, посвящены описанию народных обычаев, которыми наполнена жизнь человека с самого его рождения. Начиная описание жизненного цикла человека с беременности женщины, автор приводит целый ряд правил, регламентирующих поведения женщины и ее родных, выполнение которых должно обеспечить нормальные роды и сохранить здоровье ребенка. В разделе «Лечение различных болезней» собраны и сгруппированы в небольшие тематические блоки описания способов лечения различных болезней. В то же время автор сохранил диалектные особенности текстов и имена авторов данных рассказов. В разделе «Вера» отдельный параграф также

посвящен описанию болезней, которые персонифицируются, – холера, чума, лихорадка, оспа и др. В этих рассказах удачно соединяются и народные представления на этимологию болезней, и профилактические меры, и медицинские рекомендации, и обобщения.

Вопросам изучения религиозных верований, чародейства и знахарства посвящен ряд статей М. В. Довнар-Запольского (например, «Чародейство в Северо-Западном крае в XVII–XVIII вв.» (1890), «Современное дело о знахарстве» (1892) и др.). Исходя из анализа данных судебных процессов XVII – начала XVIII в. исследователь делает вывод о том, что колдовство не всегда использовалось для причинения зла человеку и вызова у него болезней, а часто, наоборот, применялось для лечения больного человека.

Богатый материал о народной медицине и лечебной магии белорусов собран Е. Р. Романовым. Пятый выпуск издания «Белорусский сборник» (1891), составителем которого являлся Е. Р. Романов, имел подзаголовок «Заговоры, апокрифы и духовные стихи» и содержал более 324 заговоров и заклинаний. Важным является то, что заговоры здесь приводятся в контексте описания всего заговорно-заклинательного ритуала и сопровождаются пространственными, временными и атрибутивными характеристиками. Наиболее подробно описываются способы и средства лечения детей. В восьмом выпуске издания «Белорусский сборник» (1912) в разделе «Народные верования», кроме иррациональных способов лечения болезней, автор описывает медицинские рекомендации по применению лекарственных трав. Кроме того, в статье «Из области белорусской народной медицины» (1903), опубликованной в журнале «Могилёвская старина», он приводит интересный материал как из личных наблюдений, так и из лечебников XVII–XVIII вв., найденных в местечке Гайдуковка Могилёвской губернии. Примечательно, что этнографические материалы Е. Р. Романова отличаются своей оригинальностью и наличием паспортизации.

Отдельные этнографические материалы о традиционных методах и средствах лечения многих заболеваний размещались в исторических заметках об особенностях жизни разных народов мира, опубликованных в журнале «Советская этнография» (с 1889 по 1916 г. журнал имел название «Этнографическое обозрение», с 1926 по 1930 г. – «Этнография», в 1992 г. было возвращено первоначальное название «Этнографическое обозрение»). С одной стороны, данные публикации освещали особенности функционирования народной медицины в среде различных этнокультурных общностей, а с другой стороны, эти работы стали результатом научных дискуссий о специфике феномена народной медицины как объекта этнографического исследования. Данные публикации являются ценнейшим источником знаний об основных тенденциях формирования

народно-медицинских знаний различных этносов на определенных этапах развития общества.

Средства народной медицины и знахарства также были описаны в трудах польских этнографов Г. Бигеля (1929), К. Мошинского (1934), А. Красковского (1924) и др. Основное внимание исследователей было направлено на изучение магических методов лечения и сравнение лечебной магии славян с лечебной магией других народов. В книге «Аб чалавечым целе здаровым, хворым і спосабах яго лячэбнай самаабароны» (1924) А. Красковский знакомит читателей с анатомией и физиологией человека и описывает методы лечения с помощью народных лекарственных средств.

Недостаток лекарств в годы Первой мировой войны и после Октябрьской революции вызвал повышенный интерес к лекарственным растениям, в связи с чем в 1917 г. под Могилёвом была создана станция лекарственных растений. Сотрудники станции разработали инструкции по сбору лекарственных трав (работы «Лекарственные растения Белоруссии. Их сбор, сушка и хранение» (1924), «Правілы як збіраць, сушыць і захоўваць лекавыя расліны. Настаўленне для збіральшчыкаў» (1929), Е. И. Проскураков «Гербарый. Яго збор, сушка і хаванне» (1935) и др.) и опубликовали ряд трудов об особенностях выращивания лекарственных растений (Г. К. Крейер «Могилёвская опытная станция лекарственных растений» (1925), «Исследовательские работы Могилёвской опытной станции лекарственных растений за 1921–25 гг.» (1926) и др.). Кроме того, в 1932 г. вышла книга Л. Балковец «Дзікарастучыя лекавыя і іншыя карысныя расліны БССР», в которой автор описал более 80 лекарственных растений, указал их химический состав и дал рекомендации по применению каждого из этих растений в народном хозяйстве.

В 1920-е гг. началась активная работа ученых того времени (Е. Ф. Карского, В. Н. Добровольского, А. К. Сержпутовского, И. А. Сербова и др.) по орга-

низации научной деятельности в Беларуси. В 1922 г. был создан Институт белорусской культуры, преобразованный в 1929 г. в АН БССР. С этого времени развернулась масштабная работа по сбору и систематизации фольклорно-этнографических материалов. Начали функционировать краеведческие организации (местные комитеты), деятельность которых была направлена на изучение и дальнейшее развитие культуры отдельных регионов Беларуси. Однако в связи с принятием ряда правительственных постановлений, которые привели к коренному переустройству системы советского здравоохранения и бурному развитию медицинской и фармацевтической промышленности, под влиянием мощных идеологических установок, включавших в себя административные гонения и идеологическую дискредитацию народных врачей, народная медицина оказалась под запретом вплоть до 1950-х гг. С этого момента научные сотрудники Института искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (М. Я. Гринблат, В. К. Бондарчик, Л. И. Минько, К. П. Кабашников, Г. А. Барташевич, А. С. Лис, Л. М. Соловей и др.) начали активную работу по изучению народных верований, суеверий и знахарства белорусов. Кроме того, в связи с острым недостатком медикаментов и медицинской помощи в тылу во время Великой Отечественной войны белорусский народ снова вынужден был обратиться к традиционному опыту врачевания, что привело к повышению интереса к народной медицине. Все усилия ученых были направлены на сбор и систематизацию материалов о лекарственных травах, в результате чего в послевоенные годы в Беларуси было опубликовано несколько сборников о лекарственных растениях (В. В. Коробко, Т. П. Коробко «Лекарственные растения Белоруссии и их применение для лечения» (1947), Д. К. Шапино, Э. Ш. Курлянд, Л. Н. Гаренко «Заготовка лекарственных растений, произрастающих в Белоруссии» (1950), «Лекарственные растения (дикорастущие)» (1967) и др.).

Заключение

Историографический анализ важнейших публикаций по народной медицине белорусов XIX – первой половины XX в. показал, что за это время была проведена огромная работа по сбору, систематизации и первичному изучению фольклорно-этнографического фонда традиционных медицинских знаний народа. В первых этнографических публикациях были заложены пять основных направлений исследований белорусской народной медицины, которые нашли свое дальнейшее развитие во второй половине XX в.:

1) исследование народной медицины в контексте комплексного описания условий проживания и общего уклада жизни белорусского народа;

2) систематическое изучение прикладных аспектов народного врачевания;

3) исследование народной медицины белорусов в контексте их религиозно-мифологических представлений;

4) сбор, систематизация и изучение лекарственных средств растительного, животного и минерального происхождения;

5) исследование заговорно-заклинательной традиции.

Общей чертой большинства публикаций данного периода является их описательно-иллюстративный характер, а широкое использование средств и методов народного врачевания в XIX – первой половине XX в. объяснялось бедностью, низким уровнем образования народа и отсутствием развитой системы оказания медицинской помощи населению страны.

Кроме того, в связи с отсутствием тщательно разработанной методики записи материалов из области народной медицины многие публикации отличались неполнотой и бессистемностью изложения.

Несмотря на то что до первой половины XX в. этнологических работ по народной медицине белорусов было мало, лежавшие в основе первых научных работ обобщения и научно обоснованные подходы к изучению фактов из жизни народа яв-

лялись актуальными и новаторскими для своего времени. Эти работы заложили прочную основу для дальнейшего системного исследования феномена народной медицины как одного из наиболее значимых элементов культуры белорусов, а также разработки принципов и методологических подходов к проведению комплексного изучения народных средств и методов лечения различных заболеваний человека.

Библиографические ссылки

1. Шпилевский ПМ. *Путешествие по Полесью и белорусскому краю*. Минск: Беларусь; 2016. 272 с.
2. Богданович АЕ. *Пережитки древнего мировоззрения у белорусов. Этнографический очерк*. Москва: Институт русской цивилизации; 2015. 160 с.
3. Ляцкий Е. Болезнь и смерть по представлениям белорусов. *Этнографическое обозрение*. 1892;2–3:23–41.
4. Ляцкий Е. К вопросу о заговорах от трясавиц. *Этнографическое обозрение*. 1893;4:121–136.
5. Federowski M. *Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1891. Tom 1, Wiara. Wierzenia i przesady ludu z okolic Wolkowyska, Słonima, Łidy i Sokołki*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński; 1897. 509 s.
6. Никифоровский НЯ. *Простонародные приметы и поверья, суеверия и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии*. Витебск: Губернская типолитография; 1897. 307 с.
7. Янчук Н. *По Минской губернии (заметки из поездки в 1886 году)*. Москва: А. Левенсон и К^о; 1889. 130 с.
8. Крушевский НВ. Заговоры как вид русской народной поэзии. В: Березин ФМ, составитель. *Избранные статьи и работы по языкознанию*. Москва: Наследие; 1998. с. 25–47.

Статья поступила в редколлегию 14.02.2025.
Received by the editorial board 14.02.2025.

УДК 008:316.73(510)

ЭВОЛЮЦИЯ ИМИДЖА КИТАЙСКИХ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (КОНЕЦ 1970-х – 1990-е гг.)

СЫ ЧЖЭНЬЮЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется взаимосвязь между трансформацией социальной системы в Китае в начале 1980-х гг. (период реализации политики реформ и открытости) и развитием культуры, а также имиджа китайских сельских предпринимателей. Рассматриваются эволюция культурного образа китайских предпринимателей, изменение китайской корпоративной культуры и всей современной китайской культуры.

Ключевые слова: китайская предпринимательская культура; эволюция имиджа; социальная культура.

THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF CHINESE RURAL ENTREPRENEURS IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY CHINESE CULTURE (LATE 1970s – 1990s)

SI ZHENYU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the relationship between the transformation of China's social system in the early 1980s (the period of reform and opening-up) and the development of culture and the image of Chinese rural entrepreneurs. It examines the evolution of the cultural image of Chinese entrepreneurs, changes in Chinese corporate culture, and changes in contemporary Chinese culture.

Keywords: Chinese entrepreneurial culture; image evolution; social culture.

Введение

В современном обществе имидж предпринимателя – это не только движущая сила экономического развития, но и воплощение образа жизни и отношения к работе. Изучение имиджа современного китайского предпринимателя становится важной

задачей в области гуманитарных исследований, поскольку китайские предприятия с каждым годом играют все большую роль на мировом рынке. Характерной чертой современных китайских предприятий является их двойственная природа. Будучи

Образец цитирования:

Сы Чжэньюй. Эволюция имиджа китайских сельских предпринимателей в контексте современной китайской культуры (конец 1970-х – 1990-е гг.). *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:35–39. EDN: BDVNGU

For citation:

Si Zhenyu. The evolution of the image of Chinese rural entrepreneurs in the context of contemporary Chinese culture (late 1970s – 1990s). *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:35–39. Russian. EDN: BDVNGU

Автор:

Сы Чжэньюй – аспирант кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Бурачонок.

Author:

Si Zhenyu, postgraduate student at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications. 853559526@qq.com

экономическими субъектами, они одновременно функционируют как социокультурные институты, формирующие корпоративную идентичность, социальную ответственность и культурные практики [1, с. 200]. Одна из основных причин быстрого роста китайских предприятий видится в том, что до начала реализации принятой в 1978 г. по инициативе крыла прагматиков Коммунистической партии Китая политики реформ и открытости для экономической системы Китая не была характерна урбанизация. Демографическая структура в основном состояла из крестьян и военнослужащих. После вступления Китая на путь развития рыночной экономики большое количество военнослужащих ушли с военной службы, крестьяне покинули сельскую местность и стали опорой современных предпринимателей¹, которым для развития предприятий был необходим постоянный приток дешевой рабочей силы.

Государственная стратегия индустриализации предполагала оптимизацию инвестиционного климата, углубление международного сотрудничества и создала институциональные предпосылки для изменений в социальной структуре. Распространение рыночной экономической системы привело к формированию в китайском обществе слоя предпринимателей. Симбиоз традиционной культуры с ее акцентом на преемственность, инновации, социальную гармонию и революционной парадигмы, ориентированной на модернизацию и национальное возрождение, сформировал уникальную модель предпринимательской идентичности, отражающую диалектику культурного наследия и современных трансформаций китайского общества.

Актуальный предпринимательский имидж обусловлен экономической динамикой, он является формой социокультурного самовыражения. Ак-

тивная интеграция китайских предпринимателей в глобальную экономику актуализировала научный интерес к изучению их идентичности. Формирование предпринимательского духа в Китае детерминировано комплексом экономических, социальных и культурных преобразований, инициированных политикой реформ и открытости 1978 г. Этот феномен сочетает историческую преемственность с трансформациями в общественных, политических и экономических процессах.

Целью настоящего исследования является анализ взаимосвязи культурных трансформаций и эволюции имиджа предпринимателей из числа сельских жителей Китая в конце 1970-х – 1990-е гг., когда происходили радикальные изменения социальных институтов и культурных парадигм. Выбранные хронологические границы соотносятся с начальным этапом реализации политики реформ и открытости, которая началась именно в сельской местности. Изучение адаптации крестьян к новым экономическим и социокультурным реалиям позволяет реконструировать эволюцию предпринимательского имиджа, раскрыть механизмы формирования современной китайской культурной идентичности в ее корпоративном и национальном измерениях. В рамках данной статьи будет критически проверен тезис М. Вебера относительно невозможности формирования рыночной экономики в Китае ввиду отсутствия инновационного потенциала в традиционном конфуцианстве [2, с. 43]. Анализ диалектического взаимодействия традиционных ценностей (конфуцианское наследие, коллективистские установки) и вызовов рыночной модернизации позволит выявить ключевые векторы трансформации не только предпринимательского образа, но и всей системы культурных координат современного Китая.

Материалы и методы исследования

Развитие предпринимательства в Китае, вызванное реализацией политики реформ и открытости, является достаточно популярной темой среди исследователей-синологов. Вместе с тем культурная составляющая этих процессов редко становится предметом отдельных исследований.

Современные научные дискуссии о культурной трансформации в Китае обнаруживают концептуальное соответствие исследованиям эволюции предпринимательского имиджа на начальном этапе реформ [1; 2]. Исследовательское внимание сосредоточено на механизмах инновационного поиска изменений в осуществлении коммерческой деятельности предпринимателей в сельской местности, обусловленных историческими трансформациями и динамикой

культурно-идеологических парадигм. Анализ работы Чжао Тао о коммерческой цивилизации [3], исследования Хань Юньчжуна о конфуцианской культуре [4], а также критико-аналитических положений избранных произведений Мао Цзэдуна [5] демонстрирует, что культурное наследие не сводится к его механическому разделению на сущностное и второстепенное. Практика современного китайского социализма требует избирательной интеграции традиционных элементов культурного наследия через элиминацию его архаичных компонентов и творческое соединение значимых аспектов с современными реалиями.

В настоящей статье для достижения поставленной цели были использованы диахронический, синхронический, сравнительный, биографический методы

¹Four histories study and education. History of reform and opening up // Kunming Federation of Trade Unions Official Information Release Platform. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1766580279330101510&wfr=spider&for=pc> (date of access: 01.06.2025) (in Chin.).

исследования, методы социологических исследований, моделирование культурных практик. На основе анализа культурных архетипов из теории трансформации предпринимательского образа сформулировано культурологическое определение феномена культурной эволюции имиджа современного китайского предпринимателя. Данная теоретическая

модель позволяет исследовать воздействие социальной трансформации реформаторского периода на формирование предпринимательского имиджа, а также выявить генезис теоретических подходов к культурной эволюции в условиях трансформаций общественных, политических и экономических процессов.

Результаты и их обсуждение

В 1980-е гг. тысячелетняя аграрная структура китайского общества, основанная на конфуцианских принципах, столкнулась с вызовами, обусловленными началом реализации политики реформ и открытости. Освобождение крестьян от земельной зависимости создало предпосылки для развития ремесленных мастерских и мелкотоварного производства, которые позволили фермерам освоить базовые промышленные технологии. Исторически маргинализированное крестьянство, выступая социальной основой революционной культуры, столкнулось с парадоксом конфуцианской модели семейной иерархии, согласно которой старейшины семьи обладают приоритетом в принятии решений, сохраняют семейную культуру и поддерживают моральные нормы. В традиционном аграрном обществе, характеризующемся низкой мобильностью, эти принципы (сыновняя почтительность, братская солидарность, семейная гармония) создали условия для социальной стабильности. Однако в условиях рыночной экономики, отличающейся производственной динамикой и сложными трудовыми отношениями, семейные предприятия столкнулись с системным кризисом². Крестьянские предприниматели, создавая компании на основе родственных связей, изначально опирались на патриархальные нормы распределения ресурсов. Противоречие между принципом старшинства (приоритет возраста над профессиональным вкладом) и рыночными механизмами (плата за эффективность, акционерное распределение) привело к распаду семейных альянсов. Данный структурный кризис, сопровождавшийся трансформацией родственных связей, стал неизбежным этапом преобразования архаичных семейных предприятий в современные корпоративные структуры.

Распад традиционных семейных предприятий, основанных на концепции Цзя Тянься (кит. 家天下 – мышление, ориентированное на семью), в процессе индустриализации китайской деревни создал условия для формирования современных корпоративных структур [6, с. 57]. Этот переход не только стимулировал трансформацию менталитета крестьянских предпринимателей (от патриархальных лидеров

к профессиональным управленцам), но и спровоцировал кризис их идентичности. Отход от традиционной корпоративной культуры сопровождался двойным вызовом: возникла необходимость, с одной стороны, в поиске новых моделей управления, с другой стороны, в реконструкции культурной идентичности предпринимателей в условиях снижения значения традиционных ценностей. Парадоксальным образом сам процесс трансформации стал формой диалектического наследования китайских культурных традиций. Разрушая архаичные структуры, он создал почву для избирательной адаптации конфуцианских принципов (например, идеи социальной ответственности) к современным бизнес-практикам.

В качестве примера трансформации менталитета сельских предпринимателей можно привести Ли Шуфу, основателя одной из крупнейших китайских автомобилестроительных компаний *Geely*. Он начал предпринимательскую деятельность в 1980-х гг., открыв частную фотостудию. Позже вместе с братьями он организовал ремесленное производство деталей для холодильников. Семейная солидарность и взаимопомощь стали основой успеха предприятия Ли Шуфу на начальной стадии его развития. Однако после создания в 1994 г. компании *Geely Group* патриархальная модель управления, для которой характерна абсолютная власть главы семьи, привела к конфликтам. В 1997 г. сестра основателя Ли Шуфан покинула компанию, в 1999 г. его брат Ли Шутун ушел вместе с частью сотрудников. Долгое время Ли Шуфу отрицал семейный статус предприятия. Кризис 2003 г. стал для него поворотным моментом, во время которого была создана компания *Geely Holding* и привлечены профессиональные менеджеры³. Данная трансформация разделила семейные и деловые отношения, минимизировав влияние эмоциональных факторов на управленческие решения, распределение ресурсов и модернизацию производства. Ли Шуфу эволюционировал от патриархального лидера до современного корпоративного управленца, достигнув при этом баланса между конфуцианской этикой и требованиями рыночной эффективности.

²Wu Renbao. Outstanding representative of rural grassroots cadres, former Party Secretary of Huaxi Village // Baidu Encyclopedia. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%90%B4%E4%BB%81%E5%AE%9D/70290> (date of access: 01.06.2025) (in Chin.).

³Li Shufu's family ups and downs: son is Geely's potential successor; four Li brothers split // sina.com : website. URL: <https://finance.sina.cn/2018-02-25/detail-ifyrvaxf0191721.d.html?from=wap> (date of access: 01.06.2025) (in Chin.).

Распад традиционных семейных предприятий, основанных на концепции Цзя Тянься, в процессе модернизации китайской деревни демонстрирует парадоксальный синтез культурной преемственности и институциональных разрывов. Сельские предприятия, изначально управляемые сельскими лидерами, формально внедряли современные управленческие практики, сохраняя глубинные конфуцианские паттерны [4, с. 105]. Ключевое противоречие проявлялось в когнитивном диссонансе предпринимателей (стремление к технологической модернизации и эффективности сочеталось с подсознательным соблюдением неоконфуцианских догм эпохи Сун, в том числе принципа трех подчинений (правителю, отцу, мужу)). Такая двойственность породила уникальный феномен: внешне современные предприятия сохраняют иерархические структуры, в которых власть монополизирована патриархальными лидерами. Успешные кейсы (повышение производительности с помощью внедрения инноваций) сосуществуют с системными проблемами (жесткая иерархия подавляет инициативу, а риторика взаимопомощи маскирует авторитарные практики). Даже прогрессивные предприниматели, преодолевая технологическую отсталость, часто воспроизводят архаичные культурные коды, что становится причиной кризисов при расширении бизнеса.

Ярким примером диалектики традиции и современности стал опыт Юй Цзомина – руководителя деревни Дацюнжуан (муниципалитет Тяньцзинь), обладателя звания «Лучший фермер-предприниматель Китая». В 1980-е гг. он организовал сбор средств для строительства сталелитейного завода, создав позже промышленно-торговую корпорацию «Дацюнжуан». Патриархальная модель управления обеспечила первоначальный успех (строительство вилл, обеспечение бесплатного образования и др.). Однако культ личности Юй Цзомина, называвшего себя «императором», привел к гипертрофии власти. Внесудебные расправы над менеджерами (смерть директора сталезавода в 1993 г.) и имитация государственных институтов показали противоречие между формальной модернизацией и архаичной культурной матрицей.

Трансформация китайских сельских предпринимателей отражает взаимодействие конфуцианского наследия и революционной парадигмы. Часть предпринимателей, усвоивших принципы революционной культуры (приоритет народных интересов, коллективная ответственность), трансформировали архаичные семейные предприятия в современные кооперативные структуры [3, с. 93]. Их подход, основанный на принципах реального положения дел и справедливого распределения ресурсов, контрастирует с традиционной иерархической моделью.

Распространенные примеры успешной адаптации сельских жителей к новым экономическим реалиям

демонстрируют замещение концепции индивидуализированной прибыли концепцией общего процветания, трансформацию патриархального лидерства в коллективное управление и внедрение технологических инноваций в производство при сохранении социальной ответственности. Данный феномен иллюстрирует потенциал синтеза революционной риторики и рыночных механизмов для создания устойчивой модели экономической модернизации. Яркой иллюстрацией диалектики традиционного и революционного этоса стал опыт У Жэньбао – руководителя деревни Хуаси (провинция Цзянсу), обладателя званий «Пионер реформ» и «Выдающийся предприниматель Китая». В 1979 г. вопреки распространенной практике семейного бизнеса он организовал коллективное землепользование на 200 га земли для 30 опытных фермеров, направив остальных жителей деревни на обучение промышленным технологиям. Результатом стало учреждение 40 предприятий (кузнечных, прокатных, алюминиевых заводов), выведших к 1980 г. деревню Хуаси на первое место в провинции по объему производства⁴.

Успех базировался на синтезе революционной риторики (установка «народ превыше всего», коллективная ответственность), концепции Цзя Тянься и механизмов взаимопомощи. В систему совместного развития с деревней Хуаси последовательно включились в качестве объектов прямого содействия 20 соседних деревень, сформировав идею «большого Хуаси». Кроме того, подготовка сотен тысяч сельских кадровых работников позволила укрепить местные артийные организации и стимулировать строительство новых деревень социалистического типа по всей стране. У Жэньбао неизменно находился во главе реформ и способствовал развитию села. Он организовал освоение земель жителями деревни Хуаси в 1970-х гг., создание заводов в 1980-х гг., строительство города в 1990-х гг., что позволило через индустриализацию, урбанизацию и модернизацию последовательно преобразовать образцовую аграрную деревню. Таким образом, был проложен новый путь развития, основанный на консолидации сельских ресурсов, взаимодополняемости преимуществ предпринимателей, их взаимовыгодном сотрудничестве и всеобщем процветании, а также заложены основы демократической системы управления крупным сельским поселением. Принцип трех нелей (нельзя забывать государство, коллектив, соседей) У Жэньбао реализовался через создание филиалов Хуаси в Нинся, Хэйлунцзяне и других регионах. В 1990-х гг. деревня-корпорация Хуаси завершила эволюцию от аграрного сообщества через индустриализацию до урбанизированного конгломерата⁵. Ее опыт демонстрирует потенциал гибридных моделей, где революционный этос нейтрализует архаичные элементы традиционной системы, со-

⁴Wu Renbao and Huaxi Village // China People's Daily Online. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0319/c87393-20831708.html> (date of access: 01.06.2025) (in Chin.).

⁵Ibid.

храняя социально ориентированную основу конфуцианского наследия.

Реформы 1980-х гг., обеспечившие экономический рывок Китая, выявили ключевую роль предпринимательской инициативы. Начальный этап рыночных преобразований сопровождался когнитивным диссонансом (прямое применение конфуцианских принципов и революционной риторики без адапта-

ции к рыночным реалиям порождало институциональные кризисы). Однако избирательная трансформация культурных парадигм, предусматривающая интеграцию конфуцианской этики и корпоративной социальной ответственности, а также переосмысление революционных идеалов через призму экономической эффективности, сформировала уникальную гибридную модель предпринимательства.

Заключение

С началом реализации политики реформ и открытости в 1980-х гг. Китай вступил на путь ускоренного развития, который требовал для укрепления экономической мощи страны формирования предпринимательского класса с инновационным мышлением. В этот период китайские предприниматели столкнулись с необходимостью адаптации корпоративной культуры к реалиям рыночной экономики с одновременным сохранением культурной идентичности.

Практика показала, что взаимодействие традиционной конфуцианской культуры и революционной «красной» культуры в условиях рыночной системы хозяйствования вызвало реорганизацию корпоративной культуры. Было установлено, что интеграция, взаимодополнение и реструктуризация различных культур в рамках современной предпринимательской практики, направленные на их верификацию и обновление, заложили теоретико-методологиче-

ские основы современной культурной трансформации.

Параллельно с этим китайские предприниматели в процессе практической деятельности осуществляют модернизацию традиционной конфуцианской культуры и адаптацию революционной культуры к экономическим реалиям. Внедрение культурных архетипов традиционной и революционной парадигм в рыночную практику создает основу для формирования современной предпринимательской культуры, способствуя эволюции как деловой этики, так и предпринимательского имиджа. Этот процесс опровергает тезис М. Вебера об отсутствии инновационного потенциала в традиционном конфуцианстве. Эмпирические данные подтверждают, что прагматичная адаптация культурного наследия создала альтернативный путь институциональной эволюции, на котором традиционные ценности стали ресурсом инновационного развития.

Библиографические ссылки

1. 刘刚, 殷建瓴, 刘静. 中国企业文化 70 年: 实践发展与理论构建. *经济管理*. 2019;10:194–208 = Лю Ган, Инь Цзяньвэй, Лю Цзин. 70 лет китайской корпоративной культуры: практическое развитие и теоретическое построение. *Управление экономикой*. 2019;10:194–208.
2. 孙洪钧. 儒商精神与现代企业家精神构建 [论文]. 上海: 上海财经大学; 2021. 143 页 = Сунь Хунцзюнь. *Конфуцианский деловой дух и построение современного предпринимательства* [диссертация]. Шанхай: Шанхайский университет финансов и экономики; 2021. 143 с.
3. 赵涛. 商业文明与中国社会转型研究 [论文]. 北京: 北京邮电大学; 2015. 146 页 = Чжао Тао. *Бизнес-цивилизация и социальная трансформация Китая* [диссертация]. Пекин: Пекинский университет почты и телекоммуникаций; 2015. 146 с.
4. 韩云忠. 先秦儒家礼乐文化的德育价值研究 [论文]. 山东: 山东师范大学; 2015. 185 页 = Хань Юньчжун. *Исследование ценности нравственного воспитания в конфуцианской ритуальной и музыкальной культуре доциньской эпохи* [диссертация]. Шаньдун: Шаньдунский педагогический университет; 2015. 185 с.
5. 毛泽东. 毛泽东选集. 北京: 人民出版社; 1991. 534 页 = Мао Цзэдун. *Избранные произведения Мао Цзэдуна*. Пекин: Народное издательство; 1991. 534 с.
6. 刘礼光. «管子» 治家治国治天下思想略论. 载: 刘国旗, 编. «管子的世界观与构建人类命运共同体» 和 «新中国管子研究 70 年». 第十四届全国管子学术研讨会论文集; 2019 年 5 月 10 日; 安徽, 中国. 出版社: 安徽省人民出版社; 2019. 57–60 页 = Лю Лигуан. Краткое объяснение мысли об управлении семьей, государством и миром в Гуаньцзы. В: Лю Гоци, редактор. «Единый мир Гуаньцзы и построение сообщества общего будущего для человечества» и «70 лет исследований Гуаньцзы в Новом Китае». *Материалы 14-го национального симпозиума Гуаньцзы; 10 мая 2019 г.; Аньхой, Китай*. Аньхой: Аньхойское народное издательство; 2019. с. 57–60.

Статья поступила в редколлегию 01.07.2025.
Received by the editorial board 01.07.2025.

УДК 364

МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «БОЗОК», МУЗЕЙ С. СЕЙФУЛЛИНА, МУЗЕЙ-КАБИНЕТ Л. Н. ГУМИЛЁВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА ПАМЯТИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ КОММЕМОРАЦИИ

А. А. ДАДЫРОВА¹⁾

¹⁾Казахский национальный университет искусств им. Күляш Байсеитовой,
пр. Тауелсиздик, 50, 010000, г. Астана, Казахстан

Аннотация. Представлены результаты изучения исторических мест Астаны как мест памяти. Рассмотрены музеи как пространство, содержащее символы исторической и культурной памяти о важных событиях прошлого. Отмечено, что значимое место среди таких событий занимают пережитые страной исторические события, которые наложили отпечаток на несколько поколений граждан.

Ключевые слова: места памяти; историческая память; коллективная память; культурная память; вещь в себе; экзистенция; сакральный образ; коммеморация; семиотика символов.

Образец цитирования:

Дадырова АА. Музей-заповедник «Бозок», музей С. Сейфуллина, музей-кабинет Л. Н. Гумилёва: исторические места памяти как инструменты коммеморации. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:40–45. EDN: TMAFCA

For citation:

Dadyrova AA. Museum-reserve «Bozok», museum of S. Seifullin, museum-office of L. N. Gumilyov: historical places of memory as instruments of commemoration. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:40–45. Russian. EDN: TMAFCA

Автор:

Асель Алибековна Дадырова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры сценографии и декоративного искусства художественного факультета.

Author:

Assel A. Dadyrova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of scenography and decorative art, faculty of art.
asseldadyrova@gmail.com

MUSEUM-RESERVE «BOZOK», MUSEUM OF S. SEIFULLIN, MUSEUM-OFFICE OF L. N. GUMILYOV: HISTORICAL PLACES OF MEMORY AS INSTRUMENTS OF COMMEMORATION

A. A. DADYROVA^a

^aKulyash Bayseyitova Kazakh National University of Arts, 50 Tauelsizdik Avenue, Astana 010000, Kazakhstan

Abstract. This article presents the results of a study of Astana's historical places as places of memory. Museums are considered as spaces containing symbols of historical and cultural memory of important past events. It is noted that the historical events experienced by the country which have left their mark on several generations of citizens, occupy a significant place among these events.

Keywords: places of memory; historical memory; collective memory; cultural memory; thing in itself; existence; sacred image; commemoration; semiotics of symbols.

Введение

Музеи, библиотеки и архивы уже давно не просто являются институтами памяти, в которых хранятся исторические документы, экспонаты, предметы прошлого, но и выполняют ключевую функцию в конструировании минувших событий. Музеи представляют собой многомерный институт, накапливающий исторические знания и воздействующий на память и сознание человека, поскольку они выполняют цен-

ностную и когерентную функции. В музеях эмпатия становится осязаемой, в публичном сознании включаются тончайшие инструменты восприятия и конструирования событий. Многие публичные институты памяти, сохраняя свою специфику и характер, становятся акмеологическим центром хранения научных и образовательных сведений, способствующих расширению музейного пространства.

Материалы и методы исследования

Материалом для настоящего исследования послужило описание столичных музеев (музей-заповедник «Бозок», музей С. Сейфуллина, музей-кабинет Л. Н. Гумилёва) через концепт мест памяти, который предложил французский исследователь П. Нора [1, с. 5]. По мнению П. Нора, место памяти является материальным и символическим. Применение данного концепта обусловлено трудностями в конструировании выбранных музеев, поскольку они

имеют эпистемологические абберации, связанные с нарративами прошлого. В настоящем исследовании концепт мест памяти используется для сопоставления разных объектов городского пространства. Стоит учитывать тот факт, что экспозиции в данных музеях были собраны людьми, которые стремились соблюдать баланс между отечественными и международными представлениями о коммеморации.

Результаты и их обсуждение

Музеи выступают в качестве средства реконструктивной коммеморации. Реконструктивная коммеморация представляет собой форму коммеморации, при которой репрезентация истории осуществляется с помощью экспозиции музейных объектов. Становление понимания и процесс осмысления истории реализуются посредством использования исторических источников.

Способами коммеморации выступают репликация и реорганизация исторических событий, проведение различных мероприятий, биографические повествования. Экспозиционные сюжеты, представленные сценами из прошлого, определенным образом свидетельствуют о заинтересованности людей в социальных институтах.

Места памяти играют экзистенциальную роль в осознании масштабов прошлого. В целях верифика-

ции данных автор настоящего исследования работал на рассматриваемых объектах, проводил беседы с сотрудниками музеев, участвовал в музейной жизни.

Концепт мест памяти предполагает наличие своеобразных точек концентрации целостных образов страны, способов «сохранения групповой памяти в символической форме» [1, с. 14]. П. Нора отмечает: «Все места памяти – это отдельные предметы, отсылающие к памяти как к целому» [1, с. 43]. По его мнению, места памяти – это «бессознательная организация коллективной памяти, которой мы позволяем осознать саму себя. Места памяти – это наш момент национальной истории...» [1, с. 48].

Этот концепт теоретически осмысливается во многих исследованиях и имеет солидную историографию. Так, в исследовании А. З. Бейсенова освещаются вопросы изучения памятников казахского

времени [2], а в статье Д. Бюрена изучаются основные функции музея [3]. Также при подготовке настоящей работы автор исследования обращался к трактату И. Канта «Критика практического разума» [4]. Несмотря на ценную историографию концепта мест памяти, включающую в себя ряд документальных публикаций, такой ее ключевой аспект, как практики коммеморации, на сегодняшний день остается практически неисследованным.

Музей-заповедник «Бозок», музей С. Сейфуллина, музей-кабинет Л. Н. Гумилёва – это места культурной и коллективной памяти, которые осуществляют историческую коммеморацию. Эти знаменательные исторические места имеют все отличительные черты мест памяти, в них происходит синтез культуры, истории и памяти народа. Данные музеи выступают хранилищем памятных событий. В связи с этим изучение и анализ нарративов истории, как части мест памяти, являются важной задачей. П. Нора утверждает, что место памяти – это прежде всего останки. Для автора настоящего исследования исторические места выступают ценными свидетелями прошлой эпохи. Обзор трудов П. Нора, посвященных

изучению мест памяти, дает возможность утверждать, что музей-заповедник «Бозок», музей С. Сейфуллина, музей-кабинет Л. Н. Гумилёва являются символическими объектами, реализующими коммеморацию.

В столице Казахстана – Астане важным местом памяти можно назвать историко-культурный музей-заповедник «Бозок», в котором реконструировано древнее городище и создан археологический парк. Городище Бозок было открыто в 1998 г. выдающимся казахским археологом К. А. Акишевым (рис. 1). В то же время началось активное изучение истории основания столицы Казахстана [2, с. 15]. Следует отметить, что средневековое городище Бозок – это сакральное для древних тюрков место, пристанище для людей, имевших отношение к Степному шелковому пути, крепость, в которой велось активное хозяйствование.

Интеракция в этом музее осуществляется при помощи экспозиционно-выставочной деятельности. Она заключается в распознавании и интерпретировании культурных символов и знаков, которые были подготовлены работниками музейного пространства.

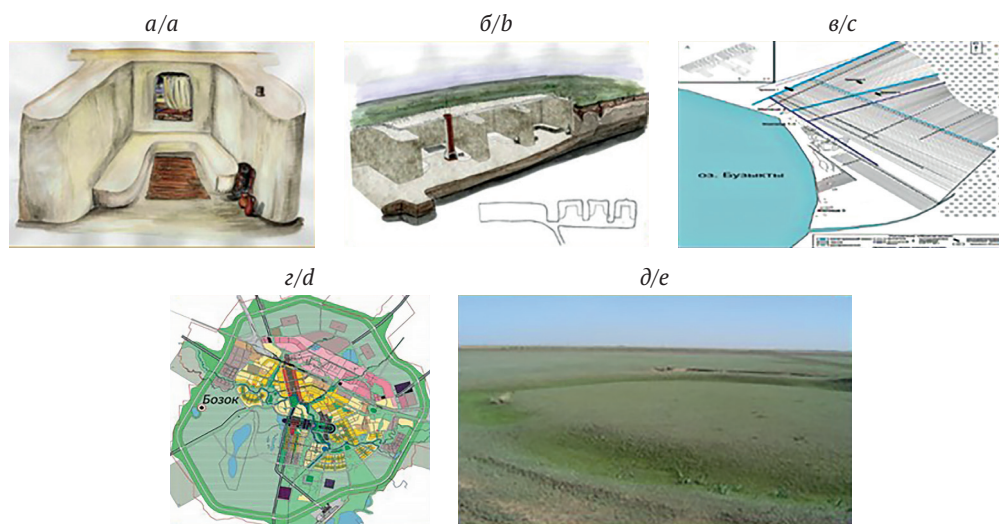


Рис. 1. Городище Бозок

Fig. 1. Bozok settlement

Музей С. Сейфуллина, казахского поэта и писателя, видного государственного деятеля, – это здание, в котором проживал сам поэт. Оно представляет собой одноэтажное деревянное строение, возведенное в конце XIX в. В музее представлены личные вещи С. Сейфуллина. Неравнодушным сотрудникам музея удалось точно передать истинную атмосферу того времени, когда в этом доме проживал писатель. Эта немаловажная деталь дает возможность более глубоко проникнуться эмоциональной составляющей музея как места памяти.

Музей С. Сейфуллина расположен в старой части города Астаны, где сохранились многие исторические строения. Здание музея элегантно вписывается

в пространство, в котором оно находится, гордо показывая, что в нем вершилась история.

Посещение музея однозначно меняет посетителей. Сотрудникам музея удивительным образом удалось не только сохранить обстановку, в которой жил и работал С. Сейфуллин, но и четко организовать экспозицию из личных вещей писателя. Кабинет С. Сейфуллина выступает не просто рабочим пространством, но и местом, сохранившим атмосферу прошлого. Это помещение в первую очередь место исторической памяти, а потом уже мемориал и дань уважения великому сыну казахского народа.

Сохранение особо значимой мемориальной функции можно проследить в том, как расположены экс-

понаты музея С. Сейфуллина. Каждый объект экспозиции является уникальным. Работники музея возложили на себя высокую миссию не просто составить экспозицию из личных вещей писателя, оставившего большой след в истории, но и сохранить последовательность событий его жизни, логику их развития.

Хотя музей небольшой по площади, при его посещении не ощущается тяжесть прошлого, даже наоборот, чувствуется живой и естественный эмоциональный отклик. В настоящее время музей С. Сейфуллина является востребованным местом, содержащим целый комплекс так называемой живой памяти.

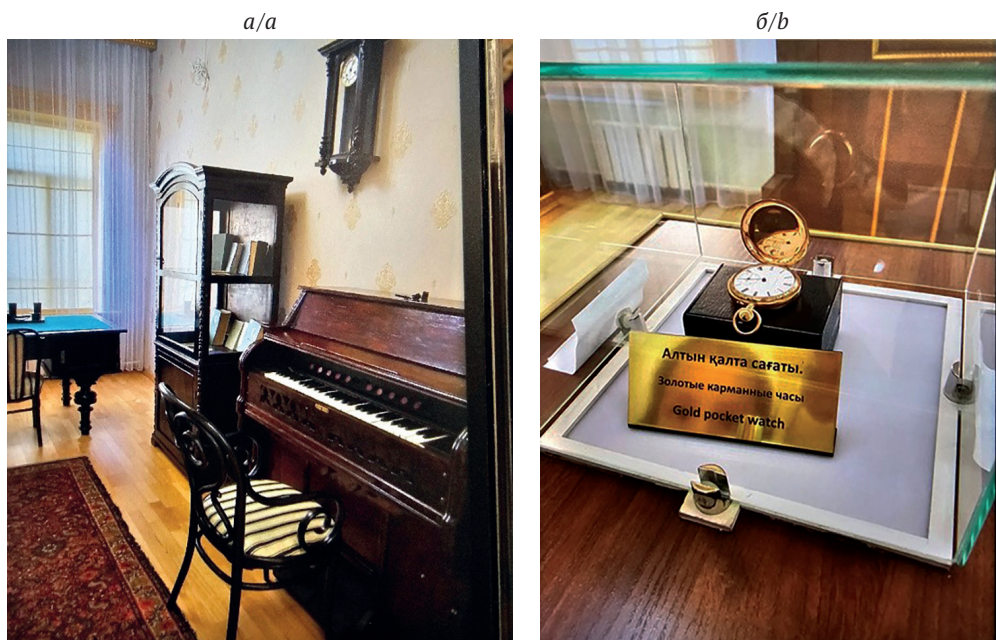


Рис. 2. Музей С. Сейфуллина
Fig. 2. Museum of S. Seifullin

Музей-кабинет Л. Н. Гумилёва был открыт в 2002 г. в стенах Евразийского национального университета, гордо носящего имя выдающегося евразийца, автора учения о пассионарности Л. Н. Гумилёва. В музей-кабинете размещены многие вещи, которыми уче-

ный пользовался лично. На небольшой площадке музея-кабинета Л. Н. Гумилёва была воссоздана атмосфера его рабочего места, расположены книги, статьи, труды, многочисленные фотографии, принадлежавшие ему.



Рис. 3. Музей-кабинет Л. Н. Гумилёва
Fig. 3. Museum-office of L. N. Gumilyov

Анализ оригинальных первоисточников – исторических зданий, несущих значимые экзистентно-ценностные смыслы и являющихся следствием исторической памяти, показывает, что оказанное на

них социокультурное воздействие способствует формированию коллективной памяти. Представляется важным дальнейшее исследование историко-культурного наследия, в частности музеев.

В настоящем исследовании музеи рассматриваются как места памяти и формы алетей, в которых сконцентрированы знаки и символы коллективной памяти. По идее П. Нора, такие места – это точки внешней опоры памяти. По мнению автора настоящего исследования, музеи выступают местами духовной силы. Музеи, как места памяти и места духовной силы, помогают людям осознавать, как важно сохранить коллективную память, передать ее через те вещи и предметы, которыми наполнено пространство музеев.

Места духовной памяти воспроизводят практику продолжающейся памяти, передают настоящему и последующим поколениям людей знания о знаковых фигурах, оказавших огромное влияние на формирование науки, культуры и общества. Благодаря этим местам люди ощущают себя частью самой истории, идентифицируют себя через накопленные предками знания, например через наследие Л. Н. Гумилёва и С. Сейфуллина. Экспозиция музея-заповедника «Бозок» позволяет узнать историю средневековых городов, через которые проходил Степной шелковый путь, увидеть, как формировалась коммуникативная память, состоящая из миллионов свидетельств и данных из оригинальных источников.

В ходе полевого исследования (изучение музеев С. Сейфуллина и Л. Н. Гумилёва) и подготовки настоящей статьи выявлено, что часто предметы из прошлого (книги, очерки, записки, заметки, очки, ручки-перо, печатные машинки, чемоданы с потертыми) являются символическими и семиотическими знаками. С помощью этих предметов формируются традиции преемственности практик коммеморации.

По Канту, такие предметы являются вещами в себе, хранящими внутреннюю память, чтобы спустя время ретранслировать знания и историю [4, с. 87]. Места памяти создают семиотические образы, они пропитаны духом прошлого и наполнены материализованными проявлениями культуры.

Вслед за Д. Бюрреном отметим, что «музей выполняет тройственную функцию: эстетическую, экономическую и мистическую» [3, с. 15]. Экспозиции музеев концептуальны, пространство музеев наполнено личными вещами исторических личностей. Анализ музеев позволяет сделать вывод о том, что их уникальность выражается через эксклюзивные экспонаты. Уникальность воспринимается как аутентичность исторических объектов музея. Музейное пространство имеет дидактический дизайн, площадки музея, как места памяти, создаются для обучения и воспитания людей.

Даже бюст Л. Н. Гумилёва выступает историко-коммеморативной практикой. Однако он не только является ценностной историко-коммеморативной практикой, но и несет мощное семантическое наполнение. По этой причине творение и размещение

памятников, имеющих эстетизированные преимущества и реализующих глубокий художественный образ, представляют большое значение, что, в свою очередь, является важным не только для самого заказчика, но и прежде всего для творца, т. е. художника.

Важно отметить, что музей Л. Н. Гумилёва занимает небольшое пространство, но от этого не теряет своей ценности. Есть традиция, согласно которой каждый год студенты первого курса обязательно посещают этот музей со своим куратором. Существование данной традиции свидетельствует о том, что музей исправно выполняет свою просветительскую функцию.

Музей, являясь научным, педагогическим и образовательным центром, осуществляет функцию диалога, способствуя формированию культурной идентичности, коллективной памяти, что, несомненно, важно в условиях глобализирующего мира. Тщательное описание музеев является преобладающим способом их самопрезентации, так как основу настоящих экспозиций составляют стенды, шкафы, полки с многочисленными фотографиями, документами и другими свидетельствами прошлой эпохи.

Правильно будет сказать, что данное исследование является одной из попыток методологически интерпретировать роль самих музеев, сформировать системный подход к их изучению, что важно для выстраивания дидактического дизайна истории.

Музеи Л. Н. Гумилёва, С. Сейфуллина и музей-заповедник «Бозок» связаны между собой концептуально, так как они репрезентируют историческое наследие страны. Просветительскую миссию в этих музеях выполняют люди, исторические личности.

Все рассмотренные музеи разные по типу, но их объединяет то, что они являются продуктивными инструментами коммеморации. Эти музеи – это не просто здания, которые посещают люди, но и прежде всего кардинальные институты памяти. Стоит отметить, что сейчас сформирована определенная группа музеев, использующих эмоциональные переживания посетителей для осознания событий прошлого. Здесь налицо освобождение от локальной памяти. Музеи создают условия для движения от локальной к коллективной памяти, репрезентируют нарративы истории, устанавливает соответствие между прошлым и настоящим.

Сакральное значение рассмотренных музеев как мест памяти не сразу поддается расшифровке теми, кто не включен в процесс получения исторического опыта через изучение истории и культуры. Коммеморация, реализуемая данными музеями, содействует консолидации памяти, которая имеет важное значение для сохранения истории любой страны. Очевидным достоинством коммеморативной политики является то, что музеи исполняют роль остова национального самосознания, содействуют распространению и росту культурной, гражданской солидарности, а сами места памяти воспринимаются как фундамент исторического дискурса.

Заключение

Музеи, как места памяти, могут быть представлены в форме семиотических символов, они служат для укрепления исторической памяти, культурного ландшафта, общенациональных идей. Усиление исторической памяти – это уже начавшийся процесс создания памятных мест, содержащих большое количество семиотических знаков и демонстрирующих особенности прошедшей исторической эпохи.

В исследованных местах памяти заложен мощный историко-культурный код. Описанием этих музеев следует заниматься и в дальнейшем, так как роль таких мест памяти в процессе коммеморации лишь усиливает интерес исследователей. Подход, в рамках которого места памяти изучаются не просто как феномены истории, а как социокультурные объекты, делает акцент на национальном характере, а также на исторической и культурной практике, дает воз-

можность исследовать коммеморацию не только как процесс, но и как дискурс.

Для предупреждения исследовательских ошибок в работе была определена сюжетная архитектура, согласно которой концептуализировался коммеморативный дискурс. Важными составляющими данного дискурса являются понятия памяти, мест памяти как исключительного исторического, культурного и социального капитала, страдательной памяти и памяти как объекта паломничества и почитания.

Страдательная память понимается как экспозиция, представляющая судьбы выдающихся личностей (например, Л. Н. Гумилёва и С. Сейфуллина), как ценности и переживания. Она состоит из рассказов музейных сотрудников о том, что и как переживали данные личности. Теперь эта память представлена с помощью пространства музеев.

Библиографические ссылки

1. Нора П. Проблематика мест памяти. В: Нора П, Озуф М, де Пюимеж Ж, Винок М. *Франция-память*. Хапаева Д, переводчик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 1999. с. 17–50.
2. Бейсенов АЗ. К. А. Акишев и вопросы изучения памятников казахского времени. В: Байтанаев БА, редактор. *Маргулановские чтения – 2019. Материалы Международной археологической научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К. А. Акишева; 19–20 апреля 2019 г.; Нур-Султан, Казахстан*. Нур-Султан: Научно-исследовательский институт археологии имени К. А. Акишева; 2019. с. 10–38.
3. Бюрен Д. Функция музея. *Художественный журнал*. 2009;73–74:39–41.
4. Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках. Том 3, Критика практического разума*. Москва: Наука; 1997. 780 с.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2024.
Received by the editorial board 19.10.2024.

РОЛЬ БЛОКЧЕЙН-ИГР В ФОРМИРОВАНИИ КРИПТОКУЛЬТУРЫ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ

Т. М. СМОЛИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется роль блокчейн-игр в формировании и развитии криптокультуры в рамках современных экосистем. Рассматривается игровая модель *play-to-earn* как ключевой элемент, способствующий внедрению блокчейн-технологий в повседневную жизнь пользователей. Анализируются механизмы стейкинга и использования невзаимозаменяемых токенов в игровых экосистемах. Особое внимание уделяется влиянию блокчейн-игр на формирование новых экономических моделей и социальных взаимодействий в виртуальном пространстве. Затрагиваются вопросы адаптации глобальных трендов блокчейн-гейминга к русскоязычному сегменту цифровых экосистем. Обсуждаются потенциальные перспективы и вызовы, связанные с дальнейшим развитием блокчейн-игр и их ролью в эволюции криптокультуры.

Ключевые слова: блокчейн-игры; крипто; криптокультура; криптоигра; технологии; стейкинг; токен; NFT; цифровые экосистемы.

ROLE OF BLOCKCHAIN GAMES IN SHAPING THE CRYPTOCULTURE OF DIGITAL ECOSYSTEMS

T. M. SMOLIKOVA^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkarawskaya Street, Minsk 220007, Belarus

Abstract. The article explores the role of blockchain games in the formation and development of cryptoculture within modern ecosystems. The game model *play-to-earn* as a key element contributing to the implementation of blockchain technologies into the daily life of users is considered. The mechanisms of staking and the use of non-fungible tokens in gaming ecosystems are analysed. Special attention is paid to the impact of blockchain games on the formation of new economic models and social interactions in virtual space. The article touches upon the adaptation of global blockchain gaming trends in the Russian-speaking segment of digital ecosystems. Discusses potential prospects and challenges related to the further development of blockchain games and their role in the evolution of cryptoculture.

Keywords: blockchain games; crypto; cryptoculture; cryptogame; technologies; staking; token; NFT; digital ecosystems.

Введение

В эпоху стремительно развивающихся цифровых технологий блокчейн-игры воспринимаются как революционное явление, способное кардинально

трансформировать не только игровую индустрию, но и восприятие цифровой собственности и экономики. Эти инновационные проекты выходят далеко

Образец цитирования:

Смоликова ТМ. Роль блокчейн-игр в формировании криптокультуры цифровых экосистем. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:46–50.
EDN: QAWYRX

For citation:

Smolikova TM. Role of blockchain games in shaping the cryptoculture of digital ecosystems. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2:46–50. Russian.
EDN: QAWYRX

Автор:

Татьяна Михайловна Смоликова – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы факультета культурологии и социально-культурной деятельности.

Author:

Tatiana M. Smolikova, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of intercultural communication, faculty of cultural studies and socio-cultural work. smolikova@tut.by

за рамки обычного развлечения, становясь мощным инструментом для популяризации и массового внедрения криптовалют и блокчейн-технологий. Что же делает блокчейн-игры столь уникальными и привлекательными для игроков и инвесторов? Почему эксперты считают их потенциальным драйвером глобальных изменений в цифровой среде? В настоящей статье рассматриваются ключевые аспекты феномена блокчейн-игр, их влияние на формирование новой цифровой культуры и перспективы развития этой захватывающей области на стыке технологической сферы и индустрии развлечений. Целью данной работы является исследование роли блок-

чейн-технологий как нового социокультурного явления, формирующего глобальную игровую экосистему криптокультуры пользователей, в виртуальных играх.

Виртуальные миры и онлайн-игры становятся все более популярным и массовым явлением в культуре. Тематика, инструментарий, возможность монетизации игр, а также качество визуальных эффектов погружают и объединяют пользователей разных возрастов и профессий в цифровые экосистемы. Расширение комьюнити цифровых платформ способствует повышению цифровой грамотности пользователей, развитию новых форм социального взаимодействия, освоению экономических криптомоделей.

Обзор дефиниций, теоретические подходы к исследованию проблемы, классификация цифровых экосистем

Понятие «блокчейн» происходит от английских слов *block* и *chain* («блок» и «цепь») [1]. Блокчейн представляет собой непрерывную структуру блоков данных, которая создает цепочки транзакций, распределенных между участниками сети. Каждый блок содержит информацию о транзакции и уникальный код – хеш (*hash*), связанный с хешем формы блока, что обеспечивает целостность и безопасность всей цепочки, а также невозможность ее дублирования [2, с. 122]. Инновационной практикой применения блокчейн-технологий являются игры, разработанные с помощью технологий, которые объединяют в себе элементы виртуальных миров, цифровые активности и экосистемы.

В современном мире, насыщенном информационными технологиями, цифровые экосистемы становятся неотъемлемой частью жизни человека. Цифровая экосистема может представлять динамичную и взаимосвязанную сеть, в которой все элементы взаимодействуют друг с другом, обмениваясь информацией и создавая при этом ценность как для отдельных участников, так и для всей экосистемы в целом. Существуют различные классификации цифровых экосистем. В соответствии с классификацией цифровых экосистем по масштабу выделяются глобальные, национальные и локальные экосистемы. Гиганты технологического мира (корпорации *Google*, *Apple*, *Microsoft*) создают глобальные экосистемы, охватывающие весь земной шар. Их платформы, сервисы и устройства используются миллиардами людей, они объединяют континенты. Национальные экосистемы ограничены рамками одной страны, но не менее важны для ее функционирования. Примерами таких экосистем служат системы крупных банков, операторов мобильной связи, государственных порталов, обеспечивающие цифровизацию ключевых сфер жизни общества. Локальные экосистемы направлены на решение задач конкретного города или региона. Эти экосистемы обеспечивают функционирование умного города, местных маркетплейсов, сервисов для жителей конкретного района, а также объединяют локальные бизнесы и сообщества.

По отраслевой принадлежности цифровые экосистемы разделяются на финансовые, образовательные, транспортные и розничные экосистемы. Банки, страховые компании, инвестиционные фонды активно создают финансовые экосистемы, чтобы предложить клиентам единый доступ к финансовым продуктам и услугам. Медицинские экосистемы объединяют пациентов, врачей, клиники, лаборатории, страховые компании, фармацевтические компании в единое информационное пространство, упрощая их взаимодействие и повышая качество оказания медицинской помощи. Образовательные экосистемы (цифровые платформы для обучения, проведения онлайн-курсов, реализации деятельности виртуальных лабораторий, электронных библиотек) делают знания более доступными. Транспортные экосистемы (системы бронирования и оплаты проезда, навигационные сервисы, сервисы вызова такси, оказания каршеринг-услуг и проката самокатов) меняют наши привычки передвижения и увеличивают скорость перемещения людей. Розничные экосистемы (онлайн-магазины, маркетплейсы, сервисы доставки еды и товаров, системы лояльности) трансформируют покупательский опыт.

Согласно классификации цифровых экосистем по степени их открытости существуют открытые, закрытые и гибридные экосистемы. Открытые экосистемы характеризуются низким порогом входа и наличием возможности для сторонних разработчиков внедрять свои сервисы и приложения, что способствует развитию этих экосистем. Закрытые экосистемы контролируются одной компанией, которая устанавливает жесткие правила для пользователей. Такой подход позволяет обеспечить высокое качество и безопасность экосистемы, но может ограничивать ее развитие. Гибридные экосистемы сочетают элементы открытых и закрытых экосистем, они стремятся найти баланс между контролем и гибкостью.

По функциональному назначению цифровые экосистемы разделяются на платформы электронной коммерции, социальные сети, облачные сервисы

и интернет-вещи. Платформы электронной коммерции (например, *Amazon*, *Alibaba*, *Wildberries* и др.) объединяют продавцов и покупателей. Социальные сети (например, *Фейсбук*, *Инстаграм*, *ВКонтакте* и др.) ориентированы на общение, обмен информацией и контентом. Облачные сервисы предоставляют доступ к вычислительным мощностям, хранилищам данных и другим ресурсам, созданным с помощью информационных технологий. Интернет-вещи являются экосистемами, которые объединяют различные устройства и сенсоры. Они собирают данные об окружающей среде и используют их для автоматизации процессов и принятия решений в реальном времени.

Также сегодня активно развиваются децентрализованные экосистемы, которые на основе технологий распределенного реестра (например, блокчейн-технологий) функционируют бесконтрольно. Для них характерно отсутствие единого центра управления (коллективное принятие решений), прозрачность (доступность транзакций и изменений, внесенных в систему, всем участникам экосистемы), безопасность (использование для защиты данных и транзакций криптографических методов), устойчивость к цензуре (сложность блокировки или изменения информации извне), токенизация (применение собственной криптовалюты или токенов для стимулирования участников), открытость исходного кода (прозрачность и безопасность взаимодействия между участниками систем, устранение барьеров в работе программного обеспечения и др.).

Модель игры, являясь частью блокчейн-проекта, предлагает пользователям разножанровые темы, игровые механики, элементы децентрализованных финансов, смарт-контракты (цифровые алгоритмы, выполняющие контроль и исполнение договорных обязательств), а также дает участникам возможность не только получать награды, но и зарабатывать, оценивать и определять будущее проекта. Работа с блокчейн-технологиями требует знания теоретических основ осуществления транзакций, владения узкой терминологией, освоения цифровых инструментов и применения их в различных направлениях деятельности (разработка языков программирования для создания смарт-контрактов, использование сред разработки и тестирования программных продук-

тов, популяризация цифровых кошельков и др.). Цифровые инструменты обеспечивают полный цикл работы с блокчейн-технологиями – от написания кода и компиляции игровой механики, идей, систем вознаграждений до разработки различных приложений.

Термин «криптокультура» соединяет в себе понятия «крипта» (греч. *κρυπτή* – крытый подземный ход, тайник¹) и «культура» (лат. *cultura* – возделывание; достижения человека в подчинении природы, в технике, образовании, общественном строе²). Термин «крипта» как основа понятия «криптография» (греч. *grapho* – пишу) воспринимается как тайное письмо³.

Криптовалюты используются в рамках не только финансовых направлений и бизнес-направлений, но и образовательных, научных и культурных сфер деятельности. В связи с этим можно говорить о формировании нового явления, основанного на блокчейн-технологиях и объединяющего финансово-технологические, социально-правовые, коммуникативные и художественно-творческие, такие как цифровое искусство (живопись, архитектура, музыка, кино и др.), области деятельности, – криптокультуры.

Анализ научной литературы позволяет утверждать, что понятие «криптокультура» находится на стадии формирования (становления). Так, доцент колледжа бизнеса (Дублин) П. Дж. Эннисон считает, что культура криптовалюты едина и монолитна, а биткойн – это «теория общества», основанная на крахе бумажной денежной системы. По мнению П. Дж. Эннисона, перечень децентрализованных услуг будет расширяться. Эти услуги постепенно заменят централизованные аналоги в традиционном мире [3].

Сочетание разнородных понятий «крипта» и «культура» предполагает синтез виртуальной и реальной действительности, основанный на техническом, информационно-коммуникативном, художественно-творческом процессе, фиксацию и коммерциализацию культурных продуктов, их размещение в цифровых средах, на маркетплейсах и децентрализованных платформах, последующее отслеживание и распространение через блокчейн-цепочки (транзакции), подтверждение авторского права на них.

Ключевые инновации блокчейн-игр: децентрализация, невзаимозаменяемые токены и игровая модель *play-to-earn*

Блокчейн-технологии позволяют создавать децентрализованные игровые платформы, на которых власть распределена между всеми участниками, а не сосредоточена в руках одной компании. Невзаимозаменяемые токены (далее – NFT), разработанные на основе блокчейн-технологий, предоставляют игрокам право собственности на внутриигровые предметы, такие как персонажи, оружие, виртуальная

мозаменяемые токены (далее – NFT), разработанные на основе блокчейн-технологий, предоставляют игрокам право собственности на внутриигровые предметы, такие как персонажи, оружие, виртуальная

¹Крипта // Картаслов.ру : сайт. URL: <https://kartaslov.ru/%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%B0> (дата обращения: 23.06.2024).

²Культура // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/11/us1f4603.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 23.06.2024).

³Там же.

недвижимость и др. Эти активы могут быть проданы, обменены или использованы в других играх и метавселенных.

Особый интерес вызывает новая игровая модель *play-to-earn* (от англ. «играй, чтобы зарабатывать»), которая позволяет игрокам получать вознаграждение в криптовалюте за проведенное в игре время и приложенные в ней усилия. Простота начала игрового процесса и отсутствие финансовых барьеров на старте позволяют блокчейн-играм собирать вокруг себя многочисленные разнообразные сообщества игроков.

Игроки вовлекаются в различные виды активности. Они практикуют стейкинг, обеспечивая стабильность криптосети и получая доход, как альтернативу майнингу, накапливают токены, выполняя несложные задания (приобретение и реализация игровых активов на внешних площадках, участие в процессе управления игрой, голосование за изменения ее механики). Эти действия формируют многогранную экосистему взаимодействий внутри игрового пространства.

В мире блокчейн-игр существует множество интересных проектов. Например, игра *CryptoKitties*⁴ позволяет игрокам коллекционировать, выращивать и разводить виртуальных котят, каждый из которых обладает уникальными характеристиками и определенной рыночной стоимостью в криптовалюте *ethereum*. Спортивно-ориентированная игра *BodyPump* (от англ. «накачка тела») предлагает не только заработок токенов за развитие виртуального атлета, но и многоуровневую систему вознаграждений, включающую персональные тренировки, экипировку и аксессуары. Кроме того, игровая экосистема постоянно расширяется. Еще один амбициозный проект, стремящийся сделать криптовалюту доступной для всех, называется *Blum*. В этой игре зарабатывать токены можно через использование простого *Telegram*-бота. В отличие от традиционного майнинга, требующего наличия мощного оборудования и специальных знаний, игра *Blum* делает процесс

получения токенов доступным каждому пользователю, независимо от его опыта и уровня технической подготовки. Одной из главных «изюминок» проекта является его игровая составляющая. Проект «*Blum*» с помощью элементов геймификации «превращает рутину заработка в увлекательный процесс»⁵.

Похожие концепции используются в блокчейн-игре *W-Coin*. Идеей игры является создание виртуальной экономики с собственной криптовалютой. Игра-кликер *Hamster Kombat* интегрирована в мессенджер *Telegram*. Участники, активно взаимодействуя в игре с персонажем (хомяком), накапливают баллы. Игровой процесс предполагает превращение персонажа из обычного грызуна в руководителя высшего звена криптовалютной индустрии. По мере прогресса игроки могут переходить на следующий уровень, приобретать различные инструменты для совершенствования своего персонажа (его внешнего вида, статуса, игровых способностей и др.), решать поставленные задачи и расширять свою игровую сеть, приглашая знакомых. Конечной целью является достижение лидирующих позиций в игровом рейтинге.

Криптоигра *Ton Station* тесно связана с блокчейном *The Open Network*, разработанным создателями мессенджера *Telegram*. Этот инновационный блокчейн отличается своей адаптивной структурой и способностью к масштабированию, что открывает широкие перспективы как для разработчиков, так и для пользователей платформы.

Таким образом, блокчейн-игры *CryptoKitties*, *BodyPump*, *Blum*, *W-Coin*, *Hamster Kombat* и *Ton Station* демонстрируют разнообразие и инновационность сферы криптоигр, предлагая пользователям уникальные возможности для заработка и развлечения в цифровом пространстве. В последние два года наблюдается значительный рост популярности блокчейн-игр во всем мире, что свидетельствует о растущем интересе пользователей к децентрализованным игровым экосистемам и новым формам цифровой экономики.

Горизонты блокчейн-игр: ожидания и возможности

Американский эксперт В. Чиновет считает, что 2023 год стал «годом осознания криптоигр» (перевод наш. – Т. С.) [3] и что в последующие годы блокчейн-игры продолжают активно распространяться в пространстве криптокультуры. Между тем в 2022 г. мировой объем рынка блокчейн-игр оценивался в 128,62 млрд долл. США, и, по прогнозам, он вы-

растет до 614 млрд долл. США к 2030 г. Среднегодовой темп роста объема рынка блокчейн-игр составит 21,8 % в течение прогнозируемого периода. Основными факторами роста, по предположениям аналитиков, станут увеличение инвестиций в сферу блокчейн-игр, внедрение в нее NFT и инновационных бизнес-моделей⁶.

⁴CryptoKitties – что это такое и как в них играть? // NewCrypto : сайт. URL: <https://newcrypto.ru/cryptokitties-kak-igrat/> (дата обращения: 09.07.2024).

⁵Давыдов-Грамадин Д. Что такое Blum – подробная инструкция по новому приложению в Telegram // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/666c20e99a794786b57a3ed4> (дата обращения: 10.08.2024).

⁶Blockchain gaming market size, share & industry analysis, by game type (role playing games (RPG), multiplayer games, and collectible games), by technology (web-based, Android, and iOS), and regional forecast, 2023–2030 // Fortune Business Insights : website. URL: <https://www.fortunebusinessinsights.com/blockchain-gaming-market-108683> (date of access: 09.08.2024).

Развитие игровых экосистем вызовет спрос на специалистов данного направления. В связи с этим могут появиться новые профессии, отвечающие потребностям данной инновационной отрасли:

- разработчики смарт-контрактов, которые будут являться ключевыми фигурами в проектировании функциональных и безопасных децентрализованных приложений и игр;
- дизайнеры игровых NFT, которые будут создавать уникальные цифровые активы для экономики многих блокчейн-игр;
- специалисты по токеномике, которые будут решать задачу по разработке модели распределения и использования игровых токенов в продвижении проектов, отвечающих игровой модели *play-to-earn*;
- менеджеры игровых блокчейн-сообществ, которые будут создавать и поддерживать активность игровых проектов в децентрализованной среде;

• аналитики данных блокчейн-игр, которые будут работать с массивами информации и помогать разработчикам и инвесторам принимать обоснованные решения;

- специалисты по безопасности криптоигровых платформ, которые будут защищать пользователей и их активы от киберугроз;
- маркетологи и PR-специалисты сферы игр, отвечающих модели *play-to-earn*, которые будут разрабатывать стратегии продвижения, учитывающие уникальные особенности блокчейн-игр;
- журналисты и обозреватели, которые будут освещать новости и тренды данной динамично развивающейся индустрии.

Новые профессии отразят растущую сложность экосистемы блокчейн-игр и криптокультуры в целом. Они будут требовать от специалистов технических знаний, понимания экономики и креативности.

Заключение

Блокчейн-игры играют значительную роль в формировании и развитии криптокультуры цифровых экосистем. Они служат своеобразным мостом между традиционными играми и инновационными блокчейн-технологиями, делая концепции криптовалют и децентрализованных систем более доступными для широкой аудитории. Блокчейн-игры – это не просто развлечение, а захватывающий эксперимент на стыке технологической, финансовой сфер и игровой индустрии. Успешное преодоление барьеров (масштабируемость игр, большие комиссии, технические сбои при большом количестве транзакций и др.) может привести к настоящей революции в мире игр, открыть новые возможности для игроков, разработчиков и всей криптоэкосистемы. Имен-

но игры, благодаря своей массовости и доступности, могут популяризировать криптовалюту, изменив привычный нам цифровой ландшафт.

Игры не только знакомят пользователей с основами криптоэкономики, но и создают новые модели взаимодействия и монетизации в цифровом пространстве. Развитие блокчейн-игр влечет появление новых навыков и профессий, инноваций в сфере цифровых активов и смарт-контрактов, а также ускоряет процесс внедрения блокчейн-технологий в повседневную жизнь. Таким образом, блокчейн-игры становятся катализатором эволюции цифровых экосистем, способствуя распространению криптокультуры и трансформации традиционных представлений о ценности и собственности в цифровой мире.

Библиографические ссылки

1. Levis D, Fontana F, Ughetto E. A glimpse into the future of blockchain technology. *PLoS One*. 2021;16(11):e0258995. DOI: 10.1371/journal.pone.0258995.
2. Смоликова ТМ. Блокчейн-технологии в продвижении культурных продуктов: понятие, свойства, применение. *Вести Института современных знаний*. 2023;3:122–126.
3. Chinoweth V. Exploring the future of crypto-gaming in 2024. *Forbes* [Internet]. 2024 [cited 2024 August 9]. Available from: <https://www.forbes.com/sites/digital-assets/2024/01/22/exploring-the-future-of-crypto-gaming-in-2024/>.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025.
Received by the editorial board 10.07.2025.

МИГРАЦИОННАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР АДАПТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Т. А. ПАРАБ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются миграционная и этнокультурная политика Республики Беларусь в контексте адаптации национальных общностей к межкультурному взаимодействию в поликультурном обществе страны. Анализируются нормативно-правовая база и механизмы регулирования сферы межнациональных отношений, определяются сильные и слабые стороны организации межэтнических отношений, а также ее перспективные направления развития. Отмечается, что важными являются расширение правового поля этнокультурной политики, развитие системы мониторинга и оценки интеграционных механизмов в отношении иммигрантов.

Ключевые слова: аккультурация; миграция; национальное меньшинство; социокультурная адаптация; этнокультурная политика; национальная общность.

MIGRATION AND ETHNOCULTURAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A FACTOR OF NATIONAL COMMUNITIES ADAPTATION

Т. А. PARAB^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the migration and ethnocultural policies of the Republic of Belarus in the context of the adaptation of national communities to intercultural interaction in the country's multicultural society. It analyses the legal framework and mechanisms regulating interethnic relations, identifying the strengths and weaknesses of the organisation of interethnic relations, as well as promising areas for their development. It notes the importance of expanding the legal framework for ethnocultural policy and developing a system for monitoring and evaluating integration mechanisms for immigrants.

Keywords: acculturation; migration; national minority; sociocultural adaptation; ethnocultural policy; national community.

Введение

Республика Беларусь, как поликультурная и многоконфессиональная страна, имеет продолжительную историю и разнообразный опыт регулирования процесса миграции и межэтнических взаимоотно-

шений в пределах ограниченной территории государственного образования. В настоящее время рост глобальных миграционных процессов является одной из главных тенденций мирового развития.

Образец цитирования:

Параб ТА. Миграционная и этнокультурная политика Республики Беларусь как фактор адаптации национальных общностей. *Человек в социокультурном измерении*. 2025;1–2:51–60. EDN: KAJMFY

For citation:

Parab TA. Migration and ethnocultural policy of the Republic of Belarus as a factor of national communities adaptation. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2025;1–2: 51–60. Russian. EDN: KAJMFY

Автор:

Татьяна Анатольевна Параб – аспирантка кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат культурологии, доцент Э. А. Усовская.

Author:

Tatiana A. Parab, postgraduate student at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications. tatsiana.parab@gmail.com

Наша страна, выступая в качестве активного члена международного сообщества, находится в постоянном поиске адекватных и превентивных подходов к организации и обеспечению регулирования миграции, межнациональных и межконфессиональных отношений, основанных на многовековом фундаменте межкультурного взаимодействия и актуальных тенденциях управления культурным многообразием.

Сегодня системообразующим документом, определяющим стратегии развития миграционных процессов на территории Республики Беларусь, является Концепция миграционной политики на 2024–2028 годы. В данной концепции с учетом роста коэффициента депопуляции и естественной убыли населения, уменьшения количества въезжающих в республику иностранных граждан в связи с постпандемической ситуацией, а также оттока трудоспособного населения за пределы страны и существования тенденции к снижению интеллектуального потенциала в условиях конкуренции высокоразвитых и развивающихся государств за квалифицированные компетентные рабочие кадры в качестве одного из приоритетов национальной модели устойчивого развития определено обеспечение положительного сальдо внешней миграции¹. Государственные границы Республики Беларусь открыты для иностранной рабочей силы, студенческой молодежи, переселенцев, ищущих убежище для себя и своих семей в связи с угрозой жизни и безопасности. Особый геополитический статус страны способствует увеличению количества нелегальных мигрантов.

Принадлежность мигрантов к устойчивым национальным общностям, исторически сформировавшимся в Республике Беларусь, является фактором, содействующим эффективной межкультурной коммуникации. Вместе с тем республика является государством, открытым для разнородных в этнонациональном плане миграционных потоков, что расширяет спектр актуальных политических, юридических, социально-экономических вызовов, требующих эффективного реагирования, и обостряет проблемы, связанные с интеграцией иноэтничного населения в поликультурное общество Республики Беларусь. Целью данного исследования являются анализ и определение перспективных направлений развития миграционной и социокультурной политики Республики Беларусь в контексте адаптации этнокультурных групп к межкультурному взаимодействию на территории страны. Основу источниковедческой базы исследования составили нормативно-правовые акты, определяющие миграционную и этнокультурную политику республики, а также документы, регулирующие организацию межнациональных и межконфессиональных отношений в пределах государства.

Принимая во внимание динамичность миграционных процессов на территории Республики Беларусь, важно рассмотреть механизмы правового регулирования пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в пределах страны, а также определить корреляцию гражданского и этнонационального статуса лиц, входящих в структуру населения государства. Основным нормативно-правовым актом, устанавливающим порядок въезда, выезда и пребывания на территории страны лиц, не являющихся гражданами государства, выступает Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. № 105-З. Законом определены три легальные группы иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющие основания для нахождения в границах страны: 1) временно пребывающие мигранты; 2) временно проживающие мигранты; 3) постоянно проживающие мигранты. Временно пребывающие в Республике Беларусь граждане иных государств и лица без гражданства имеют право оставаться на территории страны в течение

Результаты и их обсуждение

В настоящее время стратегические подходы правительства Республики Беларусь к управлению внешней миграцией, а также конкретные мероприятия, способствующие решению актуальных задач, находят свое отражение в Государственной программе «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 годы. Согласно этому документу Министерство внутренних дел Республики Беларусь совместно с другими исполнителями программы в текущий период обязуется обеспечить положительное сальдо внешней миграции. Миграционного прироста населения предлагается добиться через сокращение эмиграционного оттока научно-технического, интеллектуального и творческого потенциала страны наряду с популяризацией Республики Беларусь за ее пределами в качестве желаемого места для получения высшего образования, трудоустройства и жизни. Также программой предусмотрена частичная компенсация расходов иностранцев, получивших разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь в качестве работников и специалистов, на переезд и первоначальное обустройство².

Принимая во внимание динамичность миграционных процессов на территории Республики Беларусь, важно рассмотреть механизмы правового регулирования пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в пределах страны, а также определить корреляцию гражданского и этнонационального статуса лиц, входящих в структуру населения государства. Основным нормативно-правовым актом, устанавливающим порядок въезда, выезда и пребывания на территории страны лиц, не являющихся гражданами государства, выступает Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. № 105-З. Законом определены три легальные группы иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющие основания для нахождения в границах страны: 1) временно пребывающие мигранты; 2) временно проживающие мигранты; 3) постоянно проживающие мигранты. Временно пребывающие в Республике Беларусь граждане иных государств и лица без гражданства имеют право оставаться на территории страны в течение

¹Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 янв. 2024 г., № 48 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22400048> (дата обращения: 14.03.2025).

²Об утверждении Государственной программы «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 14 дек. 2021 г., № 719 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100719> (дата обращения: 15.11.2024).

срока не более девяноста суток в календарном году. В этом случае пребывание в пределах Республики Беларусь разрешается на основании визы или в определенном законом порядке, не требующем ее получения. Граждане других государств и лица без гражданства, временно проживающие в Республике Беларусь, обязаны иметь подтверждающее их статус разрешение, которое должно быть действительно сроком до одного года и при необходимости может быть повторно оформлено. Иностранцы, получившие в установленном законом порядке разрешение на постоянное проживание или вид на жительство в Республике Беларусь, относятся к группе граждан других государств и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории страны³. Иностранные граждане и лица без гражданства имеют возможность пребывать и проживать на территории Республики Беларусь в установленном законом порядке в любом из легальных статусов при отсутствии ограничений, налагаемых нормативно-правовыми актами республиканского и международного уровней.

Ядром населения Республики Беларусь являются граждане государства, обладающие всеми правами, свободами и обязанностями, предусмотренными Основным Законом – Конституцией Республики Беларусь. Иностранные граждане и лица без гражданства по мере смены в установленном законом порядке юридических оснований для нахождения в границах страны расширяют спектр своих социальных, экономических, культурных и иных прав и свобод. Важно отметить, что в соответствии с Законом «О гражданстве Республики Беларусь» от 1 августа 2002 г. № 136-З гражданство Республики Беларусь может быть получено каждым в установленном порядке вне зависимости от этнонационального фактора⁴. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Республика Беларусь разграничивает гражданско-правовой статус и этнонациональную принадлежность лиц, входящих в состав населения страны, на нормативно-правовом уровне.

Основным информационным ресурсом, формирующим официальные данные, касающиеся численности и структуры населения страны, является перепись. Регулярный сбор данных, осуществляемый каждые десять лет, позволяет не только увидеть итоговую статистически достоверную демографическую картину на момент исследования, но и отследить магистральные тенденции изменений в структуре населения страны, в том числе тенденции изменений его этнонационального и языкового состава. В контексте вопроса соотношения гражданско-

правового и этнонационального статусов лиц, входящих в состав населения Республики Беларусь, важно обратиться к основным организационным и методологическим положениям проведения переписи. Закон Республики Беларусь «О переписи населения» от 13 июня 2006 г. № 144-З определяет: «Респондентами являются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно или временно проживающие либо временно пребывающие в Республике Беларусь, а также граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, но на дату проведения переписи населения временно пребывающие на территории иностранных государств»⁵. Очевидно, что этнонациональная структура белорусского населения, подвергаясь регулярной оценке в рамках переписей, на момент проведения исследования включает как граждан государства, так и кратковременных и долговременных мигрантов, находящихся в пределах страны сроком до одного года и более соответственно.

Вопросы культурного многообразия, его исторических предпосылок, управления им в настоящем и перспектив его развития в будущем нередко оказываются в центре научной и общественной дискуссии. В то же время сложно выделить некий единый четко озвученный подход к регулированию межнациональной коммуникации в пределах государства. Эксперт Европейского центра по вопросам меньшинств А. Г. Осипов, сопоставляя этнокультурную политику Республики Беларусь с политикой других стран, отмечает: «В стране остается не самым влиятельным и не особенно артикулированным этнонационалистический подход к пониманию нации, доминирующий в большинстве соседних стран, при этом в Беларуси почти отсутствует риторика “многонациональности” по российскому образцу» [1, с. 173].

Говоря о возможных моделях построения культурной коммуникации между национальными общностями на территории Республики Беларусь, важно очертить основные положения этнокультурной политики, указанные в действующем законодательстве. Кодекс Республики Беларусь о культуре от 20 июля 2016 г. № 413-З утверждает приоритет развития белорусской национальной культуры и признает белорусский язык в качестве одного из факторов формирования национального менталитета. Наряду с этим в кодексе провозглашается важность свободного развития культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь,

³О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

⁴О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г., № 136-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

⁵О переписи населения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2006 г., № 144-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

уважения к их традициям и языкам как со стороны граждан государства, так и со стороны иностранных граждан и лиц без гражданства⁶.

Программой развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2016–2020 годы была провозглашена определяющая роль православной церкви в историческом становлении Республики Беларусь. Католическая церковь, наряду с Евангелическо-лютеранской, иудаизмом и исламом⁷, являющимися традиционными вероисповеданиями коренных национальных общностей, которые имеют длительную историю проживания на территории республики, признается значимой для духовного и культурного развития белорусского народа. В то же время в соответствии с Конституцией Республики Беларусь каждый вправе самостоятельно определять свои религиозные взгляды, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой⁸.

В целом этнокультурная политика Республики Беларусь может быть охарактеризована в рамках двух основных направлений. Первое направление предполагает наличие четкого видения государством оснований и перспектив развития гетерогенной белорусской культуры, фундаментом для которой выступают традиции и наследие титульной нации. Официально закрепленное Конституцией Республики Беларусь двуязычие также не лишает белорусский язык статуса основополагающего фактора формирования национального менталитета. Республика Беларусь является светским государством, однако в ней признается определяющая роль православной церкви в духовном становлении нации без уменьшения значимости иных вероисповеданий коренных национальных общностей.

Сохранение и развитие традиционных для Республики Беларусь культур, религий и языков осуществляется параллельно с гибким управлением межэтнической коммуникацией с представителями сообществ, имеющих непродолжительную историю проживания на территории страны и характеризующихся значительной культурной дистанцией в отношении титульной нации. В республике на нормативно-правовом уровне декларируется открытость инокультурному влиянию и соблюдается право граждан государства, иностранных граждан и лиц без

гражданства самостоятельно определять и указывать свою этнонациональную, религиозную и языковую принадлежность.

Гетерогенность белорусского общества в этнокультурном, религиозном и языковом планах отражена в результатах республиканских социологических исследований и закреплена на нормативно-правовом уровне. Межэтнические отношения в государстве регулирует Закон «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь» от 11 ноября 1992 г. № 1926-XII (далее – Закон). В соответствии с данным нормативно-правовым актом «под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, понимаются лица, постоянно проживающие на территории Республики Беларусь и имеющие гражданство Республики Беларусь, которые по своему происхождению, языку, культуре или традициям отличаются от основного населения республики»⁹. Очевиден ограничительный характер толкования Законом термина «национальное меньшинство». Безусловно, определение гражданства и постоянное проживание в границах государства в качестве основополагающих критериев принадлежности к национальному меньшинству в рамках поликультурного белорусского общества оказывается гораздо шире некоторых других подходов к управлению межэтнической коммуникацией. Признание узкого круга этнонациональных групп, входящих в структуру населения, или создание широкого перечня квалифицирующих признаков, таких как, например, наличие территории постоянного концентрированного расселения или срок давности проживания в пределах страны, гораздо больше ограничивают поле управляемой государством межкультурной коммуникации, нежели избранный Республикой Беларусь подход. В то же время игнорирование нарастающей динамичности миграционных процессов и увеличения числа этнонациональных диаспор, состоящих по гражданско-правовому статусу преимущественно из долговременных мигрантов, способно привести к эскалации межкультурных конфликтов в выходящем за пределы регулируемых действующим законодательством межэтнических взаимоотношений поле.

Опыт Республики Беларусь в законодательном осмыслении различных аспектов управления культурным многообразием как на национальном, так и на региональном уровнях, вне сомнения, является

⁶Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры № 413-З ад 20 ліпеня 2016 г. [Электронны рэсурс] : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413> (дата звартання: 26.02.2025).

⁷Программа развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwjGtdCcucqMxUXAhAIHaKSCyYQFnoECBQQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.mior.vitebsk-region.gov.by%2Fuploads%2Fdocuments%2Fprogramma.doc&usg=AOvVaw1WGEDO_JfeAcFU1zt-6zYv&opi=89978449 (дата обращения: 15.11.2024).

⁸Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2025.

⁹О национальных меньшинствах в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь 11 нояб. 1992 г. № 1926-XII 719 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19201926> (дата обращения: 21.01.2025).

прочным и необходимым фундаментом для развития нормативно-правовой базы этнокультурной политики. В то же время все более очевидной становится необходимость пересмотра действующего законодательства в отношении этнонациональных диаспор с учетом смены социокультурных парадигм, опыта других государств в регулировании миграционных и аккультурационных процессов, современных социально-философских подходов к пониманию основ и механизмов межкультурного взаимодействия. Представление Законом поликультурности белорусского общества в узких границах гражданско-правового подхода в некоторой степени противоречит официальной методологии, применяемой для мониторинга трансформации этнонациональной структуры страны, которая включает как граждан государства, так и кратковременных и долговременных мигрантов, являющихся активно включенными в текущие процессы межкультурного взаимодействия на территории республики. Действующий на данный момент в белорусском нормативно-правовом поле ограничительный подход оставляет слепые зоны в управлении этнонациональным многообразием и сужает возможности социокультурной адаптации существующих и формирующихся диаспор к проживанию на территории Республики Беларусь.

Отдельным аспектом использования термина «национальное меньшинство» в нормативно-правовых документах, политических, научных, общественных публикациях и дискуссиях является его в некоторой степени устаревший характер. Понимание межкультурной коммуникации в гетерогенном социуме в рамках дихотомии титульной нации и меньшинств постепенно обретает статус «пережитка», отсылающего к эволюционистскому содержанию колониального прошлого и несущего в себе скрытый или явный стигматизирующий и дискриминирующий смысл. Мультикультуралистский подход, рассматривающий механизмы взаимодействия меньшинств и доминирующей культуры более вариативно, нежели эволюционизм, на деле также привел к появлению ряда противоречивых социальных и культурных последствий.

Законодательство Республики Беларусь, конечно, можно было бы упрекнуть в отсутствии единой терминологии в отношении диаспор на нормативно-правовом уровне. Однако альтернативный Закону юридический опыт позволяет говорить о постепенном формировании и укреплении иной правовой парадигмы. В Конституции Республики Беларусь утверждается равенство сообществ перед законом, уважение их прав и интересов и используется термин «национальная общность», который расширяет круг лиц, входящих в правовое поле части белорусского законодательства, регулирующей этнокультурную политику. Данная терминология лежит и в основе Кодекса Республики Беларусь о культуре

от 20 июля 2016 г. № 413-З, в соответствии с которым свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих на территории страны, является одним из основополагающих принципов общественных отношений в сфере культуры.

Белорусское законодательство не содержит официального общепринятого юридического толкования термина «национальная общность», используемого в ряде важнейших нормативно-правовых актов. В то же время законодательство свободно от гражданско-правовых ограничений, наложенных на управление культурным многообразием Республики Беларусь с помощью понятий доминирующей культуры и меньшинств. За время, прошедшее с момента принятия Закона, в поле межкультурной коммуникации появились новые установки, коренным образом изменившие подходы к осмыслению и регулированию социокультурных процессов. Правительство Республики Беларусь сделало определенные шаги к переменам на уровне законодательства. Прозрачное и определенное управление социальными процессами основывается на гражданско-правовом подходе. Кроме того, присутствует четкое понимание категориальной несопоставимости понятий гражданской и этнонациональной принадлежности. Пожалуй, решающим шагом для реализации белорусской этнокультурной политики на пути к современным подходам к построению межкультурного диалога может стать полное освобождение этнонациональной самоидентификации от общественных и гражданских детерминаций при сохранении существующей стратегии развития гетерогенной белорусской культуры. Юридическая интерпретация и использование термина «национальная общность» в нормативно-правовой документации при осуществлении этнокультурной политики на уровне государства, в научной и общественной сферах отвечают принципам свободы самоопределения и указания своей этнонациональной принадлежности, развития культуры, языка, традиций, реализации прав и свобод в соответствии с законодательством Республики Беларусь. В то же время ключевым отличием нового подхода является инкорпорированность в правовое поле этнокультурной политики как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, включенных в текущие социокультурные процессы на территории государства, без преуменьшения их значимости.

Согласно нормативно-правовой базе, которая регулирует вопросы, связанные с сферой межнациональных отношений, задачи, касающиеся координации деятельности органов государственного управления и осуществления республиканской политики в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, возложены на аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей. Данная структура является республиканским органом

государственного управления и подчиняется Совету Министров Республики Беларусь. По его предложению уполномоченного назначает на должность и освобождает от нее президент¹⁰. Аппарат уполномоченного включает в себя отдел по делам религий и сектор по делам национальностей. В качестве структурных подразделений аппарата на уровне областных исполнительных комитетов и Минского городского исполнительного комитета выступают управления идеологической работы и по делам молодежи, на местном уровне координирующие реализацию государственных задач по регулированию сферы межнациональных отношений.

Деятельность аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей определяется соответствующим положением, принятым Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 июля 2024 г. № 465. В среднесрочных периодах спектр задач уполномоченного устанавливается государственными программами, регулирующими развитие сферы межнациональных отношений. На период с 2021 по 2025 г. тема поддержки развития культур национальных меньшинств включена в подпрограмму «Культурное наследие» Государственной программы «Культура Беларуси».

В первую очередь одной из важнейших обязанностей, возложенных на аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей, является его сотрудничество от имени государства с религиозными организациями, действующими на территории Республики Беларусь (их государственная регистрация, учет культовых зданий и строений, проведение государственной религиозно-экспертной в отношении материалов, используемых для проведения миссионерской и другой внекультовой деятельности). Отдел по делам религий данного аппарата контролирует религиозную деятельность и проверяет ее на соответствие Конституции и законам Республики Беларусь.

В качестве еще одного блока обязанностей аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей выступают коммуникация и кооперация с общественными объединениями национально-культурных общностей, проживающих на территории Республики Беларусь, в целях сохранения межкультурного и межнационального мира и согласия. Деятельность сектора по делам национальностей включает оказание помощи национально-культурным объединениям в подготовке и проведении просветительских мероприятий, изготовление и безвозмездную передачу сценических костюмов, музыкальных инструментов творческим коллективам и солистам. Данный сектор также ока-

зывает содействие в создании периодических изданий национальных общественных объединений, информационно-аналитических материалов по вопросам этнических меньшинств.

В целом Уполномоченный по делам религий и национальностей является в Республике Беларусь лицом, ответственным перед государством за перманентный мониторинг этноконфессиональной ситуации в целях предотвращения роста нетерпимости в обществе на почве различий по признаку расы, национальности, религии, языка. В связи с этим в список его задач входят такие превентивные меры, как своевременное совершенствование нормативно-правовой базы этнокультурной политики страны, всеобъемлющая координация стейкхолдеров, участие в подготовке и проведении национальных и религиозных праздников, дней культуры, литературы и искусства, культурно-массовых, благотворительных и спортивных мероприятий, конференций, семинаров, совещаний, выставок, фестивалей, способствующих актуализации в социуме темы межкультурного взаимодействия и формирующих толерантное отношение населения к различиям. Безусловно, одним из важнейших компонентов работы с общественным сознанием является освещение в СМИ сути конфессиональной и этнокультурной политики Республики Беларусь, крупнейших религиозных и национальных событий и праздников¹¹.

При аппарате Уполномоченного по делам религий и национальностей существуют также два важнейших общественных формирования – Консультативный межкультурный совет и Консультативный межнациональный совет. Они являются представительными органами, гарантирующими непосредственное участие членов зарегистрированных на территории Республики Беларусь религиозных и национально-культурных объединений в обсуждении и принятии решений относительно реализации и совершенствования государственной конфессиональной и этнокультурной политики. Оба совета наделены правом вносить предложения по улучшению механизмов взаимодействия органов государственного управления с религиозными и национально-культурными организациями. Кроме того, советы являются открытой площадкой для обсуждения проблем и перспектив сотрудничества представителей различных религий и культур.

Пожалуй, важнейшей задачей, стоящей перед консультативными советами, выступает создание надлежащих условий для реализации прав населения Республики Беларусь на свободу совести и вероисповедания, сохранение и популяризацию национальных ценностей через образовательно-просветительскую,

¹⁰ Положение об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате // Уполномоченный по делам религий и национальностей : сайт. URL: <https://belarus21.by/Articles/1417433557> (дата обращения: 16.11.2024).

¹¹ О Государственной программе «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 53 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. Минск, 2025. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100053> (дата обращения: 15.11.2024).

культурно-творческую и информационную деятельность. Советы инициируют и всячески поддерживают проведение межконфессиональных и межнациональных мероприятий социально значимого характера¹².

На данный момент состав Консультативного межконфессионального совета включает 15 представителей зарегистрированных на территории Республики Беларусь религиозных организаций. В целом в республике насчитывается более 3500 религиозных организаций, относящихся к 25 различным религиозным конфессиям и направлениям. Следует отметить, что сейчас совет состоит из представителей христианских, мусульманских и иудейских религиозных объединений, однако при наличии официальной государственной регистрации конфессиональной организации и гражданства Республики Беларусь или вида на жительство в ней у потенциального члена совета он является открытым для представителей иных религий. Консультативный межэтнический совет, в свою очередь, состоит из 19 членов, адвокатирующих интересы национально-культурных объединений. На 1 января 2025 г. на территории Республики Беларусь насчитывается 130 национально-культурных объединений. В 1994 г. в целях координации деятельности национально-культурных объединений по указанию Совета Министров Республики Беларусь был создан Республиканский центр национальных культур. Его работа направлена на оказание информационно-консультативной и организационно-методической помощи коллективам художественного творчества, кружкам и другим клубным формированиям, проведение культурно-зрелищных мероприятий с их участием. Академия образования и Республиканский институт высшей школы проводят научно-исследовательскую и методическую работу по новым актуальным и перспективным темам поликультурного воспитания и образования учащихся на разных ступенях.

Безусловно, существование на территории Республики Беларусь отдельного органа государственного управления сферой межнациональных отношений в лице аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей свидетельствует о внимании правительства к теме межэтнической коммуникации в пределах страны. В то же время задачи, связанные с регулированием межнациональных отношений, оказываются возложены на сектор по делам национальностей данного аппарата, представленный одним сотрудником. Решение вопросов, относящихся к сфере межнациональных отношений, на местном уровне, в свою очередь, рискует затеряться среди множества иных задач идеологической или молодежной направленности, поскольку отдельных структурных подразделений, целенаправленно занимающихся вопросами межэтнического регули-

рования в определенной области, районе или населенном пункте, на территории Республики Беларусь не существует.

Отдельного внимания в контексте государственной поддержки развития культур и языков национальных общностей заслуживает вопрос мониторинга и оценки динамики этнокультурной ситуации в Республике Беларусь. Основным и единственным целевым показателем реализации задачи программы «Культура Беларуси» на 2021–25 гг., направленной на сохранение и развитие национально-культурных диаспор, является количество культурных мероприятий, проводимых с участием творческих коллективов национально-культурных объединений. Совершенно очевидно, что такой показатель способен осветить лишь единственный, довольно поверхностный процессуальный аспект этнокультурного взаимодействия национальных общностей на территории страны. Мониторинг и оценка количества культурных мероприятий, пусть и увеличивающих видимость гетерогенности белорусского общества, на деле не дают никакой информации ни об изменениях поведенческих паттернов национальных сообществ в отношении друг друга, ни об изменениях этнокультурной ситуации в целом. Таким образом, в данной системе оценки становится сложно как судить об эффективности государственной поддержки национально-культурных общностей, так и осуществлять перспективное планирование дальнейших необходимых интервенций.

В этой ситуации, очевидно, основополагающая доля ответственности за инициирование и претворение в жизнь действительно необходимых для достижения межнационального согласия в Республике Беларусь мероприятий лежит на представителях национально-культурных сообществ, представляющих интересы более широкого круга соотечественников в общественных объединениях, консультативных органах, СМИ, культурных, образовательных учреждениях и т. д. Ведь, как верно отмечает А. Г. Осипов, «важен и в настоящее время недостаточно осмыслен вопрос о том, какое реальное влияние и на какие аудитории оказывают культурно-просветительские и фольклорные проекты, а также все мероприятия в духе “межэтнического диалога” при том, что они не имеют прямого отношения к повседневной жизни людей» [1, с. 197]. Несмотря на общую полемику, основанную на принципах мирного межнационального сожительства, демонстрацию этнического и конфессионального многообразия на территории Республики Беларусь, празднование и чествование успешной культурной политики, масса злободневных вопросов (ксенофобия, стигматизация, употребление «языка вражды» в отношении представителей иных национальностей, этнопрофессионализм,

¹²Положение о Консультативном межконфессиональном совете : утв. приказом Уполномоч. по делам религий и национальностей, 30 дек. 2008 г., № 53 // Уполномоченный по делам религий и национальностей : сайт. URL: https://www.belarus21.by/Articles/kon_kos_pol (дата обращения: 16.11.2024) ; Положение о Консультативном межэтническом совете при Уполномоченном по делам религий и национальностей : утв. приказом Уполномоч. по делам религий и национальностей, 23 янв. 2010 г., № 7 // Там же. URL: https://belarus21.by/Articles/nac_pol (дата обращения: 16.11.2024).

явные и скрытые ограничения в освоении общеупотребляемых языков, поиске жилья, работы, интеграции в общественную жизнь и др.) остаются в тени.

Крайне важной в организации регулирования сферы межнациональных отношений видится актуализация реальных проблем и жизненных вызовов как краткосрочных и долгосрочных мигрантов, так и коренных национальных общностей. Участие мигрантов в принятии решений, затрагивающих их самих и то общество, частью которого они являются, представляет собой фундаментальное право, основание для межкультурного мира и согласия. Сформулированная еще в 1969 г. специалистом по политическому и социальному участию Ш. Арнштейн концепция лестницы гражданского участия остается актуальной по сей день для самых разных сообществ, стремящихся к открытому диалогу всех сторон, которые их составляют. Путь от неучастия к осязаемому гражданскому контролю и влиянию проходит через восемь ступеней. Если на первых двух ступенях то или иное сообщество выступает в роли пассивного субъекта воздействия, принимает участие в организуемых процессах, демонстрирует требуемое организаторами процессов, но слабо представляет истинные цели мероприятий, то на более высоких ступенях оно уже получает информацию о ситуации, но не имеет возможности для реализации обратной связи. На третьей, четвертой и пятой ступенях используются различные способы формального вовлечения социальных групп в существующие активности. Мнение социальных групп учитывается, но решение о том, как действовать в отношении поставленной задачи, все равно принимают иные заинтересованные лица. Реальное участие тех или иных общностей в социальной жизни начинается с партнерства, объединения усилий с населением страны. Через делегирование деятельности собственно целевым группам население приходит к тому, что именно оно актуализирует проблемы, планирует необходимые трансформации и имеет возможность претворить их в жизнь [2].

В этом смысле Республика Беларусь имеет потенциал государства, в котором сфера межнациональных и межконфессиональных отношений в равной мере регулируется властями и остается открытой для активного гражданского участия этнических сообществ. В то же время на данный момент преимущественная часть активностей, к сожалению, направлена на информационно-методическую, научную, организационно-инструктивную поддержку развития культуры и языков меньшинств, что, скорее всего, является лишь вершиной «айсберга» межкультурной коммуникации в пределах страны.

Метафора «айсберга» оказывается уместной и для преимущественного большинства мероприятий, проводимых с участием представителей национально-культурных объединений. Видимые и осязаемые проявления культуры, такие как фольклорное творчество, национальные костюмы, кухня и обряды, без сомнения дают некое представление о том, чем

живет и как позиционирует себя та или иная национальная общность. Вместе с тем один из теоретиков концепции «айсберга» культуры Э. Шейн справедливо отмечает: «...наблюдатели могут описать, что они видят и чувствуют, но только исходя из этого не могут реконструировать, что эти вещи значат для данной группы» (перевод наш. – Т. П.) [3, р. 18]. Скрытыми от членов иных этнонациональных групп остаются ценности и базовые предпосылки поведенческих паттернов представителей культуры. Отношение к природе, здоровью, личному пространству, правосудию, подходы к воспитанию детей, понятия чистоты, красоты, скромности и многое другое являются, как правило, неосознаваемыми и принимаются людьми как данность, заложенный поколениями предков способ мировидения. С помощью культурно-зрелищных, информационных мероприятий исторического или развлекательного характера невозможно полностью ознакомить представителей одних наций с особенностями чужой культуры, поскольку эти мероприятия чаще раскрывают лишь ее внешне-атрибутивные аспекты. А ведь именно на этом уровне в повседневной реальной жизни и происходят большинство столкновений между людьми, имеющими разный национально-культурный бэкграунд.

В ситуации, когда этнокультурный состав населения, проживающего на территории Республики Беларусь, претерпевает трансформации в сторону уменьшения количества коренных национальных общностей в пользу некоренных, мигрантских общностей, а культурно дистанцированные общины стабильно растут, приобретает актуальность использование новых подходов к организации сферы межнациональных отношений. Безусловно, необходимыми становятся предвидение и предупреждение новых вызовов, с которыми в краткосрочной или долгосрочной перспективе может столкнуться белорусское общество. Важным направлением исследовательской и организационно-методической работы является разработка механизмов дифференцирования интеграционного потенциала мигрантов, прибывающих в Республику Беларусь, и выявления их истинных потребностей в процессе социокультурной и психологической адаптации к проживанию в белорусском социуме. Некоторым категориям мигрантов оказывается достаточно базовой инструментальной поддержки по прибытии в страну. Другие же группы нуждаются в принятии государством тщательных интеграционных мер по подготовке разных областей их жизни к проживанию в республике.

Упрощенно можно выделить три этапа возможных интеграционных мер, которые применяются в отношении людей, планирующих длительное пребывание на территории Республики Беларусь. Первым является предварительный этап. Этот период содержит потенциал подготовки к получению кросс-культурного опыта. На стадии подготовки к переезду либо на его самых ранних этапах наиболее актуальными являются активное накопление культуроспецифичных знаний и формирование эффективных

и уместных кросс-культурных компетенций, что может быть достигнуто с помощью реализации образовательных программ и проектов как академического, так и интерактивного характера.

Следующим этапом интеграционных мер является организация собственно аккультурационного контакта, в ходе которого мигранты так или иначе сталкиваются с симптомами аккультурационного стресса, вызванными как проблемами с коммуникацией, так и сложностями в решении повседневных задач бытового, профессионального и учебного характера. В такой ситуации уместной становится не только инструментальная, но и профессиональная психологическая помощь тем, кто не в состоянии самостоятельно преодолеть трудности адаптации. Безразличное отношение к процессам, происходящим вокруг, и закрытость иностранца часто могут быть не стремлением к сепарированности, а лишь реакцией на невозможность справиться с бременем повседневных вызовов.

Одним из факторов, позитивно влияющих на успешность преодоления сложностей аккультурации, является знание языков общения, применяемых в государстве длительного проживания. В случае с Республикой Беларусь определяющим становится знание более широко распространенного в регионе и активно используемого местным населением в повседневном общении русского языка. Следует отметить важность наличия доступного для дистанцированных в языковом плане мигрантов учебного пособия по русскому языку (например, учебно-методическое пособие, разработанное специалистами Республиканского института высшей школы А. И. Лазовской и Е. В. Тихоненко). Пособие по русскому языку как иностранному «не ориентировано национально, поэтому может быть использовано в любой национальной аудитории»¹⁵. Данное пособие не ограничено профессиональными рамками, оно помогает изу-

чающим язык мигрантам ориентироваться в окружающей действительности.

В то же время материалы учебника разработаны для иностранных студентов учреждений высшего образования, которые проходят интенсивные подготовительные в отношении основного обучения языковые курсы. Другие категории иностранных мигрантов вынуждены либо осваивать язык самостоятельно, либо обращаться к преподавателям, дающим индивидуальные занятия, либо посещать коммерческие занятия, которые, к сожалению, не всегда могут предоставить качественный образовательный процесс за запрашиваемую плату. Таким образом, повышение доступности изучения русского языка как иностранного для мигрантов, планирующих долгосрочное проживание на территории Республики Беларусь, является одной из актуальнейших задач организации межнациональных отношений, упрощающих решение многогранных повседневных задач для всех сторон.

Наконец, третьим этапом интеграционных мер, применяемых государством, является собственно сожительство представителей разных культур на территории одной страны. Здесь приоритетными становятся максимально прозрачные и понятные регулирование социальных процессов, государственная политика, а также свобода национально-культурной самоидентификации. Оказание необходимой и уместной социальной поддержки также является одним из способов сохранения межнационального мира и согласия. Новые мигранты, лишенные содействия в адаптации со стороны принимающего государства, склонны концентрировать свои межличностные отношения в среде соотечественников, предоставляющих необходимый социальный капитал, трудовые возможности, доступное жилье и др., что, в свою очередь, способно привести к этнической анклавизации в обществе.

Заключение

Внимательный анализ действующего законодательства Республики Беларусь в области управления миграционными процессами и проведения этнокультурной политики в отношении граждан государства, иностранных граждан и лиц без гражданства позволяет прийти к ряду выводов, служащих основанием для осмысления существующих на данный момент и возможных в будущем механизмов социокультурной адаптации мигрантов. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что привлечение внешних мигрантов, в том числе дистанцированных от белорусской культуры в этнонациональном плане, является официальным государственным приоритетом в целях нейтрализации демографических рисков и обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

В Республике Беларусь на законодательном уровне общественные отношения регулируются посред-

ством гражданско-правового подхода. Население республики составляют следующие основные группы лиц: граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства. Закон определяет три категории иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих легальные основания для нахождения в пределах страны: 1) временно пребывающие мигранты; 2) временно проживающие, или кратковременные, мигранты; 3) постоянно проживающие, или длительные, мигранты. В то же время гражданство Республики Беларусь может быть получено каждым в установленном законом порядке.

Этнонациональная структура населения Республики Беларусь включает как граждан государства, так и долговременных и кратковременных мигрантов. Определение и указание своей этнонациональной принадлежности является вопросом индивидуального

¹⁵Лазовская А. И., Тихоненко Е. В. Русский язык как иностранный (начальный курс) : учеб.-метод. пособие. В 2 ч. Минск : Республиканский институт высшей школы, 2010. Ч. 1. С. 3.

выбора и находится вне зависимости от гражданско-правового статуса лица. В Республике Беларусь в качестве одного из государственных приоритетов определяются сохранение и развитие белорусской национальной культуры, признается значимость традиций, религий и языков коренных национальных общностей для духовного становления страны. В то же время согласно нормативно-правовой базе этнокультурной политики государства декларируется свобода самоидентификации, вероисповедания и использования языков для всех лиц, находящихся на территории страны.

Несмотря на гибкость политики в отношении культурного многообразия, данная тема является фоновой для белорусского законодательства. Нормативно-правовые документы содержат скорее общие декларативные положения, нежели конкретные механизмы регулирования межэтнической коммуникации. Периферийность этого вопроса для общественной и политической дискуссии подтверждает и отсутствие на государственном уровне какой-либо единой концепции. Пожалуй, единственным законодательным актом, посвященным вопросам межкультурных отношений в государстве, является Закон. Однако все более очевидной становится необходимость в пересмотре данного документа с учетом смены социально-философских подходов к осмыслению и регуляции миграционных и аккультурационных процессов. Его ограничительный характер в отношении гражданско-правового статуса представителей национальных меньшинств не позволяет полноценно управлять этнонациональным многообразием и не допускает в правовое поле этнокультурной политики ряд существующих и формирующихся диаспор.

Законодательство Республики Беларусь постепенно формирует новую правовую парадигму, находящую выражение в иных нормативных актах. Тем не менее понятие национальной общности (в более широком смысле этнонациональной общности) на данный момент не имеет официального юридического толкования и недостаточно широко используется при реализации этнокультурной политики. Вместе с тем новый подход, основанный на применении более актуальной терминологии и инкорпорирующий в правовое поле как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, видится своевременным шагом белорусского государства в сторону развития нормативно-правовой базы миграционной и этнокультурной политики.

Ключевым государственным органом, отвечающим за организацию и обеспечение регулирования сферы межнациональных отношений, является аппарат Уполномоченного по делам религий и нацио-

нальностей. При нем функционируют Консультативный межконфессиональный совет и Консультативный межэтнический совет, гарантирующие прямое участие официально зарегистрированных в Республике Беларусь религиозных и национально-культурных объединений в решении вопросов, обеспечивающих межкультурный мир и согласие на территории страны. Республиканский центр национальных культур, в свою очередь, призван оказывать информационно-консультативную и организационно-методическую поддержку деятельности национально-культурных общественных объединений. В системе образования приобретает актуальность тема поликультурного воспитания и образования учащихся разных возрастов. Вместе с тем в качестве рисков для существующей в настоящее время системы управления сферой межнациональных отношений можно выделить возможный недостаток кадров, мало разветвленную структуру органов государственного управления, занимающихся межнациональными вопросами, а также отсутствие релевантной системы мониторинга и оценки этнокультурной ситуации в стране. Эти риски могут помешать предвидеть новые вызовы, связанные с усилением миграционных процессов и ростом гетерогенности белорусского общества, а также не позволяют своевременно и эффективно отреагировать на них.

Безусловно, при определяющей и направляющей роли белорусского государства в регулировании сферы межнациональных отношений большая часть ответственности за предложение и продвижение действительно значимых инициатив и претворение их в жизнь лежит на представителях собственно национальных общностей, активно включенных в аккультурационные процессы. Также все более актуальной становится исследовательская и организационно-методическая работа, направленная на создание действенных интеграционных механизмов в отношении растущего числа мигрантов, прибывающих в Республику Беларусь. Эффективными в этом отношении могут стать меры, направленные на расширение доступа мигрантов к образовательным программам культуроспецифичного и кросс-культурного характера, профессиональной психологической помощи в целях преодоления значимых последствий аккультурационного стресса, курсам изучения русского языка как иностранного. В долгосрочной перспективе приоритетными мерами в отношении интеграции мигрантов является обеспечение свободы культурной самоидентификации и прозрачности государственной политики в социальной сфере.

Библиографические ссылки

1. Осипов А. Этнокультурная политика в Беларуси: сопоставление с международным контекстом. В: Европейский центр по вопросам меньшинств. *Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире*. Минск: Медисонт; 2012. с. 171–198.
2. Arnstein ShR. A ladder of citizen participation. *Journal of the American Planning Association*. 1969;35(4):216–224.
3. Schein EH. *Organizational culture and leadership*. New Jersey: John Wiley & Sons; 2016. 416 p.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 687.01(075.8)+391(091)(075.8)

Остапчик Т. К. Теория моды и история костюма : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-19 01 01 «Дизайн (по направлениям)», направление спец. 1-19 01 01-05 «Дизайн (костюма и тканей)» / Т. К. Остапчик ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 53 с. : табл. Библиогр.: с. 52–53. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/319394>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.09.2024, № 013030092024. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов дневной формы обучения специальности 1-19 01 01 «Дизайн (по направлениям)» (направление специальности 1-19 01 01-05 «Дизайн (костюма и тканей)»). Содержание ЭУМК предусматривает развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций студентов. Цель ЭУМК – предоставить студенту полный комплект учебно-методических материалов для аудиторного и самостоятельного изучения дисциплины.

УДК 331.101.1(075.8)

Чардымов А. И. Эргономика : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-19 01 01 «Дизайн (по направлениям)» / А. И. Чардымов ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2025. 115 с. : табл. Библиогр.: с. 111. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/325995>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.02.2025, № 002317022025. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс способствует формированию знаний, умений и навыков, необходимых для применения эргономической информации в проектировании пространства человека в процессе деятельности дизайнера.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> Риторико-фигуративный подход к истории художественного жеста.....	4
<i>Баньковская Ю. Л.</i> Сетевая культура как основание национальной безопасности социального развития.....	10
<i>Крывалап А. Д.</i> Культурная ідэнтэчнасьць: персанальны выбар ці сацыяльная норма.....	15

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Ван Цзяцзин.</i> Эволюция ударных инструментов в мировой музыкальной культуре.....	20
<i>Рабец Т. Д.</i> Историография этнологического изучения народной медицины белорусов XIX – первой половины XX в.	27
<i>Сы Чжэньюй.</i> Эволюция имиджа китайских сельских предпринимателей в контексте современной китайской культуры (конец 1970-х – 1990-е гг.).....	35

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ

<i>Дадырова А. А.</i> Музей-заповедник «Бозок», музей С. Сейфуллина, музей-кабинет Л. Н. Гумилёва: исторические места памяти как инструменты коммеморации.....	40
<i>Смоликова Т. М.</i> Роль блокчейн-игр в формировании криптокультуры цифровых экосистем.....	46
<i>Параб Т. А.</i> Миграционная и этнокультурная политика Республики Беларусь как фактор адаптации национальных общностей.....	51
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	61

CONTENTS

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> The rhetoric-figurative approach to the history of artistic gesture.....	4
<i>Bankovskaya Yu. L.</i> Network culture as the foundation of national security and social development.....	10
<i>Krivolap A. D.</i> Cultural identity: personal choice or social norm.....	15

WORLD AND NATIONAL CULTURE

<i>Wang Jiajing.</i> The evolution of percussion instruments in world music culture.....	20
<i>Rabetz T. D.</i> Historiography of ethnological study of Belarusians folk medicine of the 19 th – the first half of the 20 th century.....	27
<i>Si Zhenyu.</i> The evolution of the image of Chinese rural entrepreneurs in the context of contemporary Chinese culture (late 1970s – 1990s).....	35

CULTURAL INDUSTRIES

<i>Dadyrova A. A.</i> Museum-reserve «Bozok», museum of S. Seifullin, museum-office of L. N. Gumilyov: historical places of memory as instruments of commemoration.....	40
<i>Smolikova T. M.</i> Role of blockchain games in shaping the cryptoculture of digital ecosystems.....	46
<i>Parab T. A.</i> Migration and ethnocultural policy of the Republic of Belarus as a factor of national communities adaptation.....	51
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	61

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по культурологии, искусствоведению, дизайну.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Человек в социокультурном измерении.
№ 1–2. 2025**

Научно-теоретический журнал

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Редактор *С. Р. Пинчук*

Технический редактор *М. А. Панкратова*

Корректоры *С. Р. Пинчук, В. И. Авчинникова*

Подписано в печать 29.08.2025.

Тираж 25 экз. Заказ 1147.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».

ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.

Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2025

**Human in the Socio-Cultural Dimension.
No. 1–2. 2025**

Scientific and theoretical journal

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Editor *S. R. Pinchuk*

Technical editor *M. A. Pankratova*

Proofreaders *S. R. Pinchuk, V. I. Avchinnikova*

Signed print 29.08.2025.

Edition 25 copies. Order number 1147.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».

License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.

13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2025